

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Красильникова Наталия Алексеевна

**Метафорическая репрезентация
лингвокультурологической категории
СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе
США, России и Англии**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научные руководители:

Кандидат филологических наук,
доцент Г. Н. Бабич

Заслуженный деятель науки РФ,
доктор филологических наук,
профессор А. П. Чудинов

Екатеринбург – 2005

Содержание

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы исследования метафорической репрезентации категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе Англии, США и России	13
1.1. Дискурсивные основы исследования экологического дискурса США, России и Англии.....	14
1.2. Когнитивные основы исследования метафор в экологическом дискурсе США, России и Англии.....	33
1.3. Лингвокультурологические основы исследования концептуальной метафоры в политическом дискурсе США, России и Англии.....	43
1.4. Теоретические основы сопоставительного исследования лингвокультурологической оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ в дискурсе экологических движений.....	57
Выводы по первой главе	69
Глава 2. Метафорическое представление ЧУЖИХ в экологическом дискурсе США, России и Англии	72
2.1. Метафорическое представление ЧУЖИХ в американском экологическом дискурсе.....	72
2.1.1. ОНИ – ПОЛИТИКИ	73
2.1.2. ОНИ – КОРПОРАТИВНЫЕ КАПИТАЛИСТЫ.....	81
2.1.3. ОНИ - СМИ	84
2.2. Метафорическое представление ЧУЖИХ в российском экологическом дискурсе.....	87
2.2.1. ОНИ – ПОЛИТИКИ.....	88
2.2.2. ОНИ – ОЛИГАРХИ.....	90
2.3. Метафорическое представление ЧУЖИХ в английском экологическом дискурсе.....	91
2.3.1. ОНИ – ПОЛИТИКИ.....	91

2.3.2. ОНИ – КОРПОРАТИВНЫЕ КАПИТАЛИСТЫ.....	98
2.3.3. ОНИ – США.....	99
2.4. Метафорическое представление Зеленых как ЧУЖИХ в экологическом дискурсе США, России и Англии.....	102
Выводы по второй главе	111
Глава 3. Метафорическое представление СВОИХ в экологическом дискурсе США, России и Англии.....	114
3.1. Метафорическое представление СВОИХ в американском экологическом дискурсе	115
3.1.1. МЫ – ПАРТИЯ.....	115
3.1.2. МЫ – СТРАНА.....	123
3.1.3. МЫ – ПЛАНЕТА.....	126
3.2. Метафорическое представление СВОИХ в российском экологическом дискурсе	129
3.2.1. МЫ – ПАРТИЯ.....	130
3.2.2. МЫ – СТРАНА.....	132
3.2.3. МЫ – ПЛАНЕТА.....	135
3.3. Метафорическое представление СВОИХ в английском экологическом дискурсе	137
3.3.1. МЫ – ПАРТИЯ.....	138
3.3.2. МЫ – СТРАНА.....	143
3.3.3. МЫ – ПЛАНЕТА.....	147
Выводы по третьей главе	152
Заключение	154
Библиография	158
Приложение 1. Таблицы, диаграммы и схемы.....	192
Приложение 2. Политическая культура США, России и Англии как фактор, воздействующий на метафорическую систему.....	200

Введение

Настоящая диссертация посвящена комплексному когнитивному исследованию метафорической репрезентации биполярной лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в дискурсе экологических движений Англии, США и России.

Одной из определяющих задач когнитивно-дискурсивной парадигмы знания является изучение процессов познания мира в их связи с языком. Соответственно, в центре внимания исследователей находятся единицы, отражающие акты осмысления мира и его освоения человеком (Т. Адамсон, М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Дж. Лакофф, Г. Лэм, К. Малоун, А. Мусолфф, Т. Рохрер, М. Тернер, Ж. Фоконье, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, В. В. Петров, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов и др.). Решающим фактором концептуализации мира являются социально-психологические установки, ценности, стереотипы сознания, формирующие способы видения мира и представления людей, принадлежащих к определенной лингвокультурной общности. Вследствие этого изучение особенностей развития человечества и межкультурного взаимодействия невозможно без учета особенностей национальных менталитетов, политической культуры и норм поведения в соответствующей стране. Именно с этой точки зрения мы подходим к рассмотрению концептуальных метафор в дискурсе экологического движения Америки, России и Англии.

В рамках различных научных направлений принято сопоставлять западную и восточную культуры и определять положение русской культуры как результат их взаимодействия. Однако представляется не менее важным выявление специфических социально-психологических характеристик отдельных наций внутри определенного цивилизационного типа, диктующего схожесть развития культуры. Еще Джордж Бернард Шоу писал: «Англия и Америка – две страны, разделенные одним языком» [Dictionary of quotations 1989: 586]. По этому поводу иронизировал и Оскар Уайлд: «Сегодня нас с Америкой объ-

единяет все, кроме языка» [The Canterville Ghost 1887]. Действительно, каждый народ уникален, и даже единство языка не определяет идентичность установок национальных менталитетов родственных народов. С этих позиций мы проводим автономное исследование моделей метафорической концептуализации мира в политическом дискурсе экологического движения двух англоязычных стран - США и Англии.

Международное экологическое движение объединяет представление о том, что экономическое, социальное и политическое развитие современного общества пришло в противоречие с ограниченными ресурсопроизводящими и жизнеобеспечивающими возможностями биосферы. Промышленное, сельскохозяйственное, рекреационное и другие разновидности природопользования сопровождаются не только получением желаемых результатов, но и комплексными проблемами, которые создают кризисную для устойчивого развития общества экологическую ситуацию во всем мире. Исследовательский интерес к движению Зеленых обусловлен бесспорной актуальностью, глобальностью и гуманизмом поднимаемых ими проблем и сложностями, с которыми сталкиваются экологи в жестких условиях политической коммуникации, где отношения строятся по особым правилам, где необходимо владение приемами имплицитного речевого воздействия.

Прагматический смысл политических баталий заключается в завоевании доверия адресата и привлечении в свой лагерь как можно большего числа избирателей путем интеграции СВОИХ, дискредитации ЧУЖИХ и создания идеологически выверенной картины мира в сознании электората. Поэтому в качестве координатных осей данного когнитивно-дискурсивного исследования рассматривается биполярная лингвокультурологическая категория СВОИ - ЧУЖИЕ, которая отражает константы национального сознания и базовые представления, тиражируемые культурой (П. Бурдые, Р. Водак, О. С. Иссерс, М. Л. Макаров, Н. А. Санцевич, Ю. С. Степанов, Т. В. Цивьян, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, К. Шмит и др.).

Актуальность комплексного когнитивного исследования метафорического моделирования биполярной лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в дискурсе экологических движений Англии, США и России обусловлена перспективностью дальнейшего развития теории концептуальной метафоры и ее преломления в сфере межкультурной коммуникации. Сравнение тенденций метафорического конструирования реальности и описание конкретных метафорических моделей в политическом дискурсе различных стран позволяют выявить сходные, различные и специфические черты национального мировосприятия и категоризации действительности. Сопоставительные когнитивно-дискурсивные исследования высоко продуктивны и обладают большой значимостью для развития кросс-культурного взаимодействия, повышения эффективности общения и формирования способности декодировать глубинные смыслы в международной политической коммуникации.

Объектом данного диссертационного исследования является метафорическое словоупотребление в политическом дискурсе экологических движений США, России и Англии по материалам публикаций 2000 – 2004 гг.

Предмет исследования – концептуальные метафоры, посредством которых в политическом дискурсе партий Зеленых США, России и Англии реализуется биполярная лингвокультурологическая категория СВОИ - ЧУЖИЕ.

Материалом для исследования послужили политические тексты экологической проблематики. Всего проанализировано 200 текстов, из которых отобрано 1500 метафор (по 500 метафор на каждую из рассматриваемых стран), охватывающих период с 2000 по 2004 год. Для исследуемых политических текстов характерно тематическое единство, связанное с деятельностью экологических организаций в рассматриваемых странах. Анализируемый материал относится к агитационно-политическому дискурсу и ориентирован на массового читателя. В ходе работы были использованы как печатные, так и электронные источники, среди них: *Время новостей*, *Зеленый мир*, *Известия*, *Комсомольская правда*, *Наука и жизнь*, *Независимая газета*, *Правда*, *Российская газета*, *Экологическое досье России*, *Arizona Daily Star*,

Ecology, Economist, Independent, Investor's Business Daily, Los Angeles Times, New York Times, The Guardian, The Morning Star, The San Francisco Chronicle, The Telegraph, York Daily Record, <http://thenation.com>, www.greenparty.org.uk, <http://www.greenpeace.org>, www.media-alliance.org и др.

Целью диссертации является когнитивно-дискурсивное исследование концептуальных метафор (выявление и описание доминантных моделей, их систематизация, анализ закономерностей функционирования и рассмотрение с позиций лингвокультурологии), используемых для репрезентации биполярной лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в современном экологическом дискурсе США, России и Англии.

Для достижения данной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Уточнить теоретические предпосылки и методологию сопоставительного когнитивного исследования метафор, используемых для репрезентации биполярной лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе.

2. Систематизировать языковой материал и выявить концептуальные метафоры в текстах, относящихся к экологическому дискурсу Англии, России и США. Выявить и дать сравнительное описание доминантных метафорических моделей, используемых для выражения биполярной лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе названных стран.

3. Проанализировать закономерности метафорического представления оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ в английском, американском и российском экологическом дискурсе.

4. Провести автономное исследование особенностей метафорического представления биполярной лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе России, Англии и США.

5. Изучить лингвокультурологические и социальные аспекты метафорической репрезентации оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе каждой из названных стран и рассмотреть прагматический потенциал указанной категории.

Следует отметить, что в задачи настоящего исследования не входит изучение метафор, характерных для экологических движений Уэльса, Шотландии и Ирландии, поскольку дискурс английских Зеленых может отличаться от дискурса экологистов, действующих в трех других частях Соединенного Королевства.

Методологической основой исследования служит *теория метафорического моделирования* (А. Н. Баранов, М. Блэк, М. Джонсон, Ф. Джонсон-Лэрд, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Дж. Лакофф, А. МакКормак, С. Л. Мишланова, Т. Г. Скребцова, Ж. Фоконье, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Представленная работа также опирается на положения, разработанные в рамках *теории дискурса* (А. Г. Баранов, Р. Водак, Т. ван Дейк, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, П. Серио, М. Стаббс, Е. И. Шейгал и др.). Кроме того, для проведения данного сопоставительного лингвокультурологического исследования привлекались достижения *прагмалингвистики* и *теории речевого воздействия* (Н. Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, Р. Водак, М. Р. Желтухина, В. И. Жельвис, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Н. Б. Руженцева, Г. Г. Слышкин, Е. И. Шейгал), а также теории *межкультурной коммуникации* и *лингвокультурологии* (Б. С. Ерасов, С. Г. Воркачѳ, В. И. Карасик, В. В. Красных, О. А. Леонтович, В. А. Маслова, В. В. Ощепкова, Г. Г. Слышкин, И. А. Стернин, М. А. Стернина, В. Н. Телия, С. Г. Терминасова и др.).

Многоаспектное рассмотрение вопроса обусловило выбор разнообразных **методов исследования**, основными из которых являются когнитивно-дискурсивный и сопоставительный анализ, осуществляемые с учетом лингвокультурной парадигмы и национальных особенностей носителей соответствующих языков и культур. Кроме этого для решения поставленных задач применяется описание, моделирование, систематизация и интерпретация речевого материала, метод дедукции, позволяющий на основании интерпретации частных языковых фактов, сделать обобщенные выводы, а также элементы контекстуального анализа и метода количественной обработки.

Научная новизна исследования. В диссертации представлено сопоставительное исследование ранее научно не изученного языкового материала. Предпринято комплексное исследование концептуальных метафор, функционирующих в рамках двух культур, объединенных использованием одного языка (США и Англия). В процессе изучения биполярной лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ выявлены универсальные концептуальные метафоры, свидетельствующие об общих тенденциях развития экологического интердискурса. Проведен анализ метафорических моделей, отражающих особенности политического дискурса экологов рассматриваемых стран. Для проведения данного сопоставительного исследования была использована новая комбинированная методика исследования метафорических моделей, совмещающая элементы когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического описания.

Теоретическая значимость исследования заключается в сопоставительном когнитивном изучении метафорического моделирования в дискурсе экологических движений России, США и Англии и в развитии методики сопоставительного анализа метафор. Материалы диссертации могут быть использованы в дальнейших теоретических исследованиях по проблемам общей теории метафорического моделирования и ее применения в рамках национальных дискурсов, а также в сопоставительных исследованиях лингвокультурных закономерностей метафорического картирования реальности и в изучении политической культуры различных стран. Представленная в диссертации методика обогащает набор приемов исследования метафор в дискурсе биполярной лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его материалов в лексикографической практике (при подготовке словаря политической метафоры), а также в практике преподавания иностранного языка при подготовке специалистов по организации международного туризма и делового сотрудничества, по теории и практике перевода, экологии, политологии и межкультурным отношениям. Материалы исследования могут

быть использованы в элективных курсах «Политическая лингвистика», «Политическая метафора», «Лингвокультурология» и при написании студентами-лингвистами курсовых и дипломных работ. Работа будет интересна для журналистов и всех, кто интересуется вопросами теории языка и использования метафор в публицистике и политической коммуникации.

Апробация исследования. Основные положения диссертации обсуждались на заседании кафедры риторики и межкультурной коммуникации Уральского государственного педагогического университета.

Базовые теоретические положения исследования изложены на международных научных конференциях в Воронеже (2003), Москве (2004), Перми (2005), на региональных и общероссийских научных конференциях в Екатеринбурге (2003, 2004).

По теме диссертации опубликовано 10 работ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Концептуальная метафора, отражающая биполярную категорию СВОИ – ЧУЖИЕ, в американском, российском и английском экологическом дискурсе является не только важнейшим средством концептуализации, категоризации и оценки действительности, но и эффективным способом воздействия на сознание адресата.

2. Когнитивно-дискурсивное исследование метафорического моделирования экологического дискурса США, России и Англии позволяет выделить основные компоненты представления СВОИХ и ЧУЖИХ для партий Зеленых этих стран. К числу универсальных моделей представления категории СВОИ относятся МЫ – ПАРТИЯ, МЫ – СТРАНА и МЫ – ВСЕЛЕННАЯ. Соответственно в качестве ЧУЖИХ регулярно представляются ОНИ – ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ и ОНИ – КОРПОРАТИВНЫЕ КАПИТАЛИСТЫ (США, Англия) или ОЛИГАРХИ (Россия). Экологи Англии к числу ЧУЖИХ относят также США, а для американских Зеленых ЧУЖИЕ – это еще и СМИ. Для России характерно своеобразное раздвоение экологического движения на МЫ – подлинные ЭКОЛОГИСТЫ и ОНИ – ЧИНОВНИКИ от экологии.

3. К универсальным и частотным для экологического дискурса России, Англии и США относятся метафоры *организма, дороги, болезни, войны и спорта*. Менее распространены, но достаточно регулярны метафоры *стихии и животного мира*. *Театральная* метафора наиболее актуализирована в российской и американской политической речи, посвященной экологическим проблемам, а метафора *болезни* лидирует в экологическом дискурсе России и Англии. Концепты *дом* и *строительство* часто используются в англоязычном дискурсе, тогда как концептуальная метафора *механизма* более характерна только для англичан.

4. Особенностью российского экологического дискурса является сосредоточенность на внутренней политике, а также табуированность *сексуальной* метафоры и широкая распространенность метафорического представления родной страны как *свалки*. Для названных англоязычных культур в равной степени характерно метафорическое представление мира сквозь призму *педагогических* и *экономических* понятий, что несвойственно российской экологической лингвокультуре.

5. Специфика метафорического моделирования в экологической коммуникации обусловлена не только языковой средой, но и дискурсивными характеристиками. Уникальными чертами английского экологического дискурса являются постоянное обращение к *историческим* фактам, национальным традициям, частое использование *прецедентных* имен и ситуаций, а также индифферентность к метафоре *родства*. Особенность американского экологического дискурса - распространенность метафоры *кино*, меньшая частотность *морбиальной* и отсутствие *монархической* метафоры.

В первой главе диссертации «Теоретические основы исследования метафорической репрезентации категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе Англии, США и России» излагаются теоретические основы исследования концептуальных метафор, через которые реализуется лингвокультурологическая биполярная категория СВОИ – ЧУЖИЕ в дискурсе экологических движений Англии, США и России. Начальный раздел главы посвящен

дискурсивным основам исследования: определены понятия *дискурс, политический дискурс, экологический дискурс* и охарактеризованы этапы становления международного Зеленого движения. В следующем разделе рассматриваются различные аспекты изучения концептуальной метафоры в политическом дискурсе, определяется методика сопоставительного описания метафорических моделей. Третий раздел посвящен лингвокультурологическим основам сопоставительного исследования концептуальной метафоры в политическом дискурсе США, России и Англии. В этом разделе рассматриваются особенности национальных менталитетов американцев, русских и англичан, а также политическая культура изучаемых стран. В последнем разделе представлены теоретические основы сопоставительного исследования оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ в политическом дискурсе.

Во второй главе «Метафорическое представление ЧУЖИХ в экологическом дискурсе США, России и Англии» представлено когнитивно-дискурсивное описание основных метафорических моделей, которые используются борцами за сохранение окружающей среды для характеристики своих противников в экологическом дискурсе рассматриваемых стран.

Третья глава «Метафорическое представление СВОИХ в экологическом дискурсе США, России и Англии» посвящена когнитивно-дискурсивному исследованию основных метафорических моделей, используемых защитниками природы из указанных стран при характеристике социумов, от имени которых они выступают.

В заключении представлены основные выводы по проведенному исследованию и намечаются перспективы дальнейшего сопоставительного исследования концептуальной метафоры в агитационно-политическом дискурсе.

В приложениях к диссертации представлены две таблицы, три схемы и три диаграммы, отражающие метафорическое представление СВОИХ и ЧУЖИХ, а также характеристика политической культуры США, России и Англии как фактора, воздействующего на метафорическую систему.

Глава 1. Теоретические основы исследования метафорической репрезентации категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе Англии, США и России

Основная цель этой главы – создание теоретической базы для исследования закономерностей метафорического моделирования биполярной лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе Англии, США и России. Для достижения этой цели необходимо уточнение понятийно-терминологического аппарата исследования и последовательное определение теоретических подходов, позволяющих максимально глубоко и полно рассмотреть имеющийся речевой материал. Поэтому каждый из разделов данной главы ориентирован на решение одной из следующих **задач**:

1. Изучение современной лингвистической теории дискурса и выявление, наиболее существенных общих свойств экологического дискурса и специфических характеристик экологического дискурса в Англии, США и России.
2. Рассмотрение когнитивных основ теории метафорического моделирования с учетом специфики метафорического осмысления реальности в политическом дискурсе различных стран и представление используемой в диссертации методики анализа метафорических моделей.
3. Изучение лингвокультурологической специфики экологического дискурса в Англии, США и России с учетом особенностей национального менталитета и представлений об отношениях человека и природы.
4. Исследование сущности и специфических свойств категории СВОИ – ЧУЖИЕ и рассмотрение дискуссионного вопроса о семантическом или лингвокультурологическом статусе этой категории.

1.1. Дискурсивные основы исследования экологического дискурса США, России и Англии

Вопрос о сущности и свойствах дискурса постоянно привлекает внимание современных лингвистов (Н. Н. Белозерова, Н. Н. Болдырев, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, М. Л. Макаров, П. Б. Паршин, П. Серио, В. Е. Чернявская, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). По мнению английских лингвистов ДИСКУРС включает в себя «все формы речевой интеракции, а также письменные тексты всех видов» [Potter, Wetherell 1987: 7]. Дебора Шифрин предлагает рассматривать ДИСКУРС как целостную совокупность функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка [Schiffrin 1994: 39 - 41]. Во французской лингвистике, как показывает Патрик Серио, термин ДИСКУРС может обозначать и речевую деятельность, и текст, и контекст, и высказывание в его взаимосвязях с коммуникативной ситуацией [Серио 1999]. В российской науке также существуют разнообразные определения ДИСКУРСа, например:

- «текущая речевая деятельность в данной сфере» [Дымарский 1998: 19],
- «творимый в речи связный текст» [Конецкая 1997: 106],
- «завершенное коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определенной ситуации и в определенных социокультурных условиях» [Виноградов 1996: 139].

В «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» [2001] также зафиксировано несколько толкований ДИСКУРСА:

- 1) – совокупность тематически, культурно или как-либо еще взаимосвязанных текстов, допускающая развитие и дополнение другими текстами (напр., в лингвистике текста, дискурс-анализе),

2) – общение, рассматриваемое как реализация определенных дискурсивных практик [М. Фуко] (напр., в социологии, социальной семиотике, политической лингвистике)

3) – вид речевой коммуникации, предполагающий рациональное критическое рассмотрение ценностей, норм и правил социальной жизни и единственным своим мотивом имеющий достижение взаимопонимания [Хабермас Ю.] (в логике, философии, социальной семиотике).

Роль дискурса в современной науке удачно представил М. Л. Макаров, сравнив его с ролью *евро* в европейской экономике [Макаров 2003: 11]. Действительно, понятие ДИСКУРС принадлежит различным научным парадигмам (когнитивной, имманентно-лингвистической, социолингвистической, прагмалингвистической, психолингвистической, лингвостилистической, лингвокультурологической) и ввиду такой востребованности рассматривается по-разному.

В когнитивной лингвистике ДИСКУРС обычно понимается в широком смысле. По мнению Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова, ДИСКУРС – это «сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров 1989: 8]. Е. С. Кубрякова определяет ДИСКУРС как такую форму использования языка в реальном времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и ее целями [Кубрякова 2004с: 525]. По мнению Т. А. ван Дейка, ДИСКУРС - это сложное единство языковой формы, значения и действия, которое соответствует понятию "коммуникативное событие" [Дейк 1989: 46].

Как показывают специальные обзоры (П. Б. Паршин 1999; Е. И. Шейгал 2000; А. П. Чудинов 2001 и др.), в современной науке не существует единого

понимания и видового термина ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС. Выделяют три основных подхода к изучению политического дискурса: дескриптивный, критический и когнитивный [Шейгал 2000: 7–8]. *Дескриптивный* подход восходит к классической методике риторического анализа публичных выступлений, освещённой в трудах древних раторов (Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана). Один из аспектов дескриптивного подхода в лингвистике связан с изучением языкового поведения политиков: языковых средств, риторических приёмов и манипулятивных стратегий, используемых политиками в целях убеждения (см. Bergsdorf 1978, Atkinson 1984, Николаева 1988, Holly 1989, Михальская 1996, Баранов 1997, Паршин 1999).

Другим направлением дескриптивного подхода является анализ содержательной стороны политических текстов. «Методы контент-анализа и когнитивного картирования позволяют выявить когнитивные диспозиции отдельных политиков – ценности, склонность к конфликту или сотрудничеству, характер причинно-следственных связей в соответствующих фрагментах картины мира» [Шейгал 2000: 7] (также см. Janis 1949, Chilton 1990, Костенко 1993, Кордонский 1994, Дука 1998, Волкова 2000).

Критический подход направлен на изучение социального неравенства, выраженного в дискурсе. В рамках данного подхода рассматривается проблема использования языка как средства власти и социального контроля (см. Fairclough 1989, Дейк 1994, Водак 1997).

Когнитивный подход позволяет от описания единиц и структур дискурса перейти к моделированию структур сознания участников политической коммуникации. Анализ фреймов и концептов политического дискурса, метафорических моделей и стереотипов, лежащих в основе политических предубеждений, позволяет моделировать когнитивную базу политического дискурса (Fowler 1991, Gee 1996, Караулов 1987, Лассан 1995).

В современной политической лингвистике дискурс изучается по следующим направлениям: исследуется семиотическое пространство политического дискурса (Шейгал 2000), изучаются его культурно-языковые характе-

ристики (Попова 1995), рассматривается его ролевая структура (Бакумова 2002), описываются политические жанры, стили, нарративы (Гайкова 2003, Иванова 2003, Кочкин 2003), анализируются средства речевого воздействия (Иссерс 2003, Желтухина 2003).

В данном исследовании основной акцент сделан на лингвокультурологическом аспекте когнитивного изучения политической метафоры с целью выявления универсального и индивидуального в процессах конструирования окружающей реальности экологистами США, России и Англии и определения представлений носителей различных культур о социально-политической ситуации как внутри страны, так и за рубежом.

Таким образом, настоящая диссертационная работа отличается интегрированным подходом к изучению политического дискурса, вливаясь в поток междисциплинарных исследований. Поэтому задачам нашего исследования в наибольшей степени отвечают определение Е. С. Кубряковой, аккумулирующее все тенденции изучения дискурса в когнитивной науке (оно было представлено выше), и образное определение Н. Д. Арутюновой, привлекающее симпатии своей точностью и афористичностью. Продолжая мысль Н. Д. Арутюновой, «дискурс – это речь, погруженная в жизнь», мы считаем, что политический дискурс – это политическая речь, погруженная в политическую жизнь. Соответственно экологический дискурс – это речь, погруженная в политическую жизнь экологических движений. Поэтому для правильного осознания дискурсивных характеристик рассматриваемых политических метафор следует рассмотреть политические истоки и современные условия деятельности экологических движений в Англии, США и России.

Экологическое движение (Зеленые) – название групп, течений, неправительственных и политических организаций, занимающихся борьбой с разрушением окружающей среды и добивающихся большей гармонии во взаимоотношениях между человеком и природой. Зеленый цвет, который использу-

ется участниками движения в качестве общей эмблемы, служит символом природы, надежды и обновления.

Непосредственным толчком к оформлению движения стала проблема ядерного оружия и атомной энергетики. Экономический бум 1960-х сопровождался стремительным наращиванием АЭС; ядерные программы ведущих государств мира были расширены после нефтяного кризиса на Западе в 1973 – 1974 годах. Эти темы рассматривались как сфера компетенции государственной военной и энергетической политики, а потому противостояние общественности ядерному развитию непосредственно сталкивало альтруистически настроенных энтузиастов с властями и вело к радикализации движения.

В ходе противостояния властям экологическое движение начало выходить за чисто местные рамки и разрабатывать принципы собственного мировоззрения. Возникали региональные и национальные объединения гражданских инициатив в области защиты окружающей среды. В 1971 году в Северной Америке возникла первая экологическая организация – «Гринпис». Первоначально она занималась проблемами ядерных испытаний в США, но постепенно распространила свою деятельность по всему миру. В ФРГ федеральный союз энвайроменталистов возник в 1972 году; в конце 70-х он выдвинул программу требований, нацеленную, в самых общих чертах, на создание нового, справедливого и гуманного общества. Неслучайно Германию называют «колыбелью зеленого движения».

Хотя в большинстве крупных конфликтов успех оказывался не на стороне экологистов, деятельность антиядерных инициатив привела к активизации групп, занимающихся другими вопросами и темами защиты окружающей среды. Сотни тысяч людей участвовали в выступлениях, направленных против крупных транспортных объектов. Обращение к ядерной и транспортной проблематике вынудило Зеленых заниматься и вопросами военной политики.

Произошло сближение экологического движения со сторонниками «альтернативного образа жизни», которые занимали пустующее жилье и организовывали там жилищные сообщества, и коммуны. Этот сектор объединял в

1970 – 1980-х годах сотни тысяч людей в развитых индустриальных странах, и в нем преобладали также экологические взгляды на необходимость гармонии с окружающей средой, децентрализацию государственной власти, использование чистых технологий.

Трудности, с которыми сталкивались радикальные выступления, и разочарование участников движения во всех существующих политических партиях привели к созданию собственных политических организаций, защищающих интересы Зеленых. К новым политическим группировкам примкнули различные политики в надежде выдвинуться и добиться успеха с помощью популярных экологических лозунгов. Стали появляться Зеленые партии. Первая местная партия такого рода возникла в 1973 году в США. До конца 1970-х годов были созданы партии и списки Зеленых и экологов в ФРГ, Бельгии, Франции, Великобритании, Нидерландах, Италии, в последующие годы – Швеции, Финляндии, Австрии, Швейцарии и других европейских странах, Австралии, Новой Зеландии, Канаде и т.д. Партии, выступившие под флагом экологии, смогли добиться существенных успехов на выборах. Они провели кандидатов в парламенты Италии (1976), Швейцарии (1979), Бельгии (1981), ФРГ и Португалии (1983), Люксембурга и Австралии (1984), Австрии, Испании и Нидерландов (1986), Финляндии и Норвегии (1987), Швеции (1988), Греции и Ирландии (1989), Новой Зеландии (1993), Дании (1994), Франции и Канады (1997), Исландии (1999), Японии и других стран. После падения «берлинской стены» в 1989 году и образования многопартийных систем в странах бывшего «Советского блока» Зеленые партии появились и в государствах бывшего СССР и Восточной Европы.

Формируется международное объединение «зеленых» политических организаций. После выборов в Европейский парламент **1979** году была учреждена *Европейская координация экологических и радикальных партий*. В июне **1993** года она была преобразована в *Европейскую Федерацию Зеленых Партий*, в которую вошли экологи не только из Западной Европы, но и из

бывших стран Восточного блока и СССР, в том числе из государств, не входящих в Европейский Союз (включая Украину, Россию и Грузию).

Стремление Зеленых доказать свою пригодность к управлению государством диктовало свою логику: в 1990-х годах почти во всех экологических партиях взяли верх сторонники «реальной политики». Если прежде Зеленые определяли себя как «принципиально новую» силу, «антипартийную партию», теперь они становились такими же, как другие.

Это позволило Зеленым войти в правительства ряда стран, как правило, в коалиции с социал-демократами и другими левыми организациями: Франции (1992–1993, 1997–2002), Финляндии (1995–2002), Италии (1996–2001), ФРГ (с 1998), Бельгии (с 1999) и пр. Опыт пребывания у власти оказался для Зеленых противоречивым: им удалось закрепиться на политической арене, проникнуть в государственный истеблишмент, но это было достигнуто ценой отказа от многих ключевых принципов движения. Зеленые нигде не смогли добиться отказа от атомной энергетики, не настаивают на том, чтобы прекратить сокращение социальных расходов и приватизацию, стали терпимо относиться к НАТО и Европейскому Союзу (хотя продолжают настаивать на демократизации институтов последнего) и даже поддерживать проведение военных операций за рубежом (к примеру, в 1999 году в Югославии).

Сегодня экологическое движение в мире многолико. Существует множество групп, союзов, НГО и ассоциаций, которые занимаются проблемами, связанными с окружающей средой. В рядах Зеленого движения выделяют три основные направления: традиционная защита природы (*консервативизм*); прагматическая защита окружающей среды (*энвайронментализм*); *политическая и социальная экология* [Дамье: <http://www.new-anarchy.narod.ru/ecology.html>]. При этом энвайронменталисты не ставят под сомнения рамки действия, предоставляемые существующими общественными институтами, а сторонники политической и социальной экологии стремятся к изменению сложившихся отношений.

Некоторые кампании Зеленых носят временный характер и проводятся до тех пор, пока есть надежда предотвратить осуществление очередного экономического, энергетического или транспортного проекта, вредного для природы и людей. В других случаях противостояние может продолжаться годами, превращаясь в своеобразную местную «гражданскую войну». Иногда происходят столкновения с полицией.

Разочарование экологов результатами политики Зеленых партий привело во многих случаях к тому, что активисты и теоретики, озабоченные будущим планеты, все активнее пытаются искать новые ответы на наиболее болезненные вопросы. К примеру, оформилось течение *экоанархистов*, или *либертарного муниципализма*. Его лидерами считаются американские экологи Мюррей Букчин и Джанет Биль. Либертарные муниципалисты выступают за преодоление современного индустриального общества и переход к системе самоуправляющихся городов-коммун, пользующихся чистой и «освободительной технологией». Им удалось создать международную сеть организаций (известных как *левые зеленые* или *Демократическая альтернатива*).

Также среди Зеленых получили развитие *концепции глубинной экологии*, которые отстаивают решительный разрыв с современной цивилизацией. Некоторые последователи глубинной экологии призывают подчинить общество биологическим законам или склоняются к своеобразным формам экологически мотивированного фашизма. Другие предлагают вернуться к первобытной, дотехнической цивилизации, напоминающей общества древних племен охотников и собирателей.

Национальные партии зеленых имеют различную историю и сложные, часто противоречивые отношения с массовым экологическим движением, поэтому целесообразно учесть особенности формирования и деятельности этих партий в США, России и Англии соответственно.

1. Экологическое движение в США. В США часто говорят о Партии Зеленых, не дифференцируя при этом отдельные группы. Все же следует выделить, по меньшей мере, две экологические организации, принимающие ак-

тивное участие в политической жизни страны: *Зеленые/Партия Зеленых США* (Greens/Green Party USA) и *Партия Зеленых Соединенных Штатов* (Green Party of the United States). Последняя организация является более крупной и известной среди национальных политических объединений и признана Федеральной избирательной комиссией как национальный комитет политической партии (2001). Меньшая по составу Партия Зеленых США по праву гордится тем, что является прямым последователем первых Зеленых организаций в Америке, которые были основаны в 1984 году. Ими были разработаны первоначальные 10 ключевых ценностей, которые позже распространились в различных вариантах на все экологическое движение.

Зеленые США выступают за расширенное понимание экологии, предполагающее тесную связь между проблемами и спорными вопросами окружающей среды. Они отвергают милитаризм, расизм, оскорбительное отношение к людям другого пола и к окружающей среде других стран: они приветствуют мир, социальную и экологическую справедливость. Зеленые обязуются создавать обстановку сочувствия и предупредительности, призывают к прямому действию, политическим кампаниям, мультикультурному сотрудничеству и внедрению экологического стиля жизни [США: Экономика, политика и идеология 1997].

В начале 90х экологические организации США сосредоточились на выдвижении кандидатов в политические офисы и укреплении позиций Партии Зеленых, не поддающейся давлению республиканских и демократических сил. Выступление Р. Найдера с президентской кампанией в 1996 году показало, что идеи и лозунги Зеленых привлекают внимание и симпатии большого числа избирателей. Экологи пришли к заключению о необходимости сплоченной работы во имя достижения единой цели.

Как любая "третья" партия в Америке, Зеленые столкнулись с проблемой доступа на общенациональные выборы. "Нынешняя двухпартийная политическая монополия, контролируемая деньгами, лишает обычных граждан их конституционного права на репрезентативное правительство", - говорилось в

заявлении Зеленых накануне президентских выборов [<http://news.bbc.cj.uk/hi/russian/news/default.stm>]. Выводы 1996 года отразили необходимость создания Ассоциации Партий Зеленых США (АПЗ США), которая повторно утвердила кандидатуру Р. Найдера на пост Президента США в 2000 году. Вторая кампания прошла более успешно - Зеленые набрали значительно больше голосов и вызвали массу критики в прессе за попытку сломать конвенциональные представления о политической системе США и вмешательство в гонку традиционных партий. Появление Найдера на американской политической сцене в качестве кандидата (пусть даже символического) в Белый дом свидетельствовало об усилении влияния новых "левых" сил в борьбе против корпораций и глобализации экономики.

В 2001 году АПЗ США получает название Партии Зеленых Соединенных Штатов. Приоритетными направлениями деятельности Зеленых США сегодня являются защита окружающей среды, противостояние насилию, утверждение социальной справедливости и организация инициативы народных масс. Зеленые видят свою социальную задачу в «обновлении» демократии без поддержки корпоративных спонсоров. Зеленые Соединенных Штатов уверены в том, что независимость их партии не мешает им решать глобальные проблемы человечества вместе с другими экологическими организациями. Они являются партнерами Европейской Федерации Партий Зеленых и Федерации Партий Зеленых Америки.

Отказ Ральфа Найдера баллотироваться от партии Зеленых партия восприняла с сожалением, поскольку в качестве «своего» кандидата он был уже хорошо знаком избирателю и выстроил определенную платформу, с которой можно было достичь ощутимых результатов в продвижении «зеленой» политики. После долгих раздумий и переговоров внутри партии на борьбу за внимание избирателя в президентской гонке 2004 года было решено выдвинуть Дэвида Кобба и Пэт Ламарш.

Следует отметить стремительное развитие и расширение Партии Зеленых Соединенных Штатов. По данным Бена Мански в 2004 году численность

партии превысила 300 тысяч человек, при этом отделения партии работали в 46 из 51 штата [Manski 2004: <http://www.newtopiamagazine.net>]. Результатом успеха партии на региональном уровне и уверенных шагов в государственную политику стало стирание четкой границы между экологическим и политическим дискурсами в США, что отразилось на стратегиях речевого поведения Зеленых. Политические игры навязывают необходимость поляризации мира на СВОИХ и ЧУЖИХ, что отчетливо проявляется в современном политико-экологическом дискурсе США.

Обзор деятельности Зеленых в США был бы неполным без упоминания об *экологических террористах*, радикальные действия которых производят губительный эффект на репутацию экологов. Например, в августе 2003 года Американская радикальная организация Зеленых — «Фронт освобождения Земли» совершила поджог автомобильного торгового центра в Калифорнии. На нескольких уцелевших в огне внедорожниках «Хаммер» обнаружили надписи — «Толстые, ленивые американцы» и «Я люблю загрязнение», а также аббревиатуры названия организации. В тот же день средства массовой информации получили послание от «Фронта», в котором он берет на себя ответственность за поджог и заявляет, что намерен продолжать уничтожать объекты, которые служат для «извлечения прибыли из разрушения окружающей среды, независимо от того, что думает об этом общественность» [<http://www.utro.ru/news/2003/08/23/225614.shtml>].

Основателем эконоанархизма считается профессор М. Букчин, один из ведущих теоретиков современной социальной экологии и эконоанархизма. Он стоял у истоков экологического движения Соединенных Штатов и Европы, его политического крыла и оказал значительное влияние на его развитие. В предисловии к книге М. Букчина «Реконструкция общества» С. Фомичев описывает случай на собрании американских зеленых радикалов в 1987 году. Показательно заявление участника этого события относительно причины экологического кризиса на планете: «Человечество! Люди ответственны за экологический кризис. ... Они перенаселили землю, загрязнили планету, рас-

тратили ее ресурсы, - они прожорливы, как крысы!» [Фомичев: <http://avtonom.org>]. Все же столь яркая античеловеческая идеология и деструктивное поведение радикально настроенных зеленых подрывают авторитет движения, заставляя американцев категоризировать Зеленых как ЧУЖИХ.

2. Экологическое движение в России. В восточной и центральной Европе движение «Зеленые» возникло значительно позже, чем на Западе. Во времена крушения коммунизма и распада СССР активисты движения стали появляться на ключевых позициях руководства многих новых демократических государств. Однако большинство партий Зеленых в этих странах не получили всеобщей поддержки и не смогли удержать влияние. Вскоре в России начались экономические проблемы, коррупция, криминал и пр. Все это буквально вымыло из общественного поля зрения экологические проблемы. Показательно, что в те времена экология занимала второе-третье место в опросах общественного мнения о приоритетах развития страны, а сейчас эта тема находится на двенадцатом – пятнадцатом месте [Яблоков: <http://pda.inauka.ru>].

Экологические организации РФ относят к *нетрадиционным политическим организациям* по той причине, что проблемы, выдвигаемые ими на первый план, не могут рассматриваться как предмет политической борьбы. Появившись в результате политизации экологического движения, Зеленые очень быстро затерялись среди прочих политических организаций. Часть региональных экологических партий примкнула к *демократическому* движению, другие заняли *национал-патриотические* позиции. Участие экологов в политической борьбе предопределило их растворение в общей массе политических организаций и уход с политической сцены.

Чтобы представить российское Зеленое движение, удобнее не перечислять многочисленные названия, а рассмотреть несколько типов экологических негосударственных организаций (НГО) - используя в качестве примеров самые известные и авторитетные внутри своего типа.

1) **Профессионалы.** К профессионалам относят сотрудников офисов и представительств международных экологических организаций, которые наряду с защитой природы на высоком профессиональном уровне занимаются общественной и правозащитной деятельностью. Услугами юристов "Гринпис" иногда пользовалось даже федеральное экологическое ведомство, а результатом рассмотрения Верховным судом иска представителя "Гринпис России" И. Блокова стала отмена нескольких пунктов указа Президента.

Все международные экологические НГО обладают большими финансовыми и организационно-техническими возможностями. Так, Всемирный фонд дикой природы (WWF) - организация еще более истэблшментарная и конформная. Ее почетным президентом числится британский принц-консорт Филипп; принцы и короли номинально возглавляют и его национальные представительства. В ряде стран при офисах WWF созданы корпоративные клубы, объединяющие топ-менеджеров фирм, постоянно спонсирующих фонд или оказывающих ему иные услуги. Фонд, в свою очередь, легко раздает разного рода дипломы и сертификаты: в России только в рамках кампании "Живая планета - 2001" грамоты "дарителя Земле" получили 15 губернаторов и президентов.

В самой России тоже возникают различные экологические НГО. Одни из них создаются профессионалами, такими, как крупная адвокатская фирма "Экоюрис", специализирующаяся на природоохранном праве. Другие – такие, как Центр охраны дикой природы или нижегородский экоцентр "Дронт" - образуются именно из "общественных" (непрофессиональных) организаций и часто продолжают существовать как их специализированные органы.

2) **Волонтеры.** В начале 60-х годов они назывались "студенческие дружины охраны природы" и состояли в основном из студентов профильных вузов. В конце 80-х, когда в СССР формировалось общественное экологическое движение, именно дружины во многом определили его лицо. Фактически на их основе возник Социально-экологический союз (СоЭС) - метаорга-

низация, объединяющая большую часть Зеленых групп и структур не только России, но и всех постсоветских стран. Наиболее радикальные члены СоЭС, применяющие политические методы, входят одновременно в организации типа партий Зеленых [<http://СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ СОЮЗ.htm>].

Объединение СоЭС в основном информационное, не имеющее административных рычагов. Его коллективными членами являются как известные в «зеленом» мире организации - Центр охраны дикой природы, "Дронт", Центр экологической политики России, Центр ядерной безопасности и т.д., так и группы жителей какого-нибудь населенного пункта. Поскольку в объединениях последнего типа социальная активность не всегда совпадает с компетентностью, они дают самые широкие возможности для дискредитации Зеленого движения в целом.

Положение большинства экологических инициативных групп, не имеющих возможности реально влиять на беспокоящие их процессы и потому вынужденных лишь протестовать, требовать и просить, обычно накладывает на их членов определенный отпечаток. Для них мир без остатка делится на МЫ и ОНИ, причем в ОНИ попадают чиновники и бизнесмены, априорно бесчестные и алчные. Любое решение не в пользу экологов интерпретируется ими как свидетельство предвзятости и подкупленности, любое несогласие воспринимается с подозрением. Разговору с человеком "извне" Зеленые чаще стремятся придать форму проповеди, свидетельства об истине.

Средством пропаганды и обмена взглядами экологов служит собственная информационная продукция Зеленых организаций. Если для бумажного издания нужны большие финансовые средства и группа профессиональных сотрудников, то электронный бюллетень может делать даже один человек в свободное время. Изданий такого рода в России достаточно много, и по этим каналам проходит немало интересной информации, не попадающей в "большие" массмедиа.

В идеологическом отношении Зеленое движение чрезвычайно пестро, в нем можно найти людей с любыми взглядами. Однако позиция перманентно-

го протеста и конфликта, в которой пребывает большинство российских Зелёных, создает благоприятную психологическую почву для мироощущения, которое в России называют экоутопизмом. Людям, жизнь которых превратилась в непрерывное противостояние натиску цивилизации на природу, легко воспринять идею *неисправимой порочности* этой цивилизации, из чего следует, что разрушение природы можно остановить только путем смены самих основ существования человечества [Значков: <http://www.p213.boom.ru>].

Предельное развитие этой тенденции можно видеть в теории и практике радикальных экологов, представленных в России в основном движением "Хранители радуги". Они предпочитают "прямое действие": захват стройплощадок и начальственных кабинетов, проникновение в зону взрывных работ, вывод из строя техники и т.д. Экорадикалы рисуют апокалиптические картины краха "цивилизации потребления", распада социальных институтов и мирового хозяйства, метаний людских масс по обезображенной планете.

3) **Наняты.** В 2001 году перед рассмотрением Думой законопроектов о ввозе ядерных отходов, информационные агентства распространили сенсационное сообщение: *"общероссийские общественные экологические организации - за ввоз отработанного ядерного топлива"*, подписанное руководителями партии "Кедр" и Российского экологического конгресса.

Внутри «зеленого сообщества» этот документ особого удивления не вызвал: обе подписавшие его структуры давно уже пользовались устойчивой репутацией "подсадных", которых зовут всякий раз, когда власти нужно изобразить "общественную поддержку" сомнительного или явно антиэкологического решения [<http://nuclearno.ru/text.asp?7718>]. В развитых странах такого рода услуги (получившие название *greenwash* - "зеленая отмывка") давно известны, хотя там их заказчиками являются в основном крупные корпорации.

Другим событием, всколыхнувшим все движение, стал "Зеленый Форум", который в феврале 2004 года в Москве провела Российская экологическая партия "Зеленые" (ПЗРФ), с целью обсуждения программы "практиче-

ских действий по поддержке проводимого Президентом РФ реформаторского курса государства в области экологии". ПЗРФ критиковали за «циничную фальсификацию экологических идеалов» и «лизоблюдскую инициативу» [<http://nuclearno.ru/text.asp?7718>]. Приводилось множество фактов, подтверждающих антиэкологичность политики правительства, вследствие чего Зеленым следовало бы противостоять ей, а не поддерживать. В этой связи вспомнили ликвидацию двух основных природоохранных ведомств РФ (Госкомитета по охране природы и Федеральной лесной службы), разрешение ввоза ОЯТ, анти-экологические поправки к Лесному кодексу, задержку с ратификацией Киотского протокола, направленного на сокращение антропогенного влияния на планете, и многие другие подобные факты.

В заключение обзора следует отметить, что Зеленые в России пока не снискали признания. Экологическое движение обвиняют в создании атмосферы "тусовки", отсутствии выхода на широкую аудиторию, неучастии в реальной социально-экономической жизни регионов, использовании зарубежных средств в качестве основного источника доходов, что лишает заинтересованности в реальных экономических успехах и, как следствие, лишает экономических субъектов заинтересованности в этом движении [<http://www.tw2000.chat.ru/tw01.htm>].

Жители России под давлением социального и экономического дисбаланса в стране настроены оппозиционно доктрине Зеленых. В газете «Известия» от 27.02.2003 сообщается о создании в Новосибирске Общественного анти-экологического движения, организаторы которого (А. Арбенев и А. Сальников) заявили, что России необходимо выработать новую эволюционную идеологию, в которой "не будет места пагубной мысли о сохранении природы в ущерб интересам человечества". По словам организаторов, после появления в Интернете информации о новом движении, у него нашлась масса сторонников в районах, где под нажимом Зеленых предприятия не выплачивают зарплату работникам, так как вынуждены осуществлять дорогостоящие экологические программы.

Таким образом, на сегодняшний день позиции движения Зеленых в России маргинализированы. Возможно, одной из причин этого являются разногласия внутри движения и постоянный акцент на разделении общества на СВОИХ, то есть «Зеленых», и ЧУЖИХ - остальных людей. Конфронтационный и морализаторский характер движения отталкивает жителей России от экологического движения и сводит на ноль все попытки экологизации национального менталитета.

2. Экологическое движение в Англии. В Великобритании Партия Зеленых была образована в 1973 году как первая экологическая партия в Европе. Изначально название партии было «Люди», позже - «Экологическая партия», с 1985 года партия обрела свое современное имя. Партия Зеленых послужила основой создания отдельных Зеленых партий в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии. Количество членов данных партий колебалось несколько лет, но в последнее время постоянно растет. Партии Зеленых с сожалением отмечают, что миллионы людей в составе экологического движения Великобритании обособляются от них, поскольку не хотят иметь никакого отношения к политике. Тем не менее, количество представителей Партии Зеленых приближенных к реальной власти в настоящее время больше, чем когда-либо, среди них 2 члена Европейского парламента и два члена Лондонской ассамблеи. Семь Зеленых входят в Парламент Шотландии. Показательно и то обстоятельство, что свыше 60 представителей Партии Зеленых являются членами советов в 26 различных органах правления, включая районные, окружные, центральные и лондонские самоуправления. Лорд Бомонт представляет Партию Зеленых в Палате Лордов [<http://www.greenparty.org.uk/index.php?nav=nextelection>].

Партия Зеленых Англии ставит акцент на ненасильственных прямых действиях и электоральной политике. Среди последних кампаний английских Зеленых противостояние военным действиям США и Великобритании в Афганистане и Ираке, антиглобализационные и антикорпоративные выступления. На сайте партии также отражена деятельность Зеленых в сфере образо-

вания и здравоохранения, мира, справедливости и безопасности, индустрии питания, энергетической промышленности, прав людей и животных [<http://www.europeangreens.org>].

Партии Зеленых Соединенного Королевства входят в состав Европейской Федерации Зеленых Партий (ЕФЗП), которая выступает за развитие устойчивой и социально справедливой Европы, то есть за новую перспективу для Евросоюза, за разработку концепции предотвращения конфликтов и отказа от насилия в Европе. Организация поддерживает развитие новых демократических государств в Восточной и Центральной Европе, вместе с тем, участвует в разработке альтернативных глобальных структур в сотрудничестве с другими Зелеными. Европейские Зеленые требуют экологически приемлемого развития. Экономика должна исходить из возможностей естественной среды. Цели «зеленой» экономики – экологическая стабильность, равенство и социальная справедливость, самостоятельность местных и региональных экономик. Экоразвитие должно быть основано на демократии, открытой для общественности деятельности государственных органов, гендерном равенстве и праве человека на самовыражение и прямое участие в принятии решений.

Зеленые защищают всеобъемлющую идею глобальной безопасности. «Зеленая» политика концентрируется на предотвращении вооруженных конфликтов, удалении причин войны и на развитии путей к мирному разрешению конфликтов. Зеленые уверены, что борьба с расизмом в целях взаимного понимания и уважения к иным культурам и преодоление глобальной бедности должны стать основными пунктами эффективного плана защиты Европы [<http://www.europeangreens.org>].

Ядерное разоружение и всесторонний Договор о запрещении ядерных испытаний оцениваются как срочные приоритеты. Зеленые хотят, чтобы весь экспорт Европейской военной и ядерной технологии был под контролем, сокращался и со временем был ликвидирован. ООН должна быть наделена

расширенными полномочиями по укреплению и эффективному поддержанию мира и эволюции.

Представители ЕФЗП защищают новое гражданство - человеческие права, права меньшинств и иммигрантов. В связи с данным пунктом европейской «зеленой» программы в Великобритании сложилась интересная ситуация. Результаты Интернет поиска показали практическое отсутствие упоминаний о тенденциях эконоархизма в Англии, зато обнаружили обвинения Зеленых по статье «экофашизм и антисемитские настроения» [Wall: <http://www.redpepper.org.uk>]. Согласно аргументам Д. Уолла, иммиграция и многонациональность стали восприниматься Зелеными как угроза экологической стабильности. В ряд приведенных профессором Уоллом фактов включены все ветви почти векового генеалогического дерева экологистов, свидетельствующие о развитии движения на базе национализма и фашизма. Также автор приводит многочисленные примеры публикаций и высказываний Зеленых, более характерные для радикально правых, чем для партии левых политических взглядов (Алан Робертс, Дэвид Айк, Стэн Тейлор и др.). Возможным объяснением подобных проявлений являются свойства национального менталитета британцев, о чем пойдет речь ниже.

Политологические, исторические, социологические данные и материалы СМИ свидетельствуют о том, что экологические партии в Европе и США активно развиваются и добиваются успехов на выборах, чего нельзя сказать о малоизвестной ПЗРФ. Тем не менее, вследствие изначальной интернациональности движения экологистов, сформировался особый интернациональный политический дискурс. Экологи из разных стран говорят на разных языках, но заимствуют друг у друга аргументы, штампы, метафоры и др. Цели и лозунги Зеленых в разных странах близки, но не вполне совпадают, как и разделение на СВОИХ и ЧУЖИХ, что объясняется особенностями политических культур и национальных менталитетов.

1. 2. Когнитивные основы исследования метафор в экологическом дискурсе США, России и Англии

Метафора является классическим объектом научных исследований. Тайны этого уникального явления изучаются уже более двух тысяч лет, его многочисленные грани рассматриваются в свете различных научных концепций. В последние годы широкое распространение получила когнитивная *теория концептуальной метафоры* [Lakoff, Johnson 1980]. Если более ранние теории, начиная с Аристотеля, рассматривали метафору, прежде всего, с точки зрения языковой формы (перенос имени на несвойственный ему денотат) и трактовали ее как средство украшения речи и реализации поэтической функции языка, то теория концептуальной метафоры рассматривает метафорический перенос как когнитивную операцию над понятиями, средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в других областях [Кобозева: <http://www.dialog-21.ru>].

Основоположники данной теории Дж. Лакофф и М. Джонсон представили убедительный анализ множества конвенциональных и креативных метафор, что позволило им прийти к выводу, что практически вся система знаний, которая формируется в человеческом мозге, метафорична по своей сути [Lakoff, Johnson 1980: 126-148]. Согласно теории концептуальной метафоры «переносу» подвергается не изолированное имя (с присущим ему прямым номинативным значением), а целостная концептуальная структура (схема, фрейм, модель, сценарий), активируемая некоторым словом (источником метафоры) в сознании носителя языка благодаря конвенциональной связи данного слова с данной концептуальной структурой.

Особенности жизни в современном мире: высокий уровень развития информационных технологий, расширение функций и влияния средств массовой информации, тенденция к глобализации, проблемы, решить которые способно только сплоченное мировое сообщество, объясняют возросший интерес и по-

требность в понимании механизмов метафорического моделирования, особенно в агитационных дискурсах.

В условиях, когда публичное слово приобретает повышенную значимость, метафора оказывается для политика инструментом, позволяющим тонко регулировать настроения в обществе [Скребцова: <http://www.ksu.ru>]. Специфика метафорических номинаций отражает типичные признаки современных явлений, своеобразие концептуального мира и языковой вкус представителей каждого из коммуникативных типов политиков. Соответственно, создание и интерпретация метафоры зависят от концептуальной организации коммуникантов, их мнений, убеждений, их системы оценок, которые реализуются в социальной действительности и находят отражение в текстах [Покровская 1997: 146]. Анализ используемых политиком метафор дает возможность выявить его скрытые установки и цели, воссоздать реальный портрет его личности: «скажи мне, какие метафоры ты используешь, и я скажу тебе, кто ты» [Баранов 1991: 190].

В данном исследовании мы опираемся на развиваемую в России когнитивно-дискурсивную теорию концептуальной метафоры, возникшую в рамках когнитивной лингвистики, согласно представлениям которой метафорическое моделирование окружающей действительности – это отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрикации, представления и оценки какого-то фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. Таким образом, преимущество когнитивного подхода к исследованию процессов метафоризации заключается в выходе за пределы собственно языкового значения. Новый подход «открывает широкие перспективы виденья языка во всех его разнообразных и многообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» [Кубрякова 1999: 3].

В дискурсе особо значима когнитивная функция метафоры, то есть функция восприятия и переработки информации и прагматический потенциал метафоры – ее способность к преобразованию (переконцептуализации) существующей в сознании адресата картины мира. Обозначенные функции метафоры представляются особенно важными для проведения сопоставительных лингвокультурных исследований, направленных на выявление моделей метафорической категоризации мира и тактик речевого воздействия в различных секторах политического дискурса определенной страны.

Наравне с когнитивной и эстетической функциями метафоры выделяют прагматическую и коммуникативную, поскольку концептуальные политические метафоры являются не только орудием мышления, но и служат передаче информации в наиболее удобном для адресата виде [Чудинов 2003: 62]. Такие метафоры не просто отражают существующее общественное сознание, но способны подсказывать, настраивать, наводить на определенный тип решения и поведения, влиять на процесс принятия решений [Баранов 1991: 190].

Для нашего исследования принципиально значимо расширенное понимание термина «метафора». Придерживаясь концепции А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова, при анализе метафорических моделей мы будем учитывать не только собственно метафоры (в традиционном понимании), но и метонимические переносы, синекдоху, сравнительные конструкции, метафорические образы в составе фразеологизмов, что связано с общностью их функций в дискурсе [Баранов, Караулов 1994: 6]. Такой подход обусловлен общими для когнитивной лингвистики представлениями о том, что метафора - это не только средство украшения речи, а основная ментальная операция, проявление аналоговых возможностей человеческого мышления. При этом язык понимается как единый континуум символьных единиц, не подразделяющийся естественным образом на лексикон, морфологию и синтаксис [Скребцова 2000: 12, Чудинов 2001: 37].

Среди фундаментальных работ по политической метафоре в отечественной лингвистике следует выделить публикации А. Н. Баранова и Ю. Н. Ка-

раулова, посвященные проблемам определения, организации и функционирования метафорических моделей в русских политических текстах. [Баранов, Караулов 1991; Баранов, Караулов 1994]. Характеристика метафорических моделей, их классификация и использование в политическом дискурсе представлены в монографиях А. П. Чудинова [Чудинов 2001; Чудинов 2003].

Интерес к политической метафоре продиктован временем. Когнитивно-дискурсивные исследования позволяют проследить процессы социального развития в пределах государства, выявить универсальные и индивидуальные черты национальных мировоззрений в рамках политического интердискурса, и, наконец, приоткрыть завесу PR-технологий в политической коммуникации - овладеть приемами речевого воздействия для последующей их реализации и правильного декодирования знаков с точки зрения приемов манипуляции. В свою очередь лингвистический термин «политическая метафора» приобрел необыкновенную популярность в политической сфере и масс-медиаальном дискурсе. С научной точки зрения сложный феномен политической метафоры изучается в нескольких измерениях.

Большое значение в изучении политического дискурса имеют публикации, посвященные исследованию метафорического представления определенного события в политической жизни страны или другого государства. Так, Ю. Б. Феденева проследила воздействие важнейших политических событий в России первой половины 90-х годов прошлого века на употребительность и особенности реализации метафорических моделей. А. А. Каслова проанализировала метафорическое моделирование президентских выборов в России и США. М. В. Чернякова (Сорокина) плодотворно занимается изучением концептуальных метафор, посвященных войне в Ираке.

Увеличивается круг научных работ, авторы которых рассматривают **когнитивный** аспект метафорического представления российской действительности на рубеже веков. Например, Е. Ю. Булыгина (1999) исследовала финансовую метафору, Н. В. Багичева (2000) анализировала метафору родства, А. Б. Ряпосова (2001) рассмотрела военную и криминальную метафору, Т. С. Вер-

шинина (2002) - метафорические модели с исходной биологической сферой, Н. М. Чудакова (2004) – концептуальную сферу «неживая природа» как источник метафорической экспансии.

В рамках **социолингвистического** подхода к рассмотрению политических текстов изучаются особенности стиля политической коммуникации, идеологические ориентиры, вопросы взаимодействия власти и общества, а также пути реализации власти в публичном дискурсе (Е. В. Бакумова, М. В. Гаврилова, П. Б. Паршин, А. А. Филинский, М. Н. Эпштейн). Социолингвистический подход во многом реализуется с позиций критической лингвистики. Цель критического анализа дискурса – рассмотреть связь между использованием языка и неравными отношениями власти [Fairclough 1989: 1]. Традиционно в критической лингвистике рассматриваются дискурсы определенных политических субъектов, определяющих направления государственного развития.

Для анализа метафорических моделей, представляющих определенные эпохи, или при рассмотрении метафор в диахроническом аспекте также широко используются методики **сравнительно-исторического** языкознания. Например, ряд научных работ Л. В. Балашовой посвящены развитию моделей социальной метафористики сквозь призму веков. Автор придерживается мнения, что в основе концептуализации действительности лежит антропометрический принцип метафоризации [Балашова 1998: 81]. Исследователь отмечает активность моделирования социальных отношений по аналогии с родственными связями и с противопоставлением СВОЕ - ЧУЖОЕ, моделирование иерархических отношений по аналогии с ролями «старшего и младшего» члена семьи, а также развитие модели имущественных отношений. Кроме этого, Л. В. Балашова считает, что элементы внешнего предметного мира могут переосмысляться и оцениваться внутри метафорической модели восприятия в связи с тем, какую перцептивную информацию они "предоставляют" человеку [Балашова 1998: 83]. К этому же направлению относятся работы Н. М. Сергеевой, которая исследовала репрезентацию концепта «разум» в политических тек-

стах конца XIX века и пришла к выводу, что политический дискурс того времени характеризуется насыщенностью антропологических метафор: абстрактные понятия приобретают форму живого организма, приобретая витальные, ментальные и социальные признаки, а люди чаще представлены неодушевленными предметами [Сергеева 2003: 142].

Л. М. Алексеева проследила процесс семантического варьирования метафоры *революции* как средства категоризации в политической лингвистике на материале работ Н. А. Бердяева. Исследователь отмечает, что трактовки данной метафоры в различные исторические периоды отличаются друг от друга: они описывают разные типы устройства общества и предлагают разные модели социального развития [Алексеева 2004: 8]. Показательно наблюдение Л. М. Алексеевой о том, что идея прогресса, отмеченная в семантике слова *революция* в XIX веке, перерождается у Н. А. Бердяева в понятие «внутреннего социального дефекта», «опасной болезни», «недуга», который нужно вскрывать и лечить [Алексеева 2004: 10].

Отказ от открытой пропаганды стал отличительной чертой новейшей журналистики. На смену пропаганде пришло умело завуалированное манипулирование массовым сознанием с помощью особых языковых средств, поэтому большое внимание к политической метафоре проявляют и специалисты по психологии речи и психолингвистике (К. И. Алексеев, В. Н. Базылев, В. П. Белянин, М. Р. Желтухина, О. С. Иссерс, В. В. Латынов, Н. Д. Павлова, Ю. А. Сорокин, Т. Н. Ушакова, А. А. Федосеев).

Психолингвистические исследования метафоры основываются на том, что имплицитные оценки, заложенные в сему слова в языке СМИ, - преимущественно оценочные метафоры, которые призваны организовать общественное мнение, создать у адресата нужный адресанту яркий, зримый образ, также суггестивно влияющий на восприятие информации под заданным углом [Желтухина 2003: 259].

Успех человеческого общения зависит не только от языкового аспекта понимания, но и от множества экстралингвистических факторов, таких как

фоновые знания, доступные ментальные схемы, прагматическая информация, ожидания и т.д. [Faucounnier 1994: 2]. Согласно теории ментальных пространств Ж. Фоконье, помимо слов, образующих доступную наблюдению «верхушку айсберга», в высказывании имплицитно присутствуют огромные массивы информации, необходимые для понимания его содержания [Faucounnier 1994: xviii]. В связи с этим Н. И. Клушина пишет о том, что имплицитные оценки в публицистике – это, прежде всего, оценочные метафоры, которые призваны организовать общественное мнение, создать у адресата нужный адресанту яркий, зримый образ, также суггестивно влияющий на восприятие информации под заданным углом зрения [Клушина: <http://www.expertizy.narod>]. Интересно, что этот излюбленный с древнейших времен публицистический прием ничуть не устарел, остался прежним, по выражению Н. Д. Бессарабовой, и тот “метафорический фонд”, из которого современные журналисты черпают средства для создания новейших политических образов [Бессарабова 1997: 12].

Таким образом, с позиций психолингвистического подхода политическая метафора изучается как один из приемов речевого воздействия на сознание адресата.

Во многих публикациях используется методика **лингвостилистического** анализа. В монографии Н. А. Кузьминой [1999] представлено детальное описание метафорической модели «Жизнь – это театр», традиционно широко представленной в художественных текстах и активно используемой в современных публицистических текстах. Эта же метафорическая модель подробно рассматривается в монографиях Е. И. Шейгал [2000] и А. П. Чудинова [2001]. В результате анализа подобных метафор исследователи приходят к выводу, что метафоры театра в политическом тексте, как правило, подчеркивают типичные смыслы «фальшь», «лицемерие», «зависимость» многих политических деятелей, что обращение к данному источнику метафорической экспрессии практически всегда придает оценке пейоративную коннотацию.

О. П. Ермакова [1996] описывает характерные для современных СМИ тематические группы метафор «Война», «Дом», «Дорога», «Болезнь», «Животные». На широкую распространенность метафорических номинаций в публицистике постсоветского периода указывает В. Г. Костомаров [1998] и многие другие авторы (Е. Ю. Булыгина, Е. В. Какорина, Т. Б. Крючкова, Э. В. Чепкина, В. Н. Шапошников и др.). Метафора рассматривается как одно из средств не прямой номинации, оценочности и намеренной смысловой неопределенности политических высказываний (В. Н. Базылев, Е. И. Шейгал и др.).

Значительный интерес к метафоре проявляют исследователи, представляющие лингвокультурологическое направление современной лингвистики (А. Вежбицкая, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, В. Н. Телия и др.). При лингвокогнитивном подходе к анализу политической коммуникации языковые и дискурсивные единицы рассматриваются как тела знаков языка культуры, при этом указанные единицы, будучи рассмотрены в пространстве культуры, в поле культурного пространства, по мнению ряда ученых (например, В. Н. Телия), сами становятся знаками культуры.

Лингвокультурологический подход к изучению концептуальной метафоры в политическом дискурсе тесно связан с сопоставительным анализом политической коммуникации в России и других государствах (Ю. В. Алферова, А. А. Каслова, Р. Д. Керимов, Е. В. Колотнина, С. Н. Муране, Н. А. Санцевич, А. В. Степаненко, М. В. Чернякова, Т. В. Шмелева).

Исследование Е. В. Колотниной посвящено описанию закономерностей реализации концептуальной метафоры в русских и английских экономических текстах [Колотнина 2001]. Т. В. Шмелева на примере польского и русского языков охарактеризовала политические метафоры из понятийной сферы источника «Медики, болезни и лекарства» [Шмелева 2001].

Закономерности метафорического моделирования президентских выборов в США и России рассмотрела в своих научных публикациях А. А. Каслова [Каслова 2002]. Исследование Н. А. Санцевич посвящено проблемам моделирования вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпу-

са публицистических текстов. Исследователь рассмотрела метафоры и семантические оппозиции, встречающиеся в дискурсе СМИ России и Германии [Санцевич 2003].

Безусловно, разделение подходов является в какой-то степени условным и категоричное установление границ подходов, в рамках которых работают когнитивисты, представляется не вполне реалистичным и рациональным, поскольку одним исследователем может одновременно использоваться несколько методик анализа метафор, что является следствием многомерности рассматриваемого явления. Выделение же основных направлений в изучении концептуальной метафоры в политическом дискурсе представляется идеальным способом обзора развития научной мысли в данной сфере исследований.

Согласно выделенным подходам к рассмотрению политической метафоры парадигматически данная работа вписывается в ряд сопоставительных когнитивно-дискурсивных исследований, привлекающих элементы лингвокультурологического и психолингвистического анализа. Отметим, что в подобных ранее проводимых сопоставлениях не предпринимались попытки когнитивно-дискурсивного лингвокультурного сравнительного анализа концептуальных метафор в политическом дискурсе США и Англии между собой. Один из вопросов, поднимаемых в данном исследовании, можно сформулировать следующим образом: будут ли две нации, говорящие на одном языке, концептуализировать окружающую реальность по-разному или все-таки, ввиду общности происхождения и языка, совпадения религиозных убеждений, развитых демократических институтов и пр., концептуальная картина мира американцев и англичан будет совпадать? Другой актуальный вопрос для данного сопоставительного исследования: почему, с помощью каких средств имплицитного воздействия движение в защиту окружающей природы приобрело значимость, даже популярность в странах Западной Европы и Америки, а на российском политическом горизонте остается практически незамеченным и невостребованным, несмотря на бесспорную актуальность, глобальность и гуманизм поднимаемых ими проблем?

Заканчивая данный теоретический обзор, можно сделать вывод, что сопоставление закономерностей метафорического моделирования в политическом дискурсе различных стран занимает важное место в современной когнитивной науке, поскольку охватывает широкий спектр научных дисциплин, занимающихся вопросами межкультурного взаимодействия. Сопоставительные исследования опираются на данные и методологию когнитивной лингвистики, сопоставительного языкознания, лингвокультурологии, политической культуры различных стран, политической психологии, PR-технологий, антропологии, этнопсихологии, философии, межкультурной коммуникации, истории, социологии и др. направлений современных наук.

Сопоставление политической коммуникации различных стран и эпох позволяет более отчетливо дифференцировать СВОЕ и ЧУЖОЕ, случайное и закономерное, «общечеловеческое» и свойственное только тому или другому национальному дискурсу. Результаты подобных исследований позволяют получить информацию о базовых чертах ментальности той или иной нации и о характере общественно-политической обстановки в той или иной стране.

Достижения в области сопоставления метафорической концептуализации политического интердискурса позволяют выявить доминантные модели метафорической категоризации, ключевые для определенной культуры слова и концепты, найти мировоззренческие точки соприкосновения разных народов и их специфические характеристики, что способствует повышению эффективности межкультурного общения и развитию толерантности в обществе.

Поскольку политическая сфера является важной составляющей национальной культуры, то сопоставление систем метафорического моделирования в политическом дискурсе различных стран открывает богатые возможности для изучения языковой картины мира и национальных менталитетов динамично развивающихся сообществ.

1.3. Лингвокультурологические основы исследования концептуальной метафоры в политическом дискурсе США, России и Англии

Выбор основы для сравнения лингвокультурных объектов связан с выбором научной парадигмы исследования. Сравнительный анализ в лингвистике осуществляется в рамках трех парадигм: сравнительно-исторической (лингвистическая типология), системно-структурной (контрастивная лингвистика) и антропоцентрической (лингвистическая прагматика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология и др.). Формирование антропоцентрической парадигмы в XX веке привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность [Маслова 2001: 8]. Данное исследование выполнено в рамках когнитивной лингвистики, изучающей процессы познания мира по их связи с языком. В сфере интереса когнитологов находятся единицы языка, отражающие акты осмысления мира и его освоения современным человеком [Кубрякова 2004а: 9].

Наряду с когнитивной лингвистикой лингвокультурология относится к наиболее актуальным направлениям в современном языкознании. Более того, М. В. Пименова и О. Н. Кондратьева приходят к выводу, что, обладая собственной научной спецификой, они имеют ряд общих черт [Пименова, Кондратьева 2005: 22], а именно:

- 1) – интегративный подход к языку (междисциплинарный синтез позволяет дать глубокую и многоаспектную характеристику изучаемого феномена);
- 2) – интерес к картине мира и различным ее вариантам;
- 3) – концептуальная основа исследований;
- 4) – рассмотрение языка в диаде «язык и человек» (которая в когнитивной лингвистике преобразуется в триаду «язык – человек – познание», в лингвокультурологии – «язык – человек – культура»);

5) – особое значение метафорического анализа (теория концептуальной метафоры позволяет устанавливать когнитивно-обусловленные несовпадения между языками, что свидетельствует о различном осмыслении фрагментов мира определенным народом [Маслова 2001: 34]);

б) – обращенность к человеческому сознанию. Поскольку «именно в сознании осуществляется взаимодействие языка и культуры, любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно когнитивное исследование» [Карасик, Слышкин 2001: 76].

Следует отметить, что в последнее время ученые все чаще стремятся интегрировать в своих работах достижения этих двух направлений. Так, Н. А. Красавский (2001) представил исследование русской и немецкой концептосфер эмоций, выполненное с лингвокультурологической и когнитивной позиции. А. М. Тимофеева (2003) провела сопоставительное исследование лингвоцветовых картин мира на материале идиолектов Н. Заболоцкого и Р. Фроста. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса стал предметом диссертации Е. В. Декленко (2004). Проблемы выявления лингвокультурологической специфики фразеологических единиц английского языка были рассмотрены в научной работе В. В. Гузиковой (2004). Исследование В. В. Панина (2004) посвящено анализу политической корректности в межкультурном и языковом аспекте. Очевидно, что интегрированный подход соответствует закономерностям антропоцентрической парадигмы, и детерминирован ее экспансионизмом, тенденцией к объединению усилий смежных дисциплин в достижении единой цели.

Проблематика лингвокультурологических исследований касается составных частей национального менталитета, системного описания языковой картины мира, роли символа, метафоры и фразеологизмов (А. Вежбицкая, В. В. Красных, Н. В. Малимонова, В. А. Маслова, Э. Сепир, И. А. Стернин, С. Г. Тер-Минасова, В. А. Шмелев и др.). Соответственно, предметом таких исследований выступают единицы языка и дискурса, обладающие культурно-значимым наполнением, формирующие культурно-исторический пласт мен-

тально-лингвального комплекса [Красных 2002: 12]. Показательными в этом отношении являются концептуальные метафоры, посредством которых в сознании человека формируются определенные модели мировосприятия и мышления.

Ведущая роль в восприятии человеком окружающего мира, его категоризации и конструировании принадлежит национальному менталитету. Существует множество подходов к определению этого понятия. Следующие два толкования представляются нам наиболее исчерпывающими, их мы и будем придерживаться в данной работе. В узком смысле менталитет – это то, что позволяет единообразно воспринимать окружающую действительность, оценивать ее и действовать в ней в соответствии с определенными установившимися в обществе нормами и образцами поведения, адекватно воспринимая и понимая при этом друг друга [Культура и этнос 2002]. В современном научном понимании менталитет представляет собой совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности [Дашковский: <http://irbis.asu/mmc/melnik/6.ru.shtml>]. Следовательно, национальный менталитет – это способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации.

Диссонанс установок национальных менталитетов приводит к критическому непониманию между людьми в процессе межкультурной коммуникации, что свидетельствует о необходимости изучения лингвокультурных особенностей различных народов. Поэтому в сопоставительном исследовании концептуальных метафор в политическом дискурсе экологических движений США, России и Англии важно учесть особенности национальных менталитетов жителей названных стран.

1. Американский национальный менталитет основан на *«англосаксонских корнях*, перенесенных на новую почву [Леонтович 2003: 188]. По

меткому наблюдению О. А. Леонтович, между британцами и американцами на сознательном и бессознательном уровне всегда проявлялась тесная связь, но в их отношениях всегда присутствовал оценивающий взгляд, что привело к определенному антагонизму [Леонтович 2003: 188]. Британцы уверены в провинциальности, невоспитанности, необразованности и несдержанности американцев, что вызывает ответные эмоции: «Мы не похожи на британцев; мы рождаемся впопыхах, получаем образование стремительно... наша жизнь похожа на летящую звезду, смерть приходит к нам неожиданно, как электрический удар» [Rourke 1986].

В начале XVII в. британские пилигримы завезли в Северную Америку английский язык и систему ценностей Нового Света, в центре которой находились *религия и семья*. Заложив в основу своего мировоззрения систему европейских ценностей, они за 4 века сформировали собственную философию и самобытную языковую личность.

История нации и протестантская культура сформировали этику современных деловых и политических отношений в США, в основе которых утвердились позиции концептов *свободы, равенства и соперничества*. Даже британцы выделяют *энтузиазм, прагматичность, деловую хватку* и оперативность практического решения проблем как характерные черты предпринимчивых американцев, сетуя на свою чрезмерную рассудительность [<http://old.vesti.ru/prensa/2001/01/27/americans>].

Убедительно пишет об американцах Г. Герасимов: «Америка – страна приезжих, тех, кто решил начать свою жизнь заново.... Для столь серьезного жизненного шага надо иметь мечту и определенные черты характера, включая: большой запас *оптимизма*, умение стойко переносить трудности и неудачи, готовность рисковать... желание вкалывать, засучив рукава, и готовность принимать самостоятельные решения. Те, кто опасался ... крутых поворотов судьбы, сидели дома. А люди самостоятельные сделались в Америке людьми состоятельными, а саму страну сделали богатой и сильной» [Герасимов 2000: 24].

Первых поселенцев Америки объединяла их ориентация на реализацию личных интересов, что и стало основой индивидуализма как ведущей идеи американского общества, провозгласившей главными ценностями свободу и независимость личности, ее право на самоопределение, самостоятельный выбор целей, форм и методов деятельности. Эти права были зафиксированы в Конституции США (17.09.1787) и Декларации независимости (04.07.1776), что способствовало развитию национальной смелости, силы воли, независимости, трудолюбия, предприимчивости, географической и социальной мобильности и т.д.

«Я» как основа общества США объединяется с «я» других, но никогда не растворяется в этом единении. Американцев обучают самоценности собственной идентичности и способности проявлять ее в коммуникации. Безусловные принципы, которые помогают выстоять в любых обстоятельствах и придать им смысл, опираясь на собственное суждение, индивид находит в себе.

В то же время индивидуализм приводит к напряженным отношениям между личностью и обществом. Четкое разделение общества на победителей и побежденных, принцип «расчета на собственные силы», личной ответственности за свою жизнь пронизывают социальную структуру США отношения соперничества и конкуренции. Стремление к первенству является преобладающей характеристикой американской ментальности, поэтому даже намек на утрату ведущих позиций в какой-либо отрасли становятся стимулом для нового рывка вперед.

Культуры различаются по удельному весу в них соревнования и сотрудничества как двух форм человеческого взаимодействия [Леонтович 2003]. В американской культуре принято двигаться вперед и вверх через конкуренцию, нежели сотрудничество. Принцип воспитания американца – «этика успеха» (success ethic) – работай, продвигайся вперед, преуспевай (Work hard! Get ahead! Be successful!). Шансы на успех у всех должны быть равны, поэтому сообщить о нарушении какого-либо закона считается выполнением

своего гражданского долга. Такие ментальные установки обеспечивают законопослушность и честность нации.

Расхождение представлений об общественном порядке и пути к успеху в сознании русского и американца и приводят к появлению в современной российской прессе таких статей как «Дети сифилиса. Об основах американского благочестия» [Додолев, Леско 2003: 17], авторы которой с иронией рассказывают об истории стукачества в США, или статьи «Вперед свистящие», где утверждается, что мы не другие, а просто отстаем: «Социально полезный свист, или, по-нашему, стук, в России пока невозможен. ...Люди не доверяют никому. Даже себе. Люди не доверяют государству. Оно отвечает взаимностью» [Губин 2003: 21]. Приведем еще несколько любопытных наблюдений: *whistle blowers* быстро были переведены как *стукачи*, тогда как американские кумиры *self-made man* и *achiever* до сих пор не нашли эквивалентов в русском языке. В электронной рассылке «Афоризмы успешных людей» от Subscribe.ru чаще всего поступают высказывания американцев. По этим фразам несложно восстановить их особое отношение к труду. Например, Роберту Фросту принадлежат такие слова: «Если долго и часто трудиться по 8 часов в день, то вам может повезти, вы станете начальником и будете работать по 12 часов в день». О необходимости постоянного самосовершенствования пишет Джим Рон: «Важный вопрос, который следует задать себе, приступая к работе, это не вопрос "Что я получу?"; вместо этого нужно спросить себя "Каким я стану?" [<http://subscribe.ru/catalog/job.education.successwords>].

Для определения характера культуры в области коммуникации используют роль в ней «бытия» и «действия». Существует распространенное мнение, что американской культуре присуща агентивность – деятельностный подход к окружающему миру, в то время как ведущим свойством российской культуры является бытийность – созерцательное отношение к действительности [Леонтович 2003: 208]. Стержнем американской культуры считается ориентация на практическое действие, основанное на субъективности индивидуального мнения [Storti 1994: 24 - 38], что ведет к соответствующим ин-

терференциям и попытке изменить мир в соответствии со своим восприятием. Так, в американских парках, зонах отдыха, на лужайках перед домом всегда видно, что человек «создает» природу под себя. Преобладание симметрично подстриженных деревьев, вычищенных и ухоженных лесных зон и пр. характерно для США. Это особая культура, подразумевающая заботу и уход за природой.

США создавались, руководствуясь идеей прогресса как приоритетным аксиологическим ориентиром. На этой почве сформировался менталитет американской нации с мессианской направленностью – уверенностью в своем особом предназначении в мире, в преимуществах «американского образа жизни», в своем праве нести «свет свободы и демократии» другим народам и странам [Веселова 1999: 94]. За свою агентивность и мессианство американцы получили репутацию нации, которая постоянно вмешивается в дела других народов и учит их жить. При этом речь идет не только об агрессии, но и действиях, предпринимаемых с благими намерениями.

Традиционными параметрами сопоставления национальных менталитетов являются оптимизм и пессимизм. Способ объяснения успехов и неудач во многом зависит от национального менталитета. Как показывают исследования, наибольшую ответственность за свою судьбу проявляют представители западных протестантских стран – таких, как США и Великобритания, а наибольший фатализм – жители мусульманских стран. В США быть несчастным неестественно, ненормально, неприлично – при любых обстоятельствах надо сохранять видимость успеха, процветания, благополучия и улыбаться. Для русских же грусть – нормальное состояние. Это доставляет удовольствие и вдохновляет на творчество.

Часто указывают на антиинтеллектуализм американцев, которые с давних пор относились к культуре с подозрением и снисходительностью. Они всегда требовали, чтобы культура служила какой-либо полезной цели. В России же прагматизм воспринимается как противоположность духовности.

В следствие, русские считают американцев недостаточно душевными. Американцам поведение русских кажется нелогичным и иррациональным.

Американский прагматизм проявляется даже в размере и характере речевых сообщений, которые тяготеют к краткости и конкретности, некоторой сухости стиля в деловом дискурсе, а также в энергичных и напористых коммуникативных стратегиях.

2. Русская ментальность была сформирована на православных и частью языческих традициях. Для русского менталитета характерна сама способность верования. По мнению К. Абульхановой русскому духовному сознанию свойственна вершинность, вертикаль совершенства, стремление к абсолютному добру. Кроме того, религия воспитала в русском человеке веру в ближнего, реализовавшуюся в идее общинности. Здесь не проросла «любовь к ближнему», но и не нашлось места конкуренции и индивидуализму. Однако парадоксальность русского характера заключалась в том, что чем тяжелее было настоящее, тем крепче была вера в будущее. В целом, верование составляло русский национальный архетип, поэтому даже века рабства и насилия не уничтожали веры в царя [Абульханова 1999: 10].

Из особенностей русского православия вытекает "благостный" характер русских людей, его универсализм, мягкость, широта и любовь. Ф. М. Достоевский синтезировал еще одно качество русских, которое он считал первым из общенациональных, именно «всемирную отзывчивость». С иронией отзывается об этом В. Пьецух: «русский человек, действительно, способен искренне пожалеть голодающих эфиопов, даром, что у него самого печь не топлена, и он полгода зарплату не получал» [Пьецух 1999]. Н. Лосский подчеркивал, что доброта русских, не исключает проявлений жестокости, особенно в действиях государственной власти [Лосский 1991].

Историческая необходимость принять сильную и насильственную власть особо укрепила национальную ментальность. Традиция смирения, воспитанная веками рабства, имеет в основе своей принятие несвободы внешней и освоение ее через внутреннюю стойкость. Ключевым и спасительным от рабст-

ва для русского народа было христианское понятие принятия страдания как должного, стоическое отношение к нему. Высшее выражение свободы для русских – *свобода духа*. Следствием этого является то, что у русского народа нет строго выработанных форм жизни. Отсюда презрение к мещанству, отталкивание от государства, склонность к анархии, что, в свою очередь, привело к традиционному для России деспотизму как способу управления народом.

Русская свобода имела своеобразную геопсихологическую основу. “Воля и мышление русского народа не дисциплинированы; характер русского человека обыкновенно не имеет строго выработанного содержания и формы” [Лосский 1999: 332]. Широта русской натуры включает в себе возможность полярностей. Полярность допускает любые противоположности, *антиномизм, непоследовательность, нерасчетливость*. «Русская культура словно двойится, являя одновременно два отличных друг от друга лица» [Культурология: теория и история культуры 1998.]. Двоеверие, двоемыслие, двоевластие, раскол — это лишь немногие из значимых для понимания истории русской культуры понятий. Стабильная противоречивость русской культуры, порождающая, с одной стороны, повышенный динамизм ее саморазвития, с другой, — периодически обостряющуюся конфликтность, составляет ее органическое своеобразие. В этом отношении чрезвычайно красноречивы символические заглавия известных произведений русской литературы, объединяющих в едином целом взаимоисключающие понятия: "Мёртвые души", "Живые мощи", "Отцы и дети", "Преступление и наказание", "Война и мир", "Былое и думы", "Живой труп", "Христос и Антихрист", "Поэт и толпа", "Поэт и гражданин", "Жизнь и судьба". Кажется, будто в тот самый момент, когда в русской культуре нечто утверждается, она стремится выйти за пределы ею же самой полагаемых определений и пересмотреть их; она сочетает центростремительность, т.е. тенденцию к обретению своей самондентичности, с центробежностью, т. е. с тенденцией преодоления своей однозначной самождественности. Перефразируя великого русского мыслителя XX века М.

Бахтина, можно сказать, что Россия избегала "последних", завершающих суждений о себе и своей культуре она стремилась всей своей историей доказать себе и всем окружающим, что последнее слово о ней еще не сказано если оно вообще возможно.

Как крайнюю форму биполярности русского народа Н. Лосский отмечает страстность, максимализм, *экстремизм* русских. Страстность эта проявляется как в самоотверженности, геройстве, так и в анархизме, деспотизме, самодурстве. "У русских революционеров, ставших атеистами, вместо христианской религиозности явилось настроение, которое можно назвать формальной религиозностью, именно страстное, фанатическое стремление осуществить своего рода Царство Божие на земле, без Бога, на основе научного знания" [Лосский 1999: 251].

Оборотная сторона страстности – *леность* и пассивность ("обломовщина") весьма ярко проявились в русском характере. Многие исследователи объясняют такие свойства русского национального характера, как лень и безынициативность, чередой внешних катастроф и катаклизмов (войн, революций и разрушительных реформ), приучивших целые поколения к мысли, что все усилия оказываются тщетными. Ожидания неприятностей развито у русских сильнее, чем вера в свои силы и надежда на благоприятный исход дела. Неверие в собственные силы заставляет искать себе оправдание во внешних обстоятельствах. Западные психологи давно описали этот тип под именем хронического неудачника или *пессимиста*. Также утверждается, что это лечится [Фенько 2000: 57].

Характеризуя русское коммуникативное поведение, современные исследователи отмечают общительность, искренность, *эмоциональность*, стремление к паритетности и простоте, любопытство, доминантность в разговоре, оценочность, дискуссионность, *бескомпромиссность*, отсутствие традиции "сохранения лица" собеседника в споре [Стернин 1994: 27].

3. Английский менталитет во многом связан с воздействием протестантского варианта европейской культуры. Одна из фундаментальных черт

ментальности англичан – консерватизм. Монархия апеллирует к чувству истории, превозносит преемственность и незыблемость традиций, укрепляя тем самым корни политического консерватизма в национальном характере. К национальному величию и чувству исторического наследия взывают и старинные готические соборы и университеты. Соблюдение сословности, наличие социально-значимых диалектов и прочее свидетельствуют об уникальном свойстве английского национального менталитета придерживаться традиций. В этой стране понятие "старый" воспринимается как достоинство, способное компенсировать сопутствующие недостатки.

Сочетание консерватизма со свободолюбием приводит к плюрализму, интересу к различным точкам зрения и стремлению все их совместить и сохранить. Свобода, понимаемая в рамках порядка, издавна почиталась британской общественной добродетелью [Сноуман 1977]. Англичанину свойственно понимать свободу как свободу выбора или как свободу предпринимательства, а равенство - прежде всего, как равенство возможностей или как *равенство людей перед законом*.

Индивидуализм – важная черта менталитета англичан. Они исходят из того, что все живые существа - люди, растения, животные - не только принадлежат к разным видам, но и внутри каждого вида отличаются друг от друга индивидуально, в этом смысле природа не знает равенства. Индивидуализм в английской культуре трактуется иначе, чем в американской. Здесь не принято хвастаться. Англичанин верен правилу "*не быть личным*", не вести речи о себе самом, о своих делах, профессии.

Англичан скорее можно назвать изоляционистами. Они подсознательно стремятся отгородить свою частную жизнь от внешнего мира. Представление о "чопорных англичанах" стало стереотипом. Уместнее, наверное, говорить о щепетильности, основанной на умении и готовности уважать человеческую личность и достоинство. Именно этим себялюбие англичанина отличается от эгоизма, по этой причине его индивидуализм не подавляет общественного начала. Эта же щепетильность рождает обостренную боязнь вторжения в чу-

жую частную жизнь, замкнутость и необщительность, особенно с незнакомыми людьми.

Культ частной жизни, возвеличение домашнего очага - осевые координаты национальной психологии англичан. Именно "домоцентризм" часто является ключом к пониманию своеобразных черт их характера. Невмешательство в частную жизнь друг друга - краеугольный камень английской этики. В этой связи показательно популярное изречение У. Черчилля: «*Если одинокое дерево выживает, оно вырастает крепким*» [Цит. По Овчинников 1979].

Уважительное отношение англичане проявляют не только к людям, но и к окружающей среде. Им не свойственно совершать излишнее насилие над природой, навязывая ей геометрическую правильность форм. Они стремятся сохранить в облике природы естественные черты. В менталитете англичан укоренен компромисс между природой и искусством. Тяга к золотой середине органически присуща английскому характеру.

Диалектическую пару исключительной английской вежливости, обходительности, манерности, боязни вторжения в "личное пространство" других людей и природы составляет дух соревнования, борьбы "всех против всех" (вспомним знаменитое "Homo homini lupus est" Гоббса), что проявляется и в экономической конкуренции, и в спорте. Англия, по существу, явилась родиной современного спорта. Об этом напоминает вся международная спортивная терминология, которая была заимствована из английского языка.

Жизнь, по мнению англичан, - это игра, где каждый участник должен соблюдать правила, иначе игра теряет смысл. Считается, что именно такое соперничество приучает объединять усилия ради общей цели, подчинять интересы личности интересам группы, способствует формированию командного духа, умению повиноваться дисциплине и умению руководить.

Крикет - национальная игра, которая считается праматерью не только спорта, но и морали. Так же на представления о порядочности повлияли идеалы рыцарства. Долг прийти на помощь слабому, великодушие к побежденному, борьба одинаковым оружием - все это легло в основу критериев

джентльменского поведения, обрело более современную форму в английской концепции честной игры (*fair play*).

Англичане убеждены, что законы существуют для общего блага и имеют одинаковую силу для всех. К ним не испытывают пренебрежения. В этом один из секретов законопослушности англичан. Обладая высоким уровнем правосознания, англичанин убежден, что законы обязательны для всех и существуют, чтобы держать в узде недисциплинированную часть населения, чтобы люди могли опираться на них при несправедливости властей.

Интересно проследить динамику отношения англичан к СВОИМ и к ЧУЖИМ. Считается, что англичанам свойственен патриотизм, воспитанное веками чувство служения родине, защиты ее интересов. Утвердилось в английском характере и чувство отчужденности, привычка считать иностранцев врагами или дикарями, которых надлежало усмирить и приобщить к цивилизации. Сегодня одна из величайших гуманистических проблем внутри государства – отношение к иммигрантам. Скандалом закончилась в 2003 году пропаганда националистских воззрений сотрудниками газеты *The Sunday Times*. В 16.11.2004 года газета *Guardian* опубликовала результаты опроса, проведенного по заказу Королевского общества содействия искусству, производству и коммерции маркетинговой компанией Mori. Сенсацией стало то обстоятельство, что хотя британское общество считается толерантным и мультикультурным, участники опроса в Норфолке продемонстрировали неоднозначное отношение к различным этническим группам. Так, если китайских иммигрантов считают трудоголиками, то португальцы, русские и восточноевропейцы были названы "халявщиками", эксплуатирующими социальные достижения Британии. Таким образом, в британской культуре отчетливо проявляется тенденция к определению других в группу ЧУЖИХ по национальному признаку.

В 1979 году В. Овчинников писал о том, что известная самокритичность англичан является как бы оборотной стороной их самоуверенности, но склонность бичевать или высмеивать самих себя вовсе не означает, что анг-

личане охотно предоставляют это право кому-то со стороны [Овчинников 1979]. Четверть века спустя, есть основания полагать, что восприятие себя в британском обществе переживает кризис. Все чаще в национальной прессе появляются сообщения о моральном разложении нации. В газете The Telegraph [04/01/2005] Теодор Далримпл говорит о том, что алкоголизм и хулиганство в самых нелицеприятных формах захватили британцев, и это уже становится одним из доминантных стереотипов поведения. В службе BBC News сообщалось о высоком уровне наркомании среди подростков и лидирующих позициях Великобритании по употреблению наркотиков в Европе [<http://mednovosti.ru/news/2004/11/29/cannabis/30.11.2004>].

Все чаще англичане задаются вопросом самоидентификации. В одной из утренних передач центрального телеканала Англии (2003) проводился опрос населения, в котором журналисты пытались выяснить, как их соотечественники относятся к Англии. Результаты были поразительны – большая часть англичан признавалась, что Англия изменилась в худшую сторону, что им неприятно жить в этой стране.

Привлекает внимание статья англичанина Р. Ривза «Британцы и американцы. Любовь или ненависть?», в которой автор с явной симпатией отзывается о чертах национального характера американцев. Американец, утверждает он, это человек, который будет заниматься делом. "Британцы подходят к любой проблеме, как к шахматной партии, - цитируется высказывание Мумма. - Они бесконечно озабочены вопросами правил и процедур». Как сказал известный дипломат Д. Митчелл: "Американцы в такой ситуации с большей вероятностью скажут - "Хватит трепаться, давайте займемся делом". В США энтузиазм считается достоинством, в Англии же могут подумать, что вам "больше всех надо", - сетуют американцы [[http://old.vesti.ru/prensa/2000/01/27/americans/.](http://old.vesti.ru/prensa/2000/01/27/americans/)].

Как говорят англичане, признаки американской культуры - огромные книжные магазины, сети кофеен, работа допоздна, быстрая речь, высокий процент разводов, неформальная одежда - все глубже проникают в англий-

скую жизнь, а политика и фразеология США воспринята правительством Блэра оптом, и отношение к этому настороженное [<http://old.vesti.ru/pressa/2000/01/27/americans/>].

Можно ли на основании этих наблюдений делать вывод о том, что происходят ощутимые изменения в мировоззрении англичан, что их национальный менталитет открывается чему-то новому? Вопрос дискуссионный, требующий отдельного изучения.

Как важная составляющая национальной культуры политическая сфера открывает неограниченные возможности для изучения языковой картины мира и национальных менталитетов динамично развивающихся сообществ.

1.4. Теоретические основы исследования лингвокультурологической оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ в дискурсе экологических движений

Прежде чем начать конкретный анализ метафорической реализации оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ, необходимо уточнить сущность этой оппозиции, средства ее выражения и причины активного использования в политической коммуникации.

Оппозиция СВОИ – ЧУЖИЕ (с вариантами МЫ – ОНИ, НАШИ – НЕ-НАШИ, ДРУЗЬЯ – ВРАГИ) является одной из базовых в человеческом сознании. С ее помощью новорожденный человек производит первую ориентацию в мире. В более широком ракурсе противопоставление «своих» «чужим» послужило первым шагом к развитию самосознания вида *homo sapiens*. Считается, что в те времена одиночка вне группы не воспринимался архаическим сознанием как человек. В архаической модели мира члены «своей» социальной группы («люди») противопоставлялись «чужим» («не людям»). В ходе развития общественного сознания группа «не людей», или «чужих» приобретает статус социальной [Васильева, 2001: 5], а, следовательно, проходит процесс персонификации. Концептуальные маркеры СВОИ и ЧУЖИЕ являются непреходящими для языкового сознания человека всех времен. Их древняя реа-

лизация была ранее описана Э. Бенвенистом в рамках оппозиции «свободный – раб, чужой, чужеземец». Лексемы со значением «чужеземец» в некоторых индоевропейских языках включали в себя значение «враг» [Бенвенист 1995].

Наряду с другими концептуальными оппозициями, отражающими архетипные представления об устройстве мира («верх – низ», «жизнь – смерть», «свет – тьма», «хорошо – плохо» и другие) дихотомия МЫ – ОНИ отражает абстрактные категории модели мира, реализуя свое предназначение служить универсальным принципом концептуализации реальности в самом общем ракурсе [Цивьян 1990: 30]. Сохраняя свое значение на протяжении веков, дихотомия СВОИ – ЧУЖИЕ является культурной константой, одним из важнейших противопоставлений в жизни и устройстве общества [Степанов 1997: 480].

В современной политической лингвистике биполярная категория СВОИ – ЧУЖИЕ считается центральной социально значимой оппозицией, которая выступает в качестве особой категории политического дискурса, делая возможным осуществление его ключевых функций: манипулятивной, ориентирующей и инструментальной (П. Бурдье, Р. Водак, О. С. Иссерс, М. Л. Макаров, Н. А. Санцевич, Ю. С. Степанов, А. А. Филинский, Т. В. Цивьян, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, К. Шмит и др.).

Оппозиция СВОИ – ЧУЖИЕ или, по К. Шмиту, «друг – враг», определяет сферу политического, так же как оппозиция «добро – зло» является базовой для области морального, «прекрасное – безобразное» - в области эстетического, «полезное – вредное» или «рентабельное – нерентабельное» - в сфере экономического [Шейгал 2000: 121].

Коннотативная специфика лексики политического дискурса получила широкое внимание со стороны исследователей, которые подходят к этой проблеме, используя различные терминологические обозначения. Так, М. Эдельман [Edelman 1964] произвел диверсификацию политических вербальных знаков на:

- референтные знаки (referential symbols), которые обладают эмоциональной нейтральностью и являются наиболее оптимальными средствами соотношения с объектами действительности (candidate, governor, senator);

- конденсирующие знаки (condensation symbols), которые аффективно заряжены и соотносятся с эмоциональными когнитивными образами (freedom fighters, independence).

Е. И. Шейгал предлагает обозначать коннотативно нагруженную лексику политического дискурса как «политические аффективы» [Шейгал 2000:115] и вслед за Д. Грейбером [Graber 1976:291-294] выделяет следующие прагматические свойства этих единиц:

- способность генерировать богатые образные ассоциации, извлекать из памяти яркие картинки прошлого опыта;

- способность активизировать сильные эмоции, провоцировать желаемую реакцию и тем самым служить сильным мобилизирующим средством;

- обеспечение быстрой категоризации понятия, его проведение через тот или иной «оценочный фильтр»;

- способность эффективно и экономно репрезентировать сложные политические реалии, что значительно облегчает процесс коммуникации.

Важно подчеркнуть, что названные свойства способны не только создавать определенные преимущества, но и приводить к возникновению некоторых проблем, поскольку они могут иметь следующие негативные последствия:

- упрощение и искажение картины реальной действительности, особенно за счет установления ложных казуальных связей;

- возникновение политических разногласий между социальными группами за счет диффузности денотатов;

- лимитирование способности критического анализа действительности [там же:308].

Неопределенность политического дискурса является одним из ключевых предпосылок для реализации манипулятивности. Использование неопреде-

ленности направлено на вуалирование и элиминирование нежелательной информации.

Согласно представлениям когнитивной лингвистики, язык - есть "инструмент социальной власти", поскольку выразиться нейтрально невозможно: всякое использование языка предполагает воздействующий эффект (А. Н. Баранов, Р. М. Блакар, П. Бурдые, Р. Водак, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Ю. С. Степанов, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, К. Шмит и др.). Социальные отношения, политическая ситуация, общественные интересы находят отражение в языке, в частности в конструировании модели мира, необходимой говорящему, поскольку в основе речевого взаимодействия лежат неречевые задачи. Язык обладает такими интерпретационными возможностями, которые позволяют планировать речевое воздействие [Иссерс 1997: 51], сущность которого заключается в таком использовании языка, при котором в модель мира реципиента (слушателя, читателя) "вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся" [Баранов 1989: 12].

Политическая коммуникация происходит на фоне постоянной борьбы за «производство здравого смысла», за «монополию легитимной номинации», в том числе манипуляцию образами СВОЕГО и ЧУЖОГО [Бурдые 1994]. Прагматический смысл политических баталий заключается в завоевании доверия адресата и привлечении в свой лагерь как можно большего числа избирателей путем интеграции СВОИХ, дискредитации ЧУЖИХ и создания необходимой картины мира в сознании электората для последующего восприятия мира согласно заданным установкам.

Проецируя данную функциональную триаду на семиотическое пространство политического дискурса Е. И. Шейгал разграничивает: знаки **ориентации** (идентификации агентов), **интеграции** (сплочения «своих») и **агональности** (агрессии). Исследователь отмечает, что в политическом дискурсе оппозиция СВОИ – ЧУЖИЕ может реализовываться как эксплицитно, при помощи социальных маркеров, так и имплицитно – в виде идеологической коннотации политических терминов, через тональность дискурса, его под-

черкнутую этикетность или анти-этикетность, а также целенаправленный подбор оценочной лексики [Шейгал 2000: 122].

В общем виде знаки, позволяющие политикам манипулировать аудиторией, апеллируя к национальной, статусной и прочей социальной принадлежности, могут быть представлены следующими образом:

Ориентация	<u>Политические термины</u> : названия институтов и ролей, имена политиков, номинации мест пребывания властных органов; <u>Стертые пространственные метафоры</u> ; <u>цветовые термины</u>		<i>Правые, левые, крайне правые, крайне левые, центр и т.д.; белые, красные, зеленые и т.п.</i>
Интеграция	вербальные специализирован.	Инклюзивное <i>мы</i> , лексемы совместности; лексические единицы с компонентом совместности (вокативы с коннотацией «я свой»), формулы причастности; грамматические формулы непрямого императива (1-у л. мн. ч.)	<i>Вместе, все, единство, блок, союз; Друзья, товарищи, сограждане, россияне, коллеги и пр. Я, как и все... Давайте сделаем... Не позволим агрессорам...</i>
	н/сп.	Лозунги, девизы, программные названия; политические аффективы (парольные лозунговые слова)	<i>«Наши дом - Россия!» Держава, отечество, соборность (нац.-патр.), рынок, реформы (либер.)</i>
	н/в	Национально-государственные символы, эмблемы партий и движений, изображения вождей, ритуальные поведенческие знаки	<i>Флаг, герб, гимн; портреты, скульптуры вождей; возложение венков, «выход вождя в народ»</i>
Агрессия	Бранные инвективы, ярлыки; дейктические и полнзначные дистанцирующие знаки; идентификаторы нижнего уровня тимнологической оценки; показатели недоверия (кавычки, лексические маркеры); иронические номинации		<i>Семь лет в стране предатели и мародеры (Г. Зюганов, ТВ); Эти, они, и иже с ними, там, заграничные и др.; Всякие, разные, какой-нибудь там; якобы, так называемый, пресловутый</i>

Таблица №1. Типология средств реализации оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ в политическом дискурсе (по Е. И. Шейгал).

В экологическом дискурсе обнаруживаются и другие вербальные и невербальные знаки принадлежности к СВОИМ или ЧУЖИМ, при этом функции маркеров идентичности или чуждости остаются неизменными. Как показывают материалы нашего исследования, в экологическом дискурсе в полной мере используются общеполитические знаки ориентации, интеграции и агональности. Однако шкала политических ориентаций задается не только в пространственных или колористических метафорах, а преимущественно в метафорическом представлении МЫ – ОНИ, группы которых оказываются не вполне идентичными в дискурсе экологистов США, Англии и России.

Гибкость, нефиксированный характер концептов *свои* и *чужие* создает условия для того, чтобы по своему усмотрению относить тех или иных людей к числу СВОИХ или ЧУЖИХ. Важное место занимает также возможность различной оценки одних и тех же людей при их произвольном включении в число либо своих, либо чужих. Показателен следующий пример, представленный на сайте «Гильдии лингвистов-экспертов»: «Номинация “Наш дом - Россия” призвана закрепить в сознании граждан положительный образ, ассоциирующийся с конкретной партией и проводимой ею политикой. Но плюсы подобного названия легко оборачиваются в минусы: коннотированный образ проще дискредитировать, чем нейтральное название. Простая замена в устах оппозиционных лидеров местоимения “наш” на “их”, построенная с учетом универсальной шкалы ценностей, существовавшей еще до революции, разрушает положительный образ номинации. “Их дом - Россия” (именно так регулярно называет данную партию Г. А. Зюганов) - это уже не символ единения народа под общей крышей родного дома, а почти классовое деление на основе концептуальной оппозиции СВОЕ - ЧУЖОЕ (где ЧУЖОЕ всегда со знаком “минус”). В трансформированной подобным образом номинации оценка закладывается не в сему метафоры (такую метафору трудно скомпрометировать), а в окружающий ее контекст» [Клушина: <http://www.expertizy.narod.ru/magazine.htm>].

Данный пример показывает, что оппозиция СВОИ – ЧУЖИЕ универсальна, из нее, как из пластилина, можно вылепить все, что требуется для выполнения коммуникативных и прагматических задач отправителя сообщения, поскольку в границах противопоставления СВОИ – ЧУЖИЕ, отражающего типы социальных отношений, в зависимости от экстралингвистических факторов возможна актуализация или нейтрализация разнообразных вариантов данной оппозиции, сформированных на базе различных признаков.

Противопоставленные единицы СВОЙ – ЧУЖОЙ являются основными концептами когнитивной категории «свой круг», базовой и наиболее продуктивной в политическом дискурсе ввиду своей гибкости, удобства и простоты

в плане манипуляции. Е. А. Баженова и С. А. Лапчева [Баженова, Лапчева 2003: 18] выделяют следующие **приемы речевой реализации** этой категории:

1. Идентификация, которая строится по модели А есть В. Разграничение СВОИХ происходит на основе символов Добра и Зла, соответствующих модели мира говорящего.

2. Атрибуция (сближение по свойствам), основанная на модели А обладает свойством В. Через указание на признаки, присущие объекту, устанавливается его связь с концептами *свой – чужой*. Считается, что данный прием обладает большим прагматическим потенциалом, поскольку вывод об идентификации объекта имплицитно доверено сделать самому адресату, а всякое знание, добытое собственными усилиями, осознается как свое, личное.

3. Стереотипизация, актуализирующая ассоциативные связи по модели А имеет отношение к В, где В – концепт, опосредованно связанный с символами Добра либо Зла.

4. Техника «навешивания ярлыков» посредством установления ассоциативных связей (часто по второстепенному признаку). В таких случаях в основу наименования кладется какой-либо частный признак объекта или звуковая форма слова (прием паронимической аттракции).

Согласно исследованиям А. А. Филинского [Филинский 2002], говоря о создании образа оппонента (врага) политики, в основном используют два типовых сюжета:

1. Непосредственная адресная референция на противостоящую враждебную силу.

2. Элиминирование или диффундирование референта. Среди типовых структур со смытым референтом в образе врага выступают:

- мифическая группа (*враги России; расхитители народного добра; предатели и авантюристы*);

- группа, имеющая отношение к экономическому управлению (*финансово-олигархический произвол; нефтяные купцы; закулисные спонсоры*);
- группа, имеющая отношение к управлению государством (*политические «тусовки»; близорукие, страдающие раздвоением личности политики*);
- метафорические абстракции, связанные с неудовлетворительным экономико-правовым аспектом жизни государства (*бандитизм, криминал, беспредел*).

Для номинации врага политики часто используют тактику гиперболизации, к которой относится создание конвенциональных структур с ярко выраженной негативной коннотацией. Данные структуры используются для создания деструктивной социально-дискурсивной реальности и для обозначения круга СВОИХ, которые разделяют данные стереотипы.

В дискурсе политической борьбы мир должен представляться аудитории как простой и понятный, без полутонов и переходных зон. Разделяя мнение А. Г. Алтунян о том, что субъекту политики необходимо создать соответствующую дискурсивную среду, которая удовлетворяла бы потребностям, интересам и ожиданиям целевой аудитории [Алтунян 1999: 19], А. А. Филинский выделяет создание дискурсивной реальности «комфорта» как основную модель манипуляции. По мнению исследователя, манипуляция в политическом дискурсе опирается на производство дискурсивной идентичности и солидаризацию политического субъекта с реципиентом, то есть на максимальное соответствие когнитивным структурам (суждениям, мнениям, предубеждениям) адресата по реализации релевантных социокультурных схем [Филинский 2002: 57].

Элемент «своей» реальности Я – СВОЙ выражается через позитивную саморепрезентацию в рамках когнитивных представлений реципиента (использование стратегий амальгамирования (создания мы-дискурса) и героизации). Диссоциация ИХ осуществляется посредством реификации и делигитимации оппонента [Филинский 2002: 13].

А. А. Филинский выстраивает следующую систему дискурсивного «комфорта»:

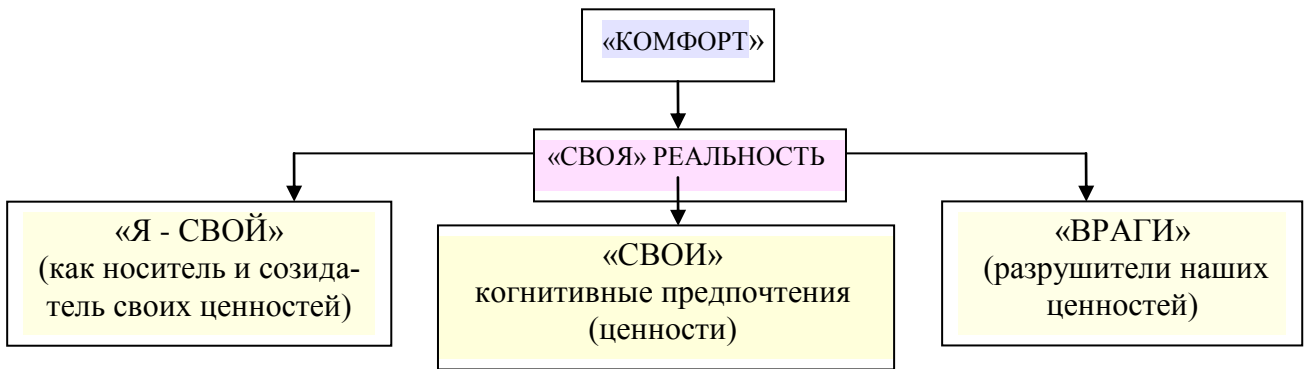


Схема №1. Структура дискурсивного «комфорта» (по А. А. Филинскому)

В соответствии с авторской установкой, в общем виде в современном политическом дискурсе выделяют три коммуникативные стратегии [Руженцева 2004: 11]:

- стратегию, дискредитирующую оппонентов, умаляющую и направленную на уничтожение политических противников;
- стратегию, превозносящую союзников (или заказчиков текста);
- стратегию саморепрезентации политиков.

Как показывает наш анализ, тактические схемы реализации данных стратегий в политическом дискурсе различных стран оказываются неодинаковыми, поскольку каждый народ обладает индивидуальным видением и восприятием окружающей действительности, в каждом обществе существуют свои взгляды и приоритеты, которые определяют вектор суггестивного воздействия со стороны политических и общественных деятелей, политтехнологов и средств массовой информации. Осуществление "социальной власти" предполагает, что за языковым выражением всегда стоят какие-либо интересы, цели, убеждения, которые определяют коммуникативные цели дискурса. Последние могут быть описаны не просто в терминах конкретных речевых актов и пропозиций, а через понятия более высокого уровня, например глубинной стратегии (термин Ван Дэйка) и коммуникативных тактик, реализующихся в концептуальных метафорах.

В специальных исследованиях уже отмечалась особая роль метафоры в дифференциации мира на СВОИХ и ЧУЖИХ, «друзей» и «врагов» (Э. Р. Лас-

сан, П. Б. Паршин, А. П. Чудинов, К. Шмидт и др.). В соответствии с представлениями когнитивной науки метафора рассматривается как когнитивный процесс, основная ментальная операция, позволяющая не только отражать общественное сознание, объяснять и категоризировать действительность, но и оказывать влияние на принятие решений. Этот прагматический аспект актуализации метафоры позволяет, с одной стороны, объяснить ее широкое использование в политическом дискурсе, с другой – ответить на вопрос, почему одни и те же события и лица могут быть репрезентированы неодинаково.

Отношения МЫ – ОНИ пронизывают всю сферу политической коммуникации. С целью успешной манипуляции общественным сознанием политические соперники активно используют тактики метафорической дискредитации оппонентов и героизации своих сторонников, что неминуемо приводит к поляризации СВОИХ и ЧУЖИХ, героев и преступников.

Как категория политического дискурса данная оппозиция отражает не только политическую ситуацию в определенной стране, но и сам процесс формирования этноса, развития этнического сознания [Козлова 2004: 499], что позволяет рассматривать биполярную категорию СВОИ – ЧУЖИЕ как лингвокультурологическую категорию дискурса. Рассматривая вопросы национального менталитета, мы принимаем позицию И. А. Стернина и З. Д. Поповой, определяющих национальную идентичность как важнейшее представление в сознании народа, формирующееся в оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ, что связано с различного рода стереотипами восприятия, требующими сегодня самого пристального внимания [Попова, Стернин 2000: 5].

Следует отметить, что вопрос о семантическом или лингвокультурологическом статусе биполярной категории СВОИ – ЧУЖИЕ является во многом дискуссионным. Описанию семантики данной оппозиции и трактовке ее категориальной природы с позиций традиционной лингвистики посвящены работы Е. П. Захарова, Г. В. Калиткина, А. Б. Пеньковского, Р. Н. Подрядина, З. И. Рязанова и др.

В рамках данного подхода противопоставление СВОИ – ЧУЖИЕ интерпретируется как языковая семантическая категория, являющаяся вариантом универсальной категории сознания. Более многочисленно представлены исследования, в которых оппозиция СВОИ – ЧУЖИЕ рассматривается сквозь призму лингвокультурологической проблематики (В. Н. Топоров, В. В. Иванов, Т. В. Цивьян, Н. И. Толстой, Н. А. Санцевич, Ю. С. Степанов, О. В. Белова, А. Н. Серебренникова и др.). Авторы данного направления научного поиска интересуют концептуальное выражение СВОЕГО и ЧУЖОГО, характер и способы их взаимодействия, связь понятий с их бинарными корреляциями.

В данном исследовании мы придерживаемся лингвокультурологического подхода к рассмотрению биполярной категории СВОИ - ЧУЖИЕ, поскольку на наш взгляд сверхзадача сопоставительного изучения метафорического моделирования действительности заключается в выявлении универсальных и индивидуальных тенденций категоризации мира в рамках определенных наций, менталитетов, традиций, культуры. Результаты рассмотрения метафорического картирования с этой точки зрения имеют большое значение для развития международных связей и дипломатических отношений, а также для обучения иностранному языку как культуре.

Изучение биполярной категории СВОЕ – ЧУЖОЕ и ее роли в рамках межкультурной коммуникации является достаточно модной темой ввиду большой востребованности в мире динамичного развития глобализационных процессов. Чаще всего проводимые исследования затрагивают вопросы столкновения с чужим языком и чужой культурой, которому приписывается двойственный характер. С одной стороны, как замечают Ю. А. Сорокин и И. Ю. Марковкина, оно вызывает ощущение странного и малопонятного, в связи с чем возникает чувство недоверия, настороженности по отношению к чужой культуре. С другой стороны, у реципиента может возникнуть чувство интереса, симпатии к формам существования чужой культуры [Сорокин, Марковкина 1988: 7]. Анализу межкультурных коммуникаций и возможностям осмысления конфликта СВОЕГО и ЧУЖОГО как элементов языковой среды посвящена

коллективная монография «Свое» и «Чужое»: Межкультурные коммуникации в полипарадигматическом аспекте», созданная в Челябинском государственном университете.

Важно подчеркнуть, что в политической коммуникации противопоставление СВОИХ и ЧУЖИХ часто оказывается связанным не только с национальной идентификацией. Согласно выводам Э. Р. Лассан (1995), в коммунистическом дискурсе советской эпохи отчетливо выделялись следующие основные группы СВОИХ и ЧУЖИХ:

- 1) трудящиеся – эксплуататоры,
- 2) коммунисты – сторонники «буржуазной идеологии»
- 3) Советский Союз и страны народной демократии (в союзе с «национально-освободительным движением») – агрессивные круги НАТО.

В указанном дискурсе подчеркивался «пролетарский интернационализм», а поэтому для включения в круг СВОИХ не использовались национальные критерии. Как показывает исследование Е. В. Какориной (1996), в постсоветском коммунистическом дискурсе ведущее место занимает оппозиция сторонников коммунистической идеологии и «антинародного режима», выражающего интересы «новой буржуазии» и ее «западных покровителей».

Н. А. Санцевич (2003) рассматривает преломление дихотомии СВОИ – ЧУЖИЕ по отношению к немецкому и русскому языковому материалу на уровне противопоставлений «Россия – Запад» (также выражающейся в оппозициях «опасный – неопасный», «здесь – там») и «народ – власть» (в частности, «бедный – богатый»). Исследователь приводит конкретные примеры лексических маркеров и синтаксических конструкций, способствующих реализации оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ (метафора «войны», лексемы «шпион», «конфликт», «спор», «аутсайдер», «грозить», «другой», предлоги «против», «напротив», «по отношению», лексика со словарной пометой «неодобрительно»). Сюда же, по мнению автора, относятся сравнительные и уступительные конструкции [Санцевич 2003].

На шахматной доске политических игр эмотивный контраст дифференциальных признаков СВОИ и ЧУЖИЕ, скрытый автором в тени умело просчитанных комбинаций метафор, способен мгновенно изменить ход партии. Более того, для каждого менталитета существуют свои «камни преткновения»: для англичан актуальны одни модели метафорического моделирования, для русских – другие, для американцев – третьи. Полагаем, что СВОИ и ЧУЖИЕ, соответственно, также будут представлены как схожими группами, так и объединениями, неоднородными в своем составе.

Представленный обзор свидетельствует, что в современной лингвистической науке накоплен значительный опыт анализа биполярной категории СВОИ – ЧУЖИЕ, который найдет свое применение в ходе нашего дальнейшего когнитивного лингвокультурологического исследования метафорического моделирования действительности в экологическом дискурсе России, Англии и США.

Выводы по первой главе

Проведенное изучение теоретических основ метафорического представления биполярной лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии позволяет сделать следующие важные для дальнейшего исследования выводы:

1. Формирование антропоцентрической парадигмы в конце XX века определило ключевую роль дискурсивных факторов в исследованиях лингвистов, филологов, лингвокультурологов, социологов, политологов и пр. Объемность и многоаспектность понятия ДИСКУРС позволяют рассматривать его с разных точек зрения и выстраивать различные концепции о природе и свойствах дискурса. В данном исследовании принимается понимание ДИСКУРСА как формы использования языка в реальном времени, отражающей определенный тип социальной активности человека. Продолжая мысль Н. Д. Арутюновой, «ДИСКУРС – это речь, погруженная в жизнь», мы считаем, что ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС – это речь, погруженная в политическую жизнь. Соответственно ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС – это речь, погруженная в политическую жизнь экологических движений.

2. История формирования международного экологического движения насчитывает десятки лет. За эти годы Зеленые создали свои политические партии и принимают активное участие в политической жизни западных стран, привлекая массу сторонников и реально влияя на политические решения. В России, несмотря на актуальность поднимаемых проблем, Зеленые не стали реальной политической силой и не снискали должного доверия граждан.

3. В данном исследовании мы опираемся на развиваемую в России когнитивно-дискурсивную теорию концептуальной метафоры, возникшую в рамках когнитивной лингвистики. В соответствии с представлениями современной когнитивной лингвистики метафорическое моделирование реальности – это отражающее национальное, социальное и личностное самосознание средство постижения, рубрики, представления и оценки какого-либо

фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов, относящихся к совершенно иной понятийной области. Сопоставительный анализ метафорического интердискурса позволяет выявить основные модели метафорической концептуализации, ключевые для определенной культуры слова и концепты, найти мировоззренческие точки соприкосновения разных народов и их специфические характеристики, что способствует повышению эффективности межкультурного общения и развитию толерантности в обществе.

4. Ведущая роль в категоризации и конструировании окружающего мира человеком принадлежит национальному менталитету, то есть способу восприятия и понимания действительности, определяемому совокупностью когнитивных стереотипов нации. Диссонанс установок национальных менталитетов приводит к непониманию в процессе межкультурной коммуникации, что свидетельствует о необходимости глубокого изучения национальных лингвокультурных особенностей.

5. В современной политической лингвистике биполярная категория СВОИ – ЧУЖИЕ считается центральной социально значимой оппозицией, которая выступает в качестве особой категории политического дискурса, делая возможным осуществление его ключевых функций: манипулятивной, ориентирующей и инструментальной. Данная оппозиция является универсальным средством реализации коммуникативных и прагматических задач, поскольку отражает типы социальных отношений. В зависимости от экстралингвистических факторов возможна актуализация или нейтрализация разнообразных вариантов данной оппозиции, сформированных на базе различных признаков.

Глава 2. Метафорическое представление ЧУЖИХ в экологическом дискурсе США, России и Англии

Во второй и третьей главах данного исследования представлен лингвокультурологический когнитивно-дискурсивный анализ категории ЧУЖИЕ и СВОИ в рамках политического дискурса экологических партий России, Англии и США соответственно. Основные задачи двух практических глав данной диссертации – это, во-первых, выявление общих для экологов из указанных стран закономерностей в метафорической концептуализации мира, во-вторых, выявление специфических черт, характерных только для Зеленых отдельных стран, в-третьих, обнаружение закономерностей использования метафор в дискурсе противников экологических движений.

2. 1. Метафорическое представление ЧУЖИХ в американском экологическом дискурсе

Экономический подъем, державное могущество, скорость развития информационных технологий, высокий уровень жизни населения Соединенных Штатов Америки на рубеже веков свидетельствуют о кульминационном этапе в развитии страны и делают США важным объектом для изучения с точки зрения различных научных направлений.

В данной диссертационной работе нас интересует лингвокультурологический аспект сопоставительных когнитивных исследований, а именно особенности метафорического моделирования действительности в рамках дискурса экологического движения США.

Мы рассматриваем метафору, прежде всего, как универсальное средство изучения национального менталитета, который является основополагающим фактором в определении направления и темпов развития всего государства. Политические метафоры американских Зеленых, с одной стороны, имеют много общего с метафорами экологических партий в других

странах, а с другой – являются уникальным средством выражения и формирования мировоззрения и национального характера.

2. 1. 1. ОНИ – ПОЛИТИКИ

Метафорическое отчуждение политических лидеров, чьи взгляды противоречат точке зрения Партии Зеленых США, образует самую продуктивную категориальную модель в масштабах оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ. Этот прием преследует конкретные цели – умаление достоинства соперника, дискредитация его моральных качеств, интеллектуальных способностей и политических взглядов. Свидетельством тому служат многочисленные примеры:

...right-wing cabal that has taken over the country [Resenbrink]. (...группа заговорщиков правого крыла, которые приняли на себя управление страной).

Never has there been a better time to be an oil baron...the White House cozies up to oil executives declaring war on Iraq [Silfry M.]. (Никогда еще не было лучшего времени для нефтяных магнатов [баронов] ... объявляя войну Ираку, Белый Дом подлизывается к нефтяникам, занимающим руководящие посты в структурах исполнительной власти.)

...both parties have sold the people and the government to the highest bidder [Digger R.]. (...обе партии продали людей и правительство тем, кто предложил самую высокую цену.)

В качестве одного из источников метафорической экспансии часто используется представление об устройстве **механизма**, предназначенного для сбора денег, что лишает противника какого-либо здравого смысла и человечности.

There have been 47 individuals and businesses connected with the Clinton machine who have been convicted or pled guilty... [Smith (d)]. (Было 47 частных и юридических лиц, связанных с аппаратом Клинтона и осужденных или признавших себя виновными.)

The dominant parties ...becoming fund raising machines devoid of any meaning..., lips firmly planted on corporate butts in hope of raking in money so they can sling mud on TV. But people always hunger for meaning and real connections [Gerritt G.]. (Доминирующие партии ...превращаются в машины для мобилизации капитала, лишенные какого-либо смысла..., губы крепко целуют корпоративные зад...ы в надежде загрести денег для того, чтобы они могли поливать других грязью на телевидении. Однако, люди всегда жаждут смысла и настоящих взаимоотношений.)

Второй пример является показательным для американского политического дискурса, а именно той его части, которая направлена на унижение достоинства оппонента. Одно высказывание, наполненное яркими метафорическими образами, сводит большую политику к общему знаменателю преступления, наживы и извращения.

Механистическая метафора, направленная на создание образа общественных деятелей, обладает большой властью над чувствами, эмоциями и оценками реципиентов и способна оказать существенное влияние на формирование моделей восприятия окружающей действительности адресата.

Метафорическая модель ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ – ЭТО МАШИНА создает в сознании реципиента прагматические эмотивные смыслы, связанные с восприятием субъектов политической деятельности как мощной силы, которой чужды проявления разума, чувств и безразличны интересы отдельной личности. В мире механизмов жизнь поставлена на конвейер. События происходят по инерции, автоматически, зачастую необратимо. Показательно, что подобные прагматические смыслы распространены в политическом контексте Партии Зеленых США. Например:

... the dangerous reality of what can only be described as 21st century corporate warmongers and fascists in positions of power [Glick]. (...опасная реальность того, что можно описать только как корпорацию разжигателей войны и фашистов 21-го века на постах власти.)

Надо заметить, что правительству Зеленые отказывают не только в душе, но и в интеллекте, обращая читателя к метафорической модели ЧЛЕНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА – ЭТО СУМАСШЕДШИЕ / БОЛЬНЫЕ.

Today, with our government in the control of mad men, the country on the cusp of economic crisis, and the world lurching towards violent chaos, no one knows what the situation will be in 2004 [Dugger]. (Сегодня, когда наше правительство контролируется сумасшедшими, страна находится на грани экономического кризиса, а мир склоняется к жестокому хаосу, никто не знает, какая ситуация сложится в 2004 году.)

... a way that had once been a natural part of American democracy but which had been systematically destroyed by a politics maniacally devoted to creating anger, division, and demons [Smith (a)]. (...нуть, который когда-то был естественной частью Американской демократии, но систематически разрушался политикой, маниакально посвященной порождению злости, разделению и опасным людям [демонам].)

Метафора **болезни** в данном случае употребления несет концептуальный вектор принципиальной непримиримости к политике правительства и навязывает адресату мысль о ее неполноценности и асоциальности.

Представляется важным отметить использование **сексуальной** метафоры в политическом дискурсе США. Мы согласны с авторами «Очерка американского коммуникативного поведения» И. А. Стерниным и М. А. Стерниной, которые приходят к выводу, что для американцев не существует понятия *пошлость* [Стернин, Стернина 2001: 163] как такового, поэтому можно предположить, что сексуальная метафора в политической коммуникации США является обычным средством дискредитации противников. Ср.:

It's not Nader's fault that women's groups wasted their time running interference for a corrupt administration led by a major sexual predator instead of coming up with a strong candidate who would protect the right to choose [Smith (d)].

(Найдер не виноват, что женские группы теряли время на то, чтобы помешать коррумпированной администрации, управляемой главным сексуальным хищником, вместо того чтобы выступить с сильным кандидатом, которая бы защитила право на выбор.)

Developing countries - such as China, India, Brazil and even neighboring Mexico - would be exempt from the treaty, since they hadn't created the problem. They could continue to spew, gaining a competitive edge over U.S. products and jobs [Global warming shift gets cold shoulder]. (Развивающиеся страны – такие как Китай, Индия, Бразилия и даже соседствующая Мексика – будут исключением из соглашения, поскольку они раньше не создавали проблему загрязнения. У них будет возможность продолжать «блевать», получая конкурентное преимущество над продукцией и рынком рабочих мест США.)

Не обремененное границами этикета, понятиями вульгарности и пошлости, чувство юмора американцев находит свое отражение в смелых метафорических эпитетах, подшучиваниях, высмеиваниях и прочих приемах создания комического. Феноменальные возможности метафоры к развернутой иронии и острой шутке позволяют отправителю концептуального сообщения максимально приблизиться к реципиенту и донести свою мысль таким образом, чтобы было смешно и понятно всем, и запомнилось надолго. Ср.:

Let's hope Putin doesn't chop the legs off these first global efforts before a first step is even taken [Happy Birthday, Mr. Putin]. (Будем надеяться, что Путин не отсечет ноги этим глобальным инициативам еще до того, как будет сделан первый шаг.)

The fact that Putin and the Russian government have taken this first step is undoubtedly good news for anyone worried about climate change - and a slap in the face for George Bush and oil companies like ExxonMobil [The Warming War

heats up Putin gives Kyoto the green light]. (Сам факт того, что Путин и российское правительство предприняли этот первый шаг – несомненно, хорошая новость для любого, кто обеспокоен переменой климата, и пощечина для Джорджа Буша и таких нефтяных компаний, как ЭксонМобил.)

The prospect of reform is eviscerated because of both parties' sticky hands [Nader]. (Перспектива реформы была лишена содержания [распотрошена], так как обе партии нечисты на руку [руки липкие]).

Эмоциональным и раскрепощенным американцам, поддерживающим стремительный темп жизни, как и всем людям, приходится постоянно сталкиваться со сложностями, нагрузками, как дома, так и на работе. Стресс необходимо снимать, рассуждают они, и вербальный выплеск чувств наружу воспринимается как естественный выход раздражения, на что не следует обижаться. Врожденная любовь американца к юмору и неисправимый оптимизм помогает выйти из сложных ситуаций, возникающих день за днем.

The Democratic Party went into the campaign still defending a president who had become a late night TV joke... [Smith (b)]. (Демократическая партия вступила в кампанию, по-прежнему защищая президента, ставшего анекдотом для ночного телеэфира...)

Sifry didn't say these things because he probably didn't know these things, and he didn't know because he didn't ask, and he didn't ask because he was too busy running around acting like "the sky is falling," and blaming it on the Greens [Rios]. (Силфри не сказал об этом, потому что, вероятно, он об этом не знал, а не знал он об этом, потому что не спросил, а не спросил, потому что был слишком занят тем, что бегал туда-сюда и вел себя так, будто «небо падает», обвиняя в этом Зеленых.)

Наряду с концептуальными метафорами субсфер «артефакты», «человек», «природа» задачам реификации и делигитимации оппонента служит и субсфера «социум», представленная **криминальной** метафорой. Ср.:

They should concentrate on the thieves and the blunderers in Florida, not on the Green Party [Chattanooga Times Free Press]. (Им следует сосредоточиться на ворax и грабителях во Флориде, а не на Партии Зеленых.)

...corporate prison called the White House [Sifry M.]. (...корпоративная тюрьма под названием Белый Дом)

Модель ПРАВИТЕЛЬСТВО – ЭТО ТЮРЬМА / ПРЕСТУПНЫЙ МИР несет концептуальный вектор противоестественности, нарушения сущности американской жизни, основанной на свободе, правосудии и справедливости. С помощью криминальной метафоры Зеленые США рисуют в сознании избирателя сюрреалистическую картину: свободолюбивым народом Америки управляют преступники, осужденные и находящиеся в местах лишения свободы. Попрание философских постулатов, на которых базируется национальная картина мира, вызывает бунт в душе каждого, кто с гордостью называет себя американцем. Отрицание сложившейся коррумпированной системы власти, негодование, осознание необходимости изменить курс развития страны находятся в центре эмоциональных состояний, на формирование которых направлен концептуальный вектор криминальной метафоры в политическом дискурсе Партии Зеленых США.

Следует подчеркнуть, что когнитивный анализ политического дискурса Партии Зеленых США выявил высокую степень метафоричности ее пропаганды. В качестве красочного концептуального декора, надолго запоминающегося зрительного образа, позволяющего произвести подсознательную категоризацию действительности и показать, кто есть ОНИ, с успехом используется и метафора **природы**, в сферу влияния которой попадают как политические партии, так и главные лица мировой политической сцены.

...liberals rest on the political landscape...like a range of exhausted volcanoes [Smith (c)]. (...либералы отдыхают на фоне политического пейзажа, как цепь потухших вулканов)

Метафора ПОЛИТИКИ – ЭТО ПОТУХШИЕ ВУЛКАНЫ отражает мощь и огромную власть, которые отличали деятельность лидеров политической гонки дня вчерашнего и их слабость и бесполезность в «забеге» нового дня. Императивный смысл метафоры увядшей природы, полученной в зоне соприкосновения морбиальной метафоры и метафоры стихии – заставить реципиента отказаться от старого, изношенного, неспособного к действию и внушить необходимость изменений, движения вперед и поиска нового источника прогресса.

But George W. Bush insists on raining on the parade. The US emits one 5th of the world's greenhouse gases, so unless the US ratifies or at the very least changes its domestic policies... Kyoto will not fully achieve its targets [The Warming War heats up Putin gives Kyoto the green light]. (Однако Джордж Буш настойчиво все портит [исполняя роль дождя на параде]. США производит около пятой доли всех парниковых газов в мире, поэтому если США не ратифицирует соглашение или, по крайней мере, не изменит свою внутреннюю политику... Киотский протокол до конца не достигнет своей цели.)

George Bush's government is out in the cold over Kyoto - and it's that old Cold War enemy, Russia, that's put it there [The Warming War heats up Putin gives Kyoto the green light]. (Правительство Джорджа Буша осталось в стороне [на холоде] из-за Киотского протокола – и поставила его туда именно Россия, старый враг времен Холодной войны.)

Метафора *холода* как символ отчуждения и одиночества на протяжении всей статьи вовлекается в игру слов, словно магнитом притягивая к себе лексические единицы *старый, враг и пр.*, которые дополняют общий пейоративный фон сообщения. Данный прием является средством нагнетания негатива, чувства осторожности, отстранения от тех, кто остается в стороне от растущего числа СВОИХ во всем мире.

I believe it based upon the massive and mushrooming opposition to the Bushites war plans against Iraq... [Glick]. (Я верю, что она опирается на массивную и растущую, как грибы, оппозицию военным планам Буша против Ирака.)

Показательно, что широко известный Ральф Найдер постоянно прибегает к развернутым метафорам, как огромный снежный ком, сметающим все на своем пути. Например:

Nader dismisses progressive enthusiasm for Dean's candidacy with this metaphor: "Everybody is starved. If you have a garden and if it rains, you are not excited, but if you are in the desert and it rains, you are delirious. But you know what rain in the desert produces? A mirage." Repeating an old refrain, Nader says it doesn't even matter if Dean is for real: "He can't deliver – he can be George McGovern on steroids, but when he gets into the corporate prison called the White House, he can't deliver." [Sifry]. (Найдер отклоняет прогрессивный энтузиазм в отношении кандидатуры Дина следующей метафорой: «Все умирают от голода. Если у вас есть сад, вы не радуетесь дождю, но, находясь в пустыне, вы будете ему безумно рады. А вы знаете, что вызывает дождь в пустыне? Мираж». Повторяя старую песню, Найдер говорит, что не важно, реален ли Дин: «Он не может проявить инициативу [подать мяч]. Он может быть Джоржем МакГоверном на стероидах, но когда он попадает в корпоративную тюрьму, называемую Белым Домом, он не может проявить инициативу [подать мяч]».)

Коллекционные собрания метафор не остаются незамеченными ни избирателями, ни конкурентами, ни прессой. Подобно одной спущенной петле, освобождающей другую, а за ней третью и ряд последующих, политическая метафора вызывает ряд ответных реплик и аргументов, для дополнительной убедительности оснащенных столь же запоминающимися и наталкивающими на размышления образами.

What about 'dark horse' Howard Dean? [Glick] (Что на счет «темной лошади» Ховарда Дина?)

Just as this column was ready to get rough on Ralph Nader... along came twin reminders of why America needs a burr-in-the-saddle corporate critic [Connelly]. (Как раз, когда эта колонка обозревателя уже была готова разразиться грубостью в адрес Ральфа Найдера... поступило двойное напоминание о том, что Америке назойливая [как колючка под седлом] корпоративная критика необходима.)

Таким образом, соотношение ОНИ - ПОЛИТИКИ представляет собой продуктивную категориальную модель метафорического отчуждения в политическом дискурсе экологического движения США. По классификации политических метафор А. П. Чудинова данная модель, как стол классического дизайна, крепко стоит на четырех опорах: субсферах «человек», «социум», «природа» и «артефакты». Следует отметить, что в реализации данной конструкции задействованы практически все выделенные исследователем сферы-источники метафорической экспансии, за исключением сфер-источников «родство» и «театр».

2. 1. 2. ОНИ – КОРПОРАТИВНЫЕ КАПИТАЛИСТЫ

В соответствии с представлениями многих экологов экспансия глобализма превратила мультинациональные корпорации и межнациональные организации в мирового диктатора, не учитывающего национальные интересы отдельных народов. Международные компании, решающие экономическую судьбу всего мира, стали главной мишенью для критики многих движений, защищающих права человека. Партия Зеленых США принимает активное участие в движении антиглобалистов. Обратимся к конкретным метафорам.

A 'raw lust to control' ... motivates the globalists and their corporate backers to a tee [The Battle of Seattle]. (Необузданное [сырое] вожделение власти ...

влечет глобалистов и их корпоративных спонсоров_ к цели [мишень, метка для мяча в гольфе].)

...they may offer pretty rationalization of their predatory behavior or make some cosmetic changes in their practices but... they are isolated from their own employers, communities, nations, the wider world and the natural environment... Their whole worldview boils down to "me first" [Leftcoast]. (.. они могут дать достаточно рационалистическое обоснование своему хищническому поведению или произвести некоторые косметические изменения в своей деятельности, но ... они изолированы от собственных работников, сообществ, наций, более широкого мира и естественной среды... Все их мировидение сводится к [уваривается до] «сначала мне».)

Given Dean's need for that corporate and fat cat money if nominated, it's a certainty that there would still be a big political space to his left, that the Greens could once again fill [Glick]. (Учитывая, что Дину потребуются деньги корпораций и «жирных котов», если выставят его кандидатуру, слева от него определенно будет большое политическое пространство, которое «зеленые» снова смогут заполнить.)

Концептуальный вектор выразительных образов, задействованных в игре метафорических моделей ГЛОБАЛИСТЫ – ЭТО ВОЖДЕЛЕЮЩИЕ ВЛАСТЬ, КОРПОРАТИВНЫЕ КАПИТАЛИСТЫ – ЭТО ХИЩНИКИ направлен на создание контекста недоверия и отвращения к финансовой элите и тех, кто действует от их лица или за их счет.

Обращение к строительной метафоре *косметические изменения* с целью унижения соперника в определенном смысле объясняет причину национальной гордости и большой популярности подлинной американской продукции по всему миру. Американцам, известным трудоголикам, с активной жизненной позицией, чуждо понятие *халтуры*. Даже слабый намек на невыполнение работы в надлежащем виде будет воспринят национальным сознанием

как обман и унижение достоинства, как отдельного человека, так и всего общества.

Самой распространенной для характеристики корпоративных капиталистов, насаждающих глобализацию и ее последствия, является **криминальная** метафора.

"Enron is the supermarket of corporate crime for our time," Nader announces [Nichols]. (Энрон – это супермаркет корпоративной преступности нашего времени.)

In the White House, in the Congress, at State Legislatures and City Councils throughout America, every day decisions are made that make it harder for people and planet to be healthy and easier for the rich to continue plundering the planet [Gerritt]. (В Белом Доме, в Конгрессе, в законодательных собраниях штатов и в муниципалитетах по всей Америке ежедневно принимаются решения, направленные на то, чтобы людям и планете было сложнее оставаться здоровыми, а богатым проще грабить планету.)

Для американского самосознания концепты *честность* и *закон* особо актуальны. Как отмечает О. А. Леонтович, культуры различаются по удельному весу в них соревнования и сотрудничества как двух форм человеческого взаимодействия. В американской культуре принято двигаться вперед и вверх, но скорее через конкуренцию, нежели чем через сотрудничество [Леонтович 2003: 212]. Гражданин США уверен в том, что только честное соревнование, основанное на тяжелой работе и высоком уровне профессионализма, может привести к успеху. Данная ментальная установка обеспечивает законопослушность американской нации, честность и открытость ее представителей. Соблюдение законов и наблюдение за тем, чтобы законы соблюдали все – яркая черта американского национального характера. Поэтому криминальная метафора представляет собой роковое оружие в этике политического дискурса США, под прицелом которого оказываются корпоративные капиталисты и политические деятели, что пронизывает данный кон-

текст концептуальными векторами опасности, противоестественности сложившейся ситуации, четкого противопоставления СВОИХ и ЧУЖИХ.

Показательно, что при сопоставлении сил антиглобалисты, в ряды которых входят и экологические организации, сравниваются с вредными детьми, капризными, шумными, но игнорируемыми безразличными взрослыми – безликими «костюмами», стильными атрибутами мира крупного бизнеса, поддерживающими неестественность и негласность правил, царящих в этих кругах и гарантирующих их процветание.

... anti-globalization movement is seen as naughty children with little real influence over the 'suits' running multinational corporations [Houston]. (... движение антиглобалистов представляют как непослушных детей, у которых мало реального влияния на «костюмы», руководящие мультинациональными корпорациями.)

We are the only party to argue that the crisis of global warming requires radical changes in our way of life, especially democratic transnational institutions that confront rampant oligarchic capitalism [Aronowitz]. (Мы единственная партия, которая доказывает, что кризис глобального потепления требует радикальных изменений в нашем стиле жизни, особенно в отношении демократических транснациональных институтов, которые противостоят необузданному олигархическому капитализму.)

Таким образом, в качестве практически перманентной характеристики рассматриваемой группы оппонентов в политическом дискурсе экологической партии США доминирует криминальная метафора субсферы «социум», также употребляются метафоры животного мира и субсферы «артефакты».

2. 1. 3. ОНИ - СМИ

Обособление средств массовой информации в категорию ЧУЖИХ - специфическая черта политического дискурса Зеленых США. Активисты экологического движения резко высказываются в адрес СМИ, которые не

поддерживают движение за сохранение окружающей среды. На взгляд М. Ю. Кочкина, особое место СМИ в лингвокультуре США обусловлено повышенной эмоциогенностью и драматичностью американского политического и новостийного дискурсов. Структура коммуникативного пространства США построена на скандале как на наиболее популярном и продаваемом виде новостей. В условиях рыночной экономики на информационном рынке действует принцип естественного отбора: побеждает наиболее шокирующая, не оставляющая аудиторию равнодушной информация [Кочкин 2002: 111].

В условиях борьбы за выживание, обостряющейся на страницах печатных изданий и в эфире теле- и радиопередач, заметна экспансия **криминальной, сексуальной и зооморфной** метафоры. Активно используются метафорические модели СМИ – это **УБИЙЦЫ / ПРЕСТУПНИКИ**, СМИ – это **ЧУДОВИЩА / ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ**, СМИ – это **ПОРНОГРАФИЯ**, СМИ – **ГЛУПЫЕ** и **ЧВАНЛИВЫЕ**.

...the reporter couldn't find the source of this politically suicidal statement... NPR's hatchet job was much slicker... John Sugg called the NPR's free-form of editing one of the most egregious cases of journalistic malfeasance he'd seen in years [Palast]. (... репортер не смог найти источник этого самоубийственного для политика высказывания... Атака [работа топором] Национального Государственного Радио была еще большим мошенничеством... Джон Сагг назвал свободную форму редактирования на НГР одним из самых вопиющих случаев журналистского преступления из всех, с какими он сталкивался в последние годы.)

... a false consensus created by the pornography of propaganda [Smith (c)]. (... ложный консенсус, созданный порнографией пропаганды.)

Narcissistic lemming liberals, elitist SUV Democrats and megalomaniac media mandarins who have made themselves look nasty and silly... [The Building of a Blacker Green Party]. (Самовлюбленные лемминги либералы, элитные джипы Демократы и косное руководство СМИ [фигурки с качающейся головой,

изображающие мандарина], страдающее манией величия, показали себя злыми и глупыми...)

Политические метафоры, участвующие в описании средств массовой информации обладают выраженной негативной коннотацией, эти метафоры дают резкую отрицательную оценку действиям СМИ, не оказывающим поддержку Партии Зеленых США, а значит, «чужим», коррумпированным или непрофессиональным лицам. Яркая пейоративная оценка СМИ заставляет читателя проникнуться недоверием и отвращением к посредникам политической коммуникации, раздувающим скандалы на пустом месте и мешающих развитию благородных начинаний. Например:

Writing about Cynthia McKinney is like a blind date with Godzilla. You don't really know what you are in for until you've walked through the door... The baying of wolves followed my simply noting that the former Congresswoman's political career was utterly destroyed by bald statement [Palast]. (Писать о Синтии МакКинни все равно, что (собираться на) свидание «вслепую» с Годзиллой. В действительности, неизвестно, что тебя ожидает, пока не переступишь порог [войдешь в дверь]... Лай волков начался, стоило мне только заметить, что политическая карьера бывшей представительницы Конгресса была основательно разрушена смелым высказыванием.)

Изображение СМИ как *лающих волков* вызывает тревогу и раздражение читателя в адрес журналистов, их скандального и грубого поведения. Различные толкования можно дать частному фрейму театральной метафоры ДЕЙСТВИЯ СМИ – это КИНОФИЛЬМ.

С одной стороны, такое представление управляющих информационным пространством обнаруживает концептуальный вектор неестественности, запрограммированности и наигранности их действий, обусловленных желанием манипулировать сознанием избирателя. Для каждого кинофильма создается свой сценарий, расписываются роли, где указывается каждая реплика, жест и эмоция актера. Образы должны быть яркими, неординарными,

запоминающимися, чтобы произвести необходимое впечатление на зрителя. Фильм, в свою очередь, наполняется спецэффектами, скандальными кадрами, захватывающими воображение сценами с целью глубокого и продолжительного воздействия на подсознание.

С другой стороны, распространенность кинематографической метафоры в политическом дискурсе США свидетельствует об особом отношении к киноиндустрии в Америке. Показательно, что в своем диссертационном исследовании А. А. Каслова приходит к выводу о высокой частотности и продуктивности кинематографической метафоры в американском политическом дискурсе, в то время как для российских агитационно-политических источников более актуальна метафора цирка, а метафора кино насчитывает лишь отдельные словоупотребления [Каслова 2003]. Наш иллюстративный материал подтверждает это наблюдение.

Все это позволяет констатировать активное обращение представителей экологического движения в США к субсферам «Человек», «Социум», «Природа» и «Артефакты» для метафорического осмысления политической ситуации внутри государства и формирования необходимой картины мира в сознании участников политической коммуникации. Обращает на себя внимание тот факт, что фитоморфная метафора и метафора родства практически исключены из контекста презентации ЧУЖИХ в корпусе рассмотренных текстов.

2. 2. Метафорическое представление ЧУЖИХ в российском экологическом дискурсе

Анализ российской политической культуры демонстрирует, прежде всего, прерывистость истории государства, ее драматизм, отсутствие последовательности и консенсуса в политическом процессе, синдром «трудного Отечества» и гетерогенность национальной политической культуры России [Россия и Британия в поисках достойного правления]. Все эти явления находят свое отражение в современной политической коммуникации, в «метафо-

рах, которыми мы живем». Метафорическая репрезентация биполярной лингвокультурологической категории СВОИ - ЧУЖИЕ, выступающей в роли координатных осей данного когнитивно-дискурсивного исследования, позволяет выявить константы национального сознания и базовые представления, тиражируемые культурой.

2. 2. 1. ОНИ – ПОЛИТИКИ

Как отмечалось выше, российскому сознанию по-прежнему свойственная монархическая модель метафорической концептуализации мира, и в первую очередь, это касается мира политики. Во главе патриархального государства всегда находится мудрый, сильный, праведный, наделенный почти сверхъестественными силами правитель. Ему возносят хвалу и почести в случае государственных побед и успехов, ему же адресуют все упреки, козни, заговоры и покушения в революционные периоды истории.

Времена меняются, но стереотипы, заложенные в основу национального сознания, подвергаются изменениям исключительно медленно, и летоисчисление установок народного менталитета идет в масштабе эпох, столетий, цивилизаций.

Учитывая вышесказанное, заметим, что и сегодня недовольство ситуацией, складывающейся в стране, обращено, в первую очередь, к людям у власти, максимально дистанцированным от народа, словно существующим в другом мире, где играют в «свои» игры, устанавливают «свои» правила. Люди у власти, политической или финансовой, и не умеющие пользоваться ею надлежащим образом, – враги экологов. Ср.:

Представители российского политического движения «Зеленые» говорят о *близорукости одних и глупости других политиков* [Борозин М.], которые *ни в грош не ставят* общественное мнение, издают кипы *водянистых законов* по принципу *«тех же щей да поужиже влей»* [Заявление Российской экологической партии «Зеленых»] и формируют *министерства-*

гермафродиты [Президент Путин против кандидата экономических наук Путина].

Обнаруживаются подозрения, что органы государственной безопасности в серьезных обстоятельствах предпочитают *молчать* или работать *«под ковром»* [Борозин М.]. Депутаты Госдумы превращают Россию в *международный ядерный могильник*, думая, что *«удобряют»* страну *«ценным» радиационным «навозом»* [заголовок].

Взошедший на Олимп Владимир Путин представляет собой образ *Нового человека в прогнившей* политической системе [Митрофанов С.], причем популярность Президента настолько велика, что собирает вокруг себя различные *политические «тусовки»* [Борозин М.].

Экологи предполагают, что *городская дума* – это *ширма* для сомнительных инициатив, которые *изуродуют лицо* города на долгие годы [Новгородские экологи]. Иные отмечают, что чиновники *страдают раздвоением личности* [Петров Н.]. Экологическая организация МСоЭС предлагает усилить общественный контроль над деятельностью властей, который должны осуществлять не *марионеточные «чучела общественности»*, созданные самими властями, а все гражданское общество [Забелин С.]. Очевидно и стремление Зеленых вырваться из *номенклатурного беспредела круговой поруки псевдоэкспертов* [Кричевский С.].

Наблюдения показывают, что в подлинно демократическом государстве бремя метафорической оценки прямо пропорционально высоте занимаемого положения. Однако несложно заметить, что особенностью политического дискурса Зеленых России является его институциональность, дискредитация структур власти в целом, а не отдельных ее представителей, которые зачастую работают на создание личной популярности, а не на решение поставленных общественных задач. Вероятно, нелегкое прошлое государства Российского (царская воля, крепостное право, коммунистическая идеология, отсутствие свободы, бюрократия, коррупция) произвело формулу жизненной покорности – «что воля, что неволя, - все одно». Следствием такого мировос-

приятия стала продолжающаяся политическая апатия россиян, недоверие власти, а вместе с тем способность увидеть за недостатками конкретных политических деятелей изъяны системы власти и сложившейся ситуации в обществе.

2. 2. 2. ОНИ – ОЛИГАРХИ

Интересно заметить, что промышленные и финансовые магнаты не дают покоя ни американским, ни английским, ни российским «зеленым». Однако если первые две партии восстают против корпоратистов в ракурсе антиглобалистических настроений, Зеленые России борются с внутригосударственным «злом» - олигархами. Обратимся к примерам:

В широко распространенной российской практике *финансово-олигархического произвола* политику заказывают *закулисные спонсоры* [Заявление Российской экологической партии], преследующие *нечистоплотные цели* [Олигархи не хотят, чтобы «зеленые» были в Думе!].

Большая часть ресурсного бизнеса, *то ли дирижирует властью, то ли шантажирует ее* [Борозин М.].

Деятельность олигархии в России – предмет отдельного политологического исследования. С лингвистических позиций следует отметить, что само слово «олигарх» фактически ложный друг переводчика. Большой Оксфордский Словарь дает ему следующее определение: представитель олигархии (правительства в лице небольшой группы людей) [OED 1993]. Заимствованное в годы перестройки в русский язык слово «олигарх» приобрело значение «финансовый магнат в небольшой группе правителей» [Кабакчи 2002]. В связи с этим показательно, что в англоязычном политическом нарративе понятие «олигарх» в российском контексте всегда выделяется кавычками.

Политический дискурс Зеленых в нашей стране по своему эмоциональному заряду преимущественно негативен: отмечается отсутствие доверия к власти предрержащим, недовольство политической ситуацией в целом и особенно дискриминацией вопросов экологии. Яркие метафоры *родства, теат-*

ра, войны, спорта, криминала, дороги, животных, болезни и свалки помогают российскому экологическому движению моделировать собственную языковую картину мира и способствуют привлечению внимания общества к проблемам экологии.

2. 3. Метафорическое представление ЧУЖИХ в английском экологическом дискурсе

Основополагающими историческими факторами формирования политической культуры Великобритании традиционно считают политическую стабильность, постепенность развития, возможность выбирать особый, «британский» путь вследствие островного положения, органичность включения новых элементов в старые политические структуры и принцип легитимности [Россия и Британия в поисках достойного правления].

Основная функция британских политических партий сегодня заключается в том, что политики, демократически избранные в Парламент, осуществляют непосредственное управление страной. Иными словами, каждый политический деятель выступает ответственным представителем одной из нескольких, сформировавшихся в истинно британских традициях, политических партий. Эти партии дают народу определенные обещания, от выполнения которых зависит успех каждого политика на государственной политической арене, степень общего влияния партии, благополучие нации и внешнеполитический имидж страны. Поэтому для английских политических партий вопросы коммуникативного и прагматического влияния слова, произнесенного или написанного от имени представителей этих партий, являются значимыми.

2. 3. 1. ОНИ - ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ

Люди, стоящие у власти и не умеющие пользоваться ею надлежащим образом, – первые враги политического движения в защиту экологии и прав человека. Особенно, если они – первые лица страны. Если речь идет о под-

линно демократическом государстве, то соотношение несложное - чем выше пост, тем тяжелее бремя метафорической оценки.

В дискурсе Зеленых Англии Буш и Блэр *говорят на языке Хусейна и Бен Ладена*. Они - *crusading zealots [фанаты общественных кампаний]*, искренне верящие в их *God-given right [Богом данное право]* выносить смертный приговор людям, которых они отождествляют с *evil [со злом]* [Fitz-Gibbon 2002 (b)].

Тони Блэр выглядит *pitiful [жалко]*. Ему приходится *pay the price [расплачиваться]* за то, что не учитывает волю народа [Wright 2003 (b)]. Он уводит СВОИХ еще дальше от партнеров в Европе, соглашаясь на *the role of Bush's poodle [роль пуделя Буша]*. Это уже превратилось в *an act [спектакль]* [Wright 2003 (b)].

Blair environment commitment is "thinner than recycled toilet paper" (which is being more unkind to recycled toilet paper than to Mr Blair) [Lies, damned Lies - and Blair Eco-speeches] (Обязательство Блэра в отношении экологии "тоньше, чем переработанная туалетная бумага" (что более несправедливо относительно переработанной туалетной бумаги, чем господина Блэра.)

Несложно заметить, что премьер-министр Великобритании Тони Блэр исполняет ведущие роли в различных сценариях метафорического моделирования действительности. Он и *животное*, и *актер*, и *избранник Бога*, скрывающий праздность своей партии за *дымовой завесой* слов, проигрывающей даже в сравнении с *туалетной бумагой*. Театральная и зооморфная метафоры, а также продуктивные метафорические образы субсферы «артефакты» являются доминирующими в создании образа лидера страны.

Разнообразные коммуникативные тактики отчуждения используются в отношении правительства и традиционных политических партий. Среди наиболее актуальных средств дискредитации оппозиции Зеленых Англии используется метафора **войны**. Ср:

... GM research, cloning are under criticism. Greens would define what is being funded as war against nature but this doesn't enter the governments' reckoning [Wright]. (... изучение генетической модификации, клонирование подвергаются критике. Зеленые назвали бы происходящее войной против природы, но это не входит в расчеты правительства.)

Традиционно в экологическом дискурсе действия метафорической войны разворачиваются на двух фронтах: правительство ведет войну против природы, а зеленые ведут войну против правительства.

Caroline Lucas has pledged her commitment to take non-violent direct action to fight government proposals for new runways at airports across the UK [Green Euro-MP pledges direct action to stop airport expansion]. (Кэролин Люкас подтвердила свое обязательство предпринять ненасильственные прямые действия для борьбы с предложениями правительства о создании новых взлетно-посадочных дорожек во всех аэропортах Соединенного Королевства.)

Милитарная метафора проходит красной строкой через весь политический дискурс Англии и толкование этого факта не может быть однозначным. С одной стороны, метафора войны, тесно переплетающаяся с метафорой спорта, позволяет провести четкую границу между СВОИМИ и ЧУЖИМИ и укрепить свои позиции как значительной политической силы. С другой стороны, вследствие своего агрессивного прагматического потенциала милитарная метафора «навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном развитии и решении конкретных проблем» [Чудинов 2001]. Поэтому лидерство милитарной метафоры среди многих других вариантов реализации метафорической экспансии может оказаться сигналом о сложности периода развития страны и о критической ситуации в обществе:

Alistair Darling and his fellow Ministers are cowards, who know the truth about our country is grinding into gridlock, but aren't brave enough to say it [Jenny]. (Алистер Дарлинг и его коллеги министры – трусы, они знают

правду о том, что наша страна со скрипом въезжает в дорожную пробку, не имеют достаточно смелости, чтобы сказать об этом.)

Часто для делигитимации своих политических противников Зеленые Англии используют концептуальные метафоры-эпитеты, актуализирующие прагматические установки ПРАВИТЕЛЬСТВО – ЭТО МИР ЛЖИ, ПРАВИТЕЛЬСТВО – НАРУШИТЕЛЬ, правительство ЦИНИЧНО, ЛИЦЕМЕРНО И БЕССЕРДЕЧНО.

Labour's failure to meet its own targets on cutting greenhouse gas emissions is an appalling breach of trust and further evidence of an incompetent government driven by lies and spin (Lucas) [Green principal speaker condemns Government failure to meet emissions reduction target]. (Неспособность лейбористов осуществить поставленные ими цели по снижению выбросов парниковых газов - ужасное нарушение обязательств и очередное свидетельство некомпетентности правительства, управляемого ложью и обманом.)

The government is attempting to rewrite the history of these cases to obscure its flagrant breaches of human rights [Greens criticize Belmarsh deportation claims]. (Правительство намеревается переписать историю этих случаев, чтобы завуалировать вопиющие нарушения прав человека.)

New report exposes "half-hearted and hypocritical" LibDem record on Environment [LibDem 'environmental charlatans' - new report]. (Новый доклад демонстрирует результаты «равнодушной и лицемерной» деятельности либеральных демократов по проблемам экологии.)

Для реализации концептов лжи и лицемерия, базовых для национального сознания законопослушных и консервативных англичан, привлекаются также метафоры природы, артефактов и механизма. Ср.:

We are in serious danger – thanks in part to the yawning gulf between the Government's rhetoric and action [Green principal speaker condemns Government failure to meet emissions reduction target]. (Мы находимся в серьезной опасно-

сти – отчасти благодаря зияющей бездне между ораторским искусством правительства и его действиями.)

The New Labour project is what the Tories would have done if they'd had their act together - conservative policies in slick new packaging [Blair spin "spirals to new depths" say Greens]. (Новый проект лейбористов – это то, что сделали бы консерваторы, если бы она действовали сообща, – консервативная политика в новой блестящей упаковке.)

With a right-of-center Labour government entrenched in undeserved power and the Tories off the radar under Duncan Smith, political space is opening up for us as well [Woodin]. (Когда правоцентристское лейбористское правительство укрепилось в незаслуженной власти, а консерваторы под руководством Дункана Смита исчезли с радара, политическое пространство открывается и для нас.)

Метафора театра не так распространена в политическом дискурсе английских экологов, но встречается как средство дискриминации ЧУЖИХ. Например:

Our new report gives further examples for anyone who still takes the LibDems seriously when they masquerade as a 'green' party [LibDem 'environmental charlatans']. (В нашем новом отчете даются очередные примеры для любого, кто все еще серьезно относится к либеральным демократам, когда они надевают маскарадный костюм Партии Зеленых [Либеральные демократы – «экологические шарлатаны»].)

Концептуальный вектор метафоры театра направлен на создание негативных эмоций, ощущения обмана и лицемерия, царящих во власти.

Кроме того, необходимо отметить обращение английских Зеленых к метафоре животных и морбиальной метафоре:

The Labour Party and the Tory Party only consider moving back companies into nationalization when they become dead and lame. ...If you can bring the lame

ducks back into nationalization, then bring back the white swans as well. These companies were taken from us and stolen. They should be given back to their rightful owners, the tax payers [Crow]. (Лейбористы и консерваторы рассматривают возможности вернуть компании посредством национализации, только когда они становятся мертвыми и хромыми. .. Если вы можете с помощью национализации вернуть хромых уток, тогда верните и белых лебедей.)

Labour is still crawling on issues like climate change, green transport,... organic agriculture and air quality [Lies, damned Lies - and Blair Eco-speeches]. (Лейбористы по-прежнему ползут к решению таких вопросов как изменение климата, экологически чистый [«зеленый»] транспорт, ... органическое сельское хозяйство и качество воздуха.)

В своих обращениях к общественности Зеленые внушают представление о том, что путь развития, выбранный правительством и правящими партиями, является неверным, что нужно выбрать новый путь, путь к всеобщему равенству, справедливости и устойчивому развитию на земле и уверенными шагами идти в новое светлое будущее.

All three major party leaders have paid lip service to climate change but they still have the wrong targets, inadequate policies to meet those targets, and some policies that go in the wrong direction altogether (Fitz-Gibbon) [Conference to issue climate]. (Лидеры всех трех ведущих партий делали лицемерные заявления в отношении изменения климата, но у них по-прежнему неправильные цели, неадекватные стратегии для достижения этих целей, а некоторые стратегии ведут в совершенно неверном направлении.)

В качестве одного из приемов суггестивного воздействия на избирателя в политическом дискурсе выделяется обращение к национальным и общечеловеческим ценностям, а именно: *Семья, Бог, Счастье* и т. п. Данные концепты понятны и близки всем, тем не менее, их репрезентация и значение варьируются от нации к нации. Исследователи отмечают, что в отличие от православной

культуры в протестантизме превалируют вещные субстанции, т. е. обсуждаются не чувства к Богу, а убранство храма, профессионализм певчих, пастора [Даулетова 2004: 23]. Ср.:

New Labour plans to sacrifice a quarter of UK farms on the altar of globalisation ... [What future for farming in Blair's Brave New Britain?]. (Новые лейбористы планируют принести на алтарь глобализации четверть ферм Соединенного Королевства в качестве жертвы.)

Все же, на наш взгляд, важно отметить ретроспекцию как свойство национального характера англичан. Если открыто говорить о чувствах к Богу не принято, то оценивать свои действия и помыслы с точки зрения христианских заповедей характерно для этой нации, воспитанной на законах и традициях. Поэтому важное место в метафорической концептуализации мира занимает религиозная метафора, привлекающая в мир политики не только образы храмов и их убранства, но и фундаментальные вопросы морали.

Bush and Blair ... sincerely believe in their God-given right to mete out the death penalty... [Fitz-Gibbon]. (Буш и Блэр ... искренне верят, что у них есть Богом данное право выносить смертельный приговор...)

But apparently it [what NATO under Clinton and Blair did in Yugoslavia] wasn't the sort of sin that needs to be brought to our attention on the front pages of the newspapers. Sometimes it seems an inverse morality is at work in our society [Fitz-Gibbon]. (Но, очевидно, это [действия НАТО в Югославии во время правления Клинтона и Блэра, - прим. Н. К.] не является тем грехом, на который необходимо обратить внимание на первых полосах газет. Иногда, кажется, перевернутая мораль работает в нашем обществе.)

Понятия *греха, перевернутой морали, Богом данного права*, привлекаемые в экологический дискурс в качестве источников метафорической экспансии свидетельствуют о явной дисгармонии в английском обществе согласно представлению Зеленых. Концептуальные векторы тревоги, непринятия сло-

жившейся ситуации, в которой люди стремятся перевернуть мир с ног на голову, материализуются экологистами посредством религиозной метафоры.

Обращение к религиозной лексике в рамках политического дискурса также отражает оттенки латентного морализаторства со стороны Зеленых. С одной стороны, такая тактика может привести к отчуждению их обществом, с другой стороны, может приблизить их к избирателю, поскольку показывает, что эта партия точно знает, что хорошо, а что плохо для людей, и не станет скрывать корыстных намерений за мощным психологическим воздействием религиозной метафоры.

2. 3. 2. ОНИ - КОРПОРАТИВНЫЕ КАПИТАЛИСТЫ

Экологическое движение Англии гармонично вписывается в многоликую толпу восстающих против глобализации и ее представителей: *нефтяных купцов* и *корпоративных бегемотов*, которые *правят* миром, пытаясь *подчинить* общество своим интересам. Ср.:

In a world of globalising forces, increasingly controlled by corporate behemoths and bureaucratic regulatory regimes, the last vestige of cultural identity most Europeans feel they have some control over is their choice of food [Bush's evangelizing about food chills European hearts]. (В мире глобализующих сил, все более контролируемых корпоративными бегемотами и бюрократическими нормативными базами, последний признак культурной идентичности, который, как кажется европейцам, они пока могут контролировать, это выбор того, что они едят.)

The oil merchants rule the world [Wright]. (Нефтяные купцы правят миром.)

And he will accuse the WTO of exercising "evil evidence" in seeking to subordinate society to commercial interests [Green Peer blast Bush for seeking to destroy

UN peace role]. (Он обвинит ВТО в использовании преступных оснований [зла] с целью подчинения общества коммерческим интересам.)

В целом, дискредитирующие отзывы о корпоративных капиталистах, не считающихся с интересами населения планеты, и преследующих только свои корыстные цели, более характерны для антиглобалистического дискурса Англии. Поскольку партия Зеленых занимается многими вопросами не только экологического плана, но и проблемами социальной сферы (образования, здравоохранения, генетической модификации продуктов, дискриминация и пр.), аспекты глобализации в целом получают не столь значительную долю внимания.

2. 3. 3. ОНИ – АМЕРИКАНЦЫ

Отнесение США в категорию ЧУЖИЕ – специфичная черта английского экологического дискурса.

The battle (битва) против генетически измененных продуктов объединяет страны европейского сообщества, отдаляя их от *their old ally (их старого союзника)* за Атлантическим океаном. Вполне вероятно, предупреждают Зеленые, что это станет *the last straw that breaks the camel's back (непереполнит чашу терпения [букв. - последней соломинкой, которая ломает спину верблюда])* в отношениях между Европой и США [*Leading UK Green heads for Iraq*].

Исходная понятийная область «США» участвует в формировании множества моделей метафорической экспансии, задействованных в сценарии АМЕРИКАНЦЫ - ЧУЖИЕ. Примеры говорят сами за себя:

Yet perhaps no nation is as schizophrenic in its attitude to the environment as the US – the world's economic powerhouse and, by far, it's greatest polluter [Ghazi]. (Все же, пожалуй, нет нации страдающей шизофренией в своем отно-

шении к экологии сильнее, чем США – экономическая электростанция всего мира и, несомненно, его самый крупный источник загрязнений.)

American foreign policy is shit... Our leaders continue to lie through their teeth, exaggerating the dangers while cranking up the rhetoric. But that doesn't mean we should buy it [McCaig]. (Внешняя политика Америки – дерьмо... Наши лидеры продолжают врать сквозь зубы, преувеличивая опасности и впадая в риторику. Но это не значит, что мы должны «купиться» на это.)

After months of sabre rattling, the US announced that it would take the EU to the WTO over the former's continuous moratorium on growing GM crops [Rowell 2003]. (После месяцев бряцанья оружием США объявили, что подадут иск на ЕС в ВТО по причине постоянного моратория первого на генетически измененные культуры.)

Метафоры войны, финансов, болезней, лексема *обманывать*, негативно маркированная и сниженная лексика создают общую атмосферу напряжения, агрессии, несогласия с политикой США и задают некоторый воспитательный тон по отношению к Америке в английском политическом дискурсе. Экологи формируют образ американцев как жестоких неразумных детей, которых надо бы научить уму-разуму. Ср.:

America must finally raise her eyes to the wider historical horizons... hold back and react more maturely than would a playground bully [Woodin]. (Америка должна наконец поднять свой взгляд к более широким в плане истории горизонтам... успокоиться и реагировать более обдуманно, чем задира с детской площадки.)

So, today we say to the aching heart of America: we share your shock, we share your pain but hold back: do nothing to escalate the violence, learn instead that there is more than one history of the world, more than one vision of the future: and that each voice needs space for expression [Woodin]. (Поэтому сегодня мы говорим больному сердцу Америки: мы разделяем ваше потрясение, мы разделяем вашу

боль, но сдержитесь: не делайте ничего, что подтолкнет рост насилия, вместо этого поймите [научитесь], что существует не одна история мира, не одно видение будущего, и что каждому голосу необходимо пространство, где он может быть выражен.)

Интересно отметить, для того чтобы выразить свое отношение к американцам и дать необходимый совет, английские Зеленые прибегают к педагогической метафоре. Американцы сравниваются с задиристыми детьми, которым надо многому научиться, и, в первую очередь, - надлежащим образом вести себя в мировом сообществе. Другой пример:

Please learn this now, before anyone else decides that it's time, as they see it, to teach you another lesson [Woodin]. (Просим понять это сейчас, пока кто-то другой не решил, что пора, как ему кажется, преподать вам другой урок.)

Представляя себя на месте исламских народов, английские Зеленые пытаются читать их мысли: *[Afghans and Iraqis] might well go on to say, "They're evil, these Americans. They've killed almost 4,000 Afgan and they bombed two other countries back to the stone age in the space of a decade... We've got to fight fire with fire." It's rather reminiscent of G.Orwell's Animal Farm, where in the end the pigs and humans were indistinguishable [Fitz-Gibbon 2002 (b)]. (Афганцы и иракцы вполне могут сказать: «Они – зло, эти американцы. Всего за 10 лет они убили почти 4 000 афганцев и разбомбили 2 другие страны до состояния каменного века... Мы должны отвечать обстрелом на обстрел. Это становится похожим на произведение Г. Оруэлла «Ферма зверей», где в конце людей нельзя было отличить от свиней.)*

For green-minded Europeans, America has long been the villain of the piece [Ghazi]. (Для сторонников Зеленых в Европе Америка уже давно является главным злодеем).

Метафорические модели АМЕРИКАНЦЫ – ЗЛО, АМЕРИКА - ЗЛОДЕЙ обладают мощным прагматическим потенциалом; наполненные образами

разрушения, вражды и воинственной агрессии, эти метафоры укрепляют в национальном сознании представление об американцах как о соперниках англичан и агрессорах, угрожающих всему человечеству.

2. 4. Метафорическое представление Зеленых как ЧУЖИХ в экологическом дискурсе США, России и Англии

Предпринятое в настоящей главе рассмотрение категории ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии было бы неполным, если вынести за скобки оппозиции СВОИ - ЧУЖИЕ взгляд на Зеленых как на ЧУЖИХ в политическом дискурсе.

Лингвокогнитивный анализ метафорических моделей, используемых для характеристики экологического движения **США**, показал, что основанное еще в 70-е годы общественное движение защитников окружающей среды переросло в интегрированную политическую силу, присутствие которой ощутимо на политической арене государства. Учитывая специфику американской масс-медиакультуры, можно предположить, что целенаправленное стремление войти в политическую элиту государства и потеснить две правящие политические партии вызывает массовые комментарии.

Чтобы выразить свое недовольство явлением незваных гостей в большую политику и поставить «зарывающихся» экологов на место журналисты прибегают к метафоре спорта. Например:

“You people do nothing but divide this country with your racial rhetoric. I guess you are going to play the race card just like the communist Democrats”. (Denis Desautels) [Snyder]. (Вы же ничем другим не занимаетесь, только разделяете эту страну своей расовой риторикой. Я полагаю, вы разыграете карту этой политической гонки также, как коммунисты-демократы.)

“Nader’s run is ‘a self-indulgent exercise that will distract voters from the clear-cut choice represented by the major party candidates. The public deserves to

see the major party candidates compete on an uncluttered playing field". (New York Times Editorial) [Hart]. (Выступление Найдера в качестве кандидата в Президенты_ [пробег] – упражнение в самолюбовании, которое отвлечет избирателей от четкого выбор, предоставляемого двумя главными партиями. Публика имеет заслуженное право увидеть, как кандидаты от главных партий соревнуются на спортивном поле без вмешательства.)

Метафорическая модель ЗЕЛЕНЬЕ – ПРЕПЯТСТВИЕ / ПОМЕХА в качестве источника метафорической экспансии может распространяться на сферу-источник «насекомые». Например:

"The Green Party is the bedbug that laid low in the giant. A ragamuffin collection of anti-globalists, campaign finance aficionados, and health care, and labor activists" (Washington Post) [Hart]. (Партия Зеленых – это клоп, засевший глубоко внутри гиганта. Сбор оборванцев в лице антиглобалистов, ревностных поборников финансовых кампаний и активистов от здравоохранения и труда.)

Кроме того, для реализации рассматриваемой метафорической модели регулярно употребляется одно из ключевых для американской культуры слов *spoiler* (то или тот, кто портит что-либо; тот, кто отнимает победу у явного лидера - в спорте, политике, etc.), обладающее яркой пейоративной коннотацией и дискредитирующим прагматическим смыслом. Ср:

LA Times headlines ... implied that Nader was the spoiler, while Bush and Gore were upholding political standards [Calamary]. (В «Лос Анжелес Таймс» сообщалось, что Найдера только портит дело, в то время как Буш и Гор отстаивали политические стандарты.)

Madison, Wis. -- Former Green Party presidential candidate Ralph Nader called Democrats "chronic whiners" for continuing to accuse him of spoiling the 2000 presidential election for Al Gore [Wisconsin: Nader says Florida stolen from

democrats]. («Мэдисон», Висконсин – Ральф Найдер, в прошлом кандидат в президенты от Партии Зеленых, назвал демократов «хроническими нытиками» за то, что они продолжают обвинять его в том, что он испортил президентские выборы 2000 для Аль Гора.)

“He’ll have to spend a lot of time dealing with the ‘spoiler’ question ... ” (Rensenbrink) [Silfry]. (Ему придется потратить много времени, чтобы доказать, что он ничего не испортил.)

Экологическое движение в США ведет активную политическую и правозащитную деятельность. Экологи не только проводят громкие общественные акции, стремительными темпами расширяют ряды своих последователей и баллотируются в органы верховной власти, но иногда и предпринимают более радикальные действия, приобретающие скандальную известность. Активисты экологического движения принимают непосредственное участие во всех антиглобалистических демонстрациях, более того, объединяются в экстремистские группы и идут на колоссальные человеческие жертвы в доказательство того, что человечество движется неправильным путем.

Темы «зеленого экстремизма», «зеленого терроризма» и инфильтрации Зеленых в международные корпорации с целью их разрушения изнутри и даже уже давно стали достоянием общественности в американском политическом дискурсе. Ввиду такой деятельности, имеющей широкий разрушительный эффект, и, зачастую, неоправдываемой ни с психологической, ни с гуманистической точки зрения, экологическое движение США со стороны часто характеризуют с помощью морбиальной метафоры, что можно проследить на следующих примерах:

...many reporters portrayed Nader and his Green Party supporters as “defiant” (Daily News) [Hart]. (...многие репортеры описывали Найдера и его сторонников из Партии Зеленых как «дерзких».)

Thus, the Greens enter the next presidential campaign hampered not only by their actual political weakness but by an overarching lie that they are simultaneously too strong and dangerous [Smith]. (Таким образом, путь «Зеленых» в следующую президентскую кампанию затруднен не только их реальной политической слабостью, но и всеохватывающей ложью, что они в то же время слишком сильные и опасные.)

«Ralph can spend his days with another ego-maniacal narcissist, Dear Leader Kim Jong II, and get a real taste of what a country that actually follows Mr. Nader's insane economic philosophy ...is like...» (New York Times) [Hart]. (Ральф может провести время с другим маниакально самовлюбленным "нарциссом", Дорогим Лидером Ким Лонгом II и почувствовать настоящий вкус страны, которая в действительности придерживается безумной экономической философии г-на Найдера.)

Метафорическая модель ЗЕЛЕННЫЕ – это СУМАСШЕДШИЕ достаточно распространена в политическом дискурсе США, хотя чаще представлена в более мягких формах. Например, ЗЕЛЕННЫЕ – это ХИППИ или ЗЕЛЕННЫЕ – это ХУЛИГАНЫ. Ср.:

My girlfriend Amber likes to tease me when I tell her I'm off to do some work for the Green Party here in Las Vegas. "Have fun with the hippies," she says. [Startin]. (Моя подруга Эмбер любит дразнить меня, когда я говорю ей, что иду сделать выполнить кое-какую работу для Партии Зеленых у нас в Лас Вегасе. «Желаю тебе повеселиться с хиппи», - говорит она.)

In The San Francisco Chronicle Benjamin was portrayed as more of a rabble rouser than a serious candidate [Calamary]. (В «Сан Франциско Кроникл» Бенджамин описали больше как подстрекательницу [букв. - поднимающую толпу], а не как серьезного кандидата.)

“Nader supporters gathered in the Madison Square garden – less a political happening than a body piercing convention. With earrings sprouting from noses, eyebrows, tongues, lips and sometimes even ears” (New York Times) [Hart]. (Сторонники Найдера собрались в саду на Мэдисон Сквер – не столько политическое событие, сколько собрание, увлекающихся боди пирсингом. Серьги словно росли у них на носах, бровях, языках, губах, а иногда даже на ушах.)

Концептуальный вектор вышеупомянутых моделей направлен на формирование образа Зеленых как изгоев, психически неполноценных людей, ищущих гармонию с собой и миром, стоящих на слабой политической позиции. Прагматический смысл подобной метафоризации: от Зеленых нельзя ожидать ничего хорошего – отсутствие порядка и веских аргументов способны привести лишь к анархии.

Отношение к экологистам в США иногда сравнивается с отношением к неразумным детям, чье мнение еще не имеет под собой никаких оснований, а, следовательно, не учитывается.

Democrats continue to project the myth that Greens are just wayward children who need to return to the fold. [Why Greens And Democrats Aren't Friends] (Демократы продолжают развивать миф о том, что Зеленые – это просто капризные дети, которым нужно вернуться под контроль [в загон].)

Dana Milbrank (15.09.00) caricatured the Greens as “radical activists in sandals.” (The Washington Post) [Hart]. (Дана Милбрэнк изобразила Зеленых в карикатурном виде как «радикальных активистов в сандалях».)

They believe, along with the media, that the Greens are just wayward Democrats [Smith]. (Они уверены, также как и СМИ, что Зеленые это просто капризные Демократы.)

Прагматический смысл метафорической модели ЗЕЛЕННЫЕ – это КАПРИЗНЫЕ ДЕТИ: инфантилизм, необдуманность действий, максимализм в суждениях, политическая незрелость, отсутствие реальной власти.

Для **российского** политического дискурса обсуждение экологических инициатив не характерно. Объяснений этому может быть несколько.

Во-первых, само движение не настолько многочисленно и активно, чтобы реально задевать чьи-то политические интересы.

Во-вторых, в отличие от своих западных коллег защитникам окружающей среды в России наименее свойственна философия хиппи. Проблем в России настолько много, особенно у тех, кто пытается донести до общенности свою позицию, что переход от юношеского максимализма к реализму происходит в кратчайшие сроки, не оставляя времени на зарождение духа всесторонней свободы и романтики. Как говорилось ранее, понятие свободы у русских также национально специфично. Сильный дух и стойкость при любых обстоятельствах – особые черты национальной гордости русских. Тот, кто не преклонит головы ни перед какими трудностями и гордо, молча *выстоит* в любом жизненном испытании, как правило, становится национальным героем или причисляется к духу святых в русской православной культуре.

В третьих, уникальная особенность российского экологического движения заключается в том, что большую ее часть составляют ученые, экологи, преподаватели, философы, писатели, художники и т.д. Одним словом, партию представляет интеллигенция, которой не свойственно вступать в различные скандалы, перипетии, которые способствовали бы мгновенному привлечению внимания со стороны прессы.

Наконец, в четвертых, финансовая опора Партии Зеленых России настолько незначительна, что не позволяет экологистам развернуть полномасштабную PR-деятельность: рекламные кампании, сборы, конференции, акции, кампании в защиту окружающей среды сведены до минимума. Соответственно, присутствие партии в политическом масс-медиа дискурсе

практически неощутимо. Выпускаются считанные и дорогостоящие печатные издания, работают несколько Интернет-сайтов, трудится актив партии. При этом держится устоявшееся мнение, что быть Зеленым в России значит иметь корыстный интерес к спонсорской помощи, «теплому уголку» в коридоре власти и поездкам за рубеж:

... один кандидат наук... густо полил грязью упрямый Госкомэкологическую, представив его скопищем бездельников и стяжателей, жирующих, разъезжающих по границам и даже, если не прямо, то косвенно мешающих развиваться жителям Корякского автономного округа [Президент Путин против кандидата экономических наук Путина].

Даже ЧУЖИЕ в стане СВОИХ для экологического движения сравнивают движение Зеленых с полем после сражения:

А сегодня экологическое движение России напоминает поле после битвы: стонут раненые на разрушенных бастионах, боеспособные собираются в группки.» (А. Яблоков) [Борозин].

Милитарная метафора, а точнее ее слог «поражение» еще раз свидетельствуют о политической слабости и уязвленности экологического движения в России в начале XXI века, незначительном участии партии в политической жизни государства, отсутствии общественного внимания к призывам защитников окружающей среды.

В свете подписания Россией Киотского протокола и оваций, которые это событие вызвало за рубежом, политические деятели начинают осознавать, насколько сильные аргументы для международных дипломатических отношений предоставляет экология.

И Президент Путин, который до этого только негативно отзывался о Зеленых, говоря, что это шпионы, а экологические организации - "крыша" для шпионов, во время поездки в Канаду неожиданно высказался, что он всю

жизнь восхищался экологами, которые на утлых лодочках пытаются преградить путь большим кораблям [Яблоков А.].

«Вечная» тема, видимо, вновь выходит из тени других злободневных вопросов в политическом дискурсе. Смена курса с метафоры криминала на метафоры пути, моря, преграды, символизирующие отвагу, движение вперед, способность достичь невероятного, отражает возможный отход от политики деэкологизации, о которой писали экологи с начала президентства В. В. Путина.

Англию можно на всех основаниях признать самым *environmentally friendly* (заботящимся об окружающей среде) государством из трех рассматриваемых. Отстаивать экологические приоритеты в этой стране считается не только важным, но и модным. Ряды сторонников движения Зеленых расширяются быстрыми темпами. Английские экологи с удовольствием сотрудничают со многими печатными и электронными изданиями и часто поднимают глобальные по своей важности вопросы окружающей среды на страницах популярных газет и журналов, не позволяя нации забыть о своем существовании и о значимости решаемых партией проблем. Постоянное присутствие активистов движения на политическом небосклоне Англии и логика их аргументов привели к тому, что иногда их уже рассматривают как многообещающих спортсменов, способных получить место в «лиге чемпионов» от политики. Например:

Almost 30 years later, 1 May will show whether the latest polls will give outsiders an inside track into power at England and Scotland's town halls [Stone-Lee]. (Почти 30 лет спустя 1-ое мая покажет, дадут ли последние голосования аутсайдерам внутреннюю дорожку во власть, которая сосредоточена в зданиях администрации Англии и Шотландии.)

Зеленые Англии – непримиримые противники войны и глобализации, генетически модифицированных продуктов и строительства аэропортов. Кроме этого, экологи ведут активную правозащитную деятельность.

Сайт Зеленых Англии (<http://www.greenparty.org.uk>) содержит рекордное число тем, что способствует экологическому просвещению нации. Вероятно, национальное сознание уже настолько основательно подготовлено к следованию принципам экологической устойчивости, что периодически в прессе появляются высказывания о робости экологического движения, недостаточной активности партии на политической арене.

Contemporary environmentalists are an extremely cautious lot; stealthily creeping up on the body politic; more concerned with infiltration, influence and incremental gains than a fullfrontal challenge [Coward]. (Современные экологисты – чрезвычайно осторожная группа; украдкой вползающая в государственную корпорацию; сосредоточенная более на инфильтрации, влиянии и возрастающей прибыли, чем на откровенном возражении.)

One of the biggest surprises of the first years of this new century has been the public timidity of environmentalists. Instead of bold beliefs and visions environmentalists have been timorous beasties [Coward]. (Одним из величайших сюрпризов первых лет этого века стала робкое поведение экологов. Вместо того чтобы отстаивать смелые убеждения и взгляды, экологисты ведут себя, как боязливые зверьки.)

... the environmental movement can never win, can never be anything but a tolerated gadfly, as long as it functions within capitalist society [Sale]. (... экологическое движение никогда не сможет победить, не сможет быть ничем другим, кроме как оводом, которого вынуждены терпеть, пока оно действует в капиталистическом обществе.)

Метафора сферы источника «насекомые» оказывается доминирующей в представлении Зеленых как ЧУЖИХ в политическом дискурсе. Концептуальный вектор метафорической модели ЗЕЛЕННЫЕ – ТРУСЛИВЫЕ НАСЕКОМЫЕ направлен на формирование образа неуверенных в себе, пугливых, чрезвычайно аккуратных, если не бездеятельных и ленивых экологов. Ср.: ... *contemporary environmentalism is in many ways fearful, scared of argu-*

ing that protecting the environment should be an unequivocal priority; fearful too of being ridiculed for those beliefs [Coward]. (...современное экологическое движение многим напугано, боится спорить о том, что экология определенно должна быть приоритетом; также боится быть осмеянным за эти убеждения.)

Environmentalists these days are petrified of being branded naïve or doomsayers, or, worst of all, green idealists [Coward]. (Экологи в наше время каменеют от страха получить клеймо наивных или предсказателей Страшного Суда, или, самое худшее, «зеленых» идеалистов.)

Our warnings about global warming were labeled scaremongering, whilst switching investment to public transport was 'antimotorist' [Jacks]. (На наши предупреждения относительно глобального потепления навесили ярлык «паникерство», а предложение об инвестировании общественного транспорта восприняли так, будто оно задумано «против автомобилистов».)

Прагматический смысл подобных высказываний заключается в попытке привлечь гражданскую инициативу, в призыве Зеленых к действию, активной борьбе за свои принципы и за улучшение экологической и правовой обстановки в Великобритании и во всем мире.

Выводы по второй главе

Сопоставительный когнитивно-дискурсивный анализ основных метафорических моделей, репрезентирующих категорию ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе, позволяет сделать следующие выводы:

1. Среди объединений, отмеченных ярлыком ЧУЖИЕ, выявляется некоторая разнородность. Недовольство и несогласие Зеленых с действиями политических деятелей и промышленных магнатов совпадает в экологическом дискурсе всех трех стран, но в отличие от своих англоязычных коллег экологи России практически не интересуются проблемами глобализации, а сосредоточены на действиях отечественных политиков и олигархов.

2. Специфическая черта Зеленых США – это включение СМИ в категорию «врагов»: американские экологи считают, что журналисты ведущих печатных и электронных СМИ необоснованно замалчивают проблемы экологии и излишне иронизируют над участниками движения. Столь решительное отчуждение СМИ нехарактерно для экологов Англии и России.

3. Отличительной характеристикой политического дискурса Зеленых Англии является метафорическая дискредитация США: английские Зеленые считают, что именно американцы виновны во многих бедах как внутри Соединенного Королевства, так и за его пределами.

4. При обращении к инвентарю моделей, используемых экологами США, России и Англии, обнаруживаются общие и специфические признаки. В частности, универсальными средствами воздействия на национальное сознание во всех трех случаях служат спортивная и военная метафора.

5. Предпочтения англичан и русских сходятся на театральной метафоре. Прагматический потенциал соответствующих метафорических моделей определяется концептуальным вектором неискренности, наигранности, лицемерия, поэтому театральные образы являются эффективным средством политической дискриминации. Обращение к метафоре театра способно передать определенные черты национальной культуры. Так, для американского

политического дискурса более свойственна кинематографическая модель метафорической экспансии, а для российской политической речи более характерна метафора цирка.

6. Американцы и англичане солидарны в регулярном обращении к экономической или коммерческой метафоре, что можно объяснить тем, что в широком контексте англоязычных культур прагматизм и рациональность являются фундаментальными свойствами мировоззрения, что не характерно для русского национального сознания.

7. Причины лидерства метафорических моделей с сильным агрессивным и тревожным потенциалом (особенно часто встречаются военная и морбиальная метафоры) в экологическом дискурсе России понятны: такие метафоры служат сигналом неблагополучия, необходимости кардинальных изменений в обществе. Однако трудно рационально объяснить, почему, казалось бы, универсальные зооморфные и физиологические образы, столь характерные для американского и английского экологического дискурса, значительно реже встречаются в агитационном дискурсе российских Зеленых.

8. Материалы исследования позволяют сделать интересные выводы относительно дискурсивной картины восприятия экологического движения в США и России как ЧУЖОГО, враждебного интересам населения. Так, особенностью экологического дискурса США является карикатурное представление Зеленых в виде капризных детей, невоспитанной молодежи, хулиганов, хиппи. При этом Ральф Найдер выступает в роли главного «спойлера» - того, кто вредит политической системе США.

В России об экологическом движении говорят крайне мало, что свидетельствует об отсутствии внимания к Зеленым в нашей стране, о незначительности их вклада в формирование мировоззрения российского общества. В отличие от США и Англии, где в Партию Зеленых вступают люди, принадлежащие к самым различным социальным стратам, вне зависимости от образования и уровня доходов, в России вопросами экологии занимается преимущественно интеллигенция.

Глава 3. Метафорическое представление СВОИХ в экологическом дискурсе США, России и Англии

В настоящей главе мы продолжаем когнитивно-дискурсивное исследование концептуальных метафор, представляющих оппозицию СВОИ – ЧУЖИЕ в рамках дискурса экологических партий США, России и Англии. В отличие от Главы 2 в центре внимания данной главы находится категория СВОИ (МЫ).

Как известно, манипуляция общественным мнением становится возможной при условии правильного суггестивного воздействия на адресата (внушения). Характеризующая функция суггестивности в политическом дискурсе экологического движения разных стран позволяет использовать различные стратегии «идеальной авторепрезентации» [Даулетова 2004: 20]. Данная стратегия представлена двумя речевыми тактиками – тактикой соответствия адресату и тактикой самовозвеличивания, - которые позволяют реализовать прагматический аспект категории МЫ.

Суть первой тактики заключается в игре адресанта на предрасположенности адресата верить знакомому, родному. Намеренно создается ситуация равенства статусов коммуникантов, иллюзия единения и похожести. Политик должен принадлежать своему кругу [Желтухина 2003: 527], разделять национальные и общечеловеческие ценности, быть искренним с избирателем.

Вторая тактика привлекательна не очевидным хвастовством, а его имплицитной, интеллектуальной формой с использованием Принципа Вежливости [Brown, Leinson 1987: 45]. С этой целью общественные деятели прибегают к приемам выдвижения положительных характеристик со слов авторитетных людей, реализации эпистемической модальности, «вуалирования» слишком позитивных характеристик и вкраплений педагогических аллегорий в политический дискурс.

С этих позиций в политическом дискурсе используются различные метафорические модели, репрезентирующие категорию СВОИ для экологистов США, России и Англии.

3.1. Метафорическое представление СВОИХ в американском экологическом дискурсе

По наблюдениям А. А. Аминовой, разные концепты по-разному связаны друг с другом, влияя и накладываясь друг на друга [Аминова 2004]. Так, обнаруживается теснейшая связь представлений о *своих* и *союзах людей*, «мире, вселенной, земле», «родине», «языке», поскольку «мир – это место, где живут люди моего племени, моего рода, место, хорошо обжитое, хорошо обустроенное, где господствуют наши законы, наши порядки, оно отделено от того места, где живут те, чужие, не наши, они могут угрожать нам» [Степанов 1997].

Текстовый материал, собранный для настоящего исследования, свидетельствует о том, что круг СВОИХ для Партии Зеленых США включает в себя три социальных блока, интегрируемых как МЫ: для американских экологистов относительно автономно существуют МЫ – ПАРТИЯ, МЫ – СТРАНА и МЫ – ПЛАНЕТА.

3.1.1. МЫ - ПАРТИЯ

Среди доминантных черт американского характера выделяют приоритет семейных ценностей, законопослушность, патриотизм и трудолюбие. В своем стремлении создать положительный образ партии Зеленые прибегают к приемам манипуляции сознанием избирателя через отождествление своих убеждений и общенациональных идей и ценностей.

The Green Party, with its commitment to social justice at home and abroad, represents the values of progressive America [Mckinney]. (Посредством своей

*приверженности идее социальной справедливости в стране и за рубежом
Партия Зеленых представляет ценности прогрессивной Америки.)*

Как точно заметили в своей монографии «Очерк американского коммуникативного поведения» И. А. Стернин и М. А. Стернина, американцу свойственно восхищение успешными людьми, победителями в этой жизни: «Протестантская религия учит, что Богу угодны трудолюбивые, много достигшие, удачливые, победители» [Стернин, Стернина 2001: 46]. Данная установка не приемлет сожаления к тем, кто не может добиться успеха, и приводит к идеализации тех, кто самореализовался, то есть, богат и счастлив. Такие люди считаются гордостью и достоянием Америки.

Этим можно обосновать негативную оценку Зелеными неудачников (людей, либо безответственных, либо ленивых) и противопоставление их СВОИМ – подлинным патриотам, достойным гражданам, защищающим американские традиции и ценности. Ср.:

The Greens are not malcontents or “hippies”, but rather a party poised to take the mantle of noble yet sadly discarded American tradition with plenty of history behind it [Startin]. («Зеленые» – не мятежники и не «хиппи», а скорее партия, готовая принять мантию благородной, но, к сожалению, отвергнутой американской традиции, имеющей такую богатую историю.)

It wasn't that issues weren't important, rather that they could not be resolved in a country in which there were only winners and losers, pariahs and power-mongers, the badly defeated and the totally unrestrained [Smith (a)]. (Дело было не в том, что проблемы не представляют важности, а в том, что их невозможно решить в стране, где есть только победители и побежденные, изгои и жаждущие власти, потерпевшие сокрушительный крах и совершенно необузданные.)

В данном контексте востребованными оказываются **милитарная** и **спортивная** метафоры. Дж. Лакофф и М. Джонсон доказали, что метафора

СПОР - это БИТВА принадлежит к числу метафор, на которые опирается американская культура в ситуации разногласия [Лакофф, Джонсон 1990]. Несмотря на то, что в политической риторике не происходит физического сражения как такового, так или иначе, происходит словесная битва, и это отражается в структуре полемики. Например:

...if we don't fight this battle for future health of the planet and the people who live on it at the ballot box, there will never be the needed transformation [Gerritt]. (...если мы не будем сражаться [в битве] за будущее здоровье планеты и людей, живущих на ней, на выборах [перед избирательной урной], необходимой трансформации никогда не будет.)

There is one goal I know we all share and why; and that is the defeat of George Bush. But the voice of the Green Party has been present in this fight from day one. It didn't go hoarse, and it's not been mute [McKinney]. (Я знаю одну цель, которая нас объединяет, и знаю почему; я имею ввиду поражение Джорджа Буша. Но голос Партии Зеленых участвовал в этом сражении с первого дня. Он не охрип и не онемел.)

...we are still here, still struggling for justice [Gerritt]. (...мы все еще здесь, все еще боремся за справедливость.)

But at supervisors meeting, members of the historical society found themselves caught in the middle of a political battle between the three Republican supervisors and newly elected Mike Zowniriv of the Green Party, who beat incumbent Patricia Keller [Wartenberg]. (Но на собрании руководителей члены исторического общества оказались в центре политической битвы между тройкой руководителей от Республиканцев и недавно избранным Партией Зеленых Майка Зовнирива, который одержал победу над занимавшей эту должность Патрисией Келлер.)

Заимствование образов, эпитетов и терминологии военной и спортивной тематики является неотъемлемым атрибутом компетентного политического

дискурса, смысл которого – борьба за власть – сам по себе уже глубоко метафоричен и милитаризирован. Отсутствие в дискурсе метафор войны и спорта воспринимается как апатия политического субъекта, его физическая слабость и моральное разложение. Невозможно представить функционирование центральной политической оппозиции СВОИ - ЧУЖИЕ без обращения к метафорам войны и спорта. Ср.:

California: Green Party activist ... says he'll try to wrest away congressional seat [Fletcher]. (Калифорния: Активист от Партии Зеленых ... говорит, что попытается отвоевать место в Конгрессе.)

The Green Party achieved a goal of small victories in the November election [Joyce]. (Партия Зеленых достигла цели, одержжав небольшие победы в ноябрьских выборах.)

Green Party candidate Tim Soggs siphoned votes from Democrat Bob Attalla in the Millcreek Township supervisor's race [Guerriero]. (Тим Соггс, кандидат от Партии Зеленых, «перекачал» голоса избирателей от демократа Боба Атталла в гонке за место члена городского правления.)

Greens continued to rack up victories at the local level and added officeholders in some states for the first time [Myerson]. («Зеленые» снова пополнили свою коллекцию побед на уровне местного правления и впервые дополнили ее государственными должностями в некоторых штатах.)

Отметим, что военные и спортивные метафоры, используемые для интеграции СВОИХ в политическом дискурсе Зеленых США, обнаруживают устойчивое обращение к концептам *борьбы, сражения, победы, гонки*, прагматический смысл которых - закрепление представления о смелости, колоссальной энергии, силе и активности партии в сознании избирателей.

Коннотативное значение метафор спорта и войны перекликается с содержанием метафорической модели ЗЕЛЕНЫЕ - НАДЕЖНАЯ ЗАЩИТА, на основе которой создается образ партии, побеждающей во всех сражениях и

спасающей все живое. Учитывая, что представление о всемогущем герое, наделенном сверхъестественной силой, занимает важное место в мировосприятии нации и тиражируется в массовой культуре США, использование тактик героизации позволяет манипулятору занять принципиально важные позиции и представить себя в самом выгодном свете. Например:

We can have a much bigger impact if we find the ways to form an umbrella united force, a broad front against war and repression, that can magnify and multiply our efforts in powerful ways [Glick]. (Мы можем оказывать более сильное влияние, если найдем пути формирования силы, объединенной по принципу зонта, широкого фронта против войны и репрессий, который может значительно [мощно] увеличить и преумножить наши усилия.)

The Greens are what stands between corporate power and its desire to plunder the planet for the benefit of the few [Gerritt]. (Зеленые - вот что стоит между корпоративной властью и желанием разграбить планету во благо немногих.)

The GP... views the future as something to protect and improve rather than to exploit viciously or treat as a toy in an ultimately terminal game of ecological Russian roulette [Smith (b)]. (Партия Зеленых видит будущее, которому необходимы защита и улучшение, а не порочная эксплуатация или обращение, как с игрушкой в неизбежно роковой игре экологической «Русской рулетки».)

В третьем примере противопоставление формируется по национальному признаку. Мишень метафорической экспансии *русские* воспринимаются как *разрушители, эксплуататоры*, играющие в *жесткие игры*. Дискредитацию русских посредством метафоры *игры* можно объяснить целью партии максимально консолидироваться со “своим” американским избирателем (программный уровень). Отметим, однако, что в целом антироссийские высказывания не характерны для американских экологов, а привлечение дополнительных маркеров чуждости через номинацию бескомпромиссной игры

позволяет создать благоприятный фон для контрастивного ввода доминантных по своим прагматическим характеристикам концептов «защита» и «совершенствование».

Концепт *защиты* в консолидирующем политическом дискурсе Зеленых США также часто находит свое выражение в метафорической модели ЗЕЛЕННЫЕ - ВАША СЕМЬЯ, которая подразумевает искреннюю поддержку и заботу о народе со стороны партии. Ср.:

Alone among the candidates, Nader had the courage, becoming less the didactic instructor and more the dependable relative helping to put the family together again [Smith (a)]. (Единственный из кандидатов, Найдер решился на роль не столько нравоучительного наставника, сколько надежного родственника, помогающего в деле воссоединения семьи.)

"I have frequently told censorious Democratic friends that if they want my support they need to treat me at least as well as a soccer mom or a corporate lobbyist" (Nader R.) [Smith S.(b)]. (Я много раз говорил придирчивым друзьям-Демократам, что если они хотят моей поддержки, им следует относиться ко мне как к помогающему активному профессионалу [занятой на работе мамочке, которая находит время, чтобы возить своих детей на тренировки по футболу], или, как к корпоративному лоббисту.)

Метафорическое соотношение этапов развития социальной жизни в стране с принципами организации и ведения бизнеса формирует другой компонент картины мира жителей США – концепт *сделка* ("a deal"). "Sounds like a deal!" (Договорились! [Букв. - Звучит как сделка!]) – восклицает подросток, достигнув соглашения с отцом. "Good deal!" (Выгодная сделка!) – знаменитый лозунг сети продуктовых супермаркетов Winn-Dixie. Любой материальный аспект жизни в Соединенных Штатах категоризируется через призму "a good deal", что объясняет и появление финансовых терминов, метафорически используемых в политическом контексте. Опуская проекцию

на коммерческую сферу деятельности человека, Партия Зеленых США имплицитно рисует в сознании избирателя свой образ как «дорогого и качественного товара», достойного предпочтения на рынке конкурирующей продукции. Ср.:

Greens tend to take their beliefs seriously and not as bargaining chips to be traded for short-term gain [Smith (b)]. (Зеленые склонны относиться к своим убеждениям серьезно, а не как к козырям для торга, которые можно обменять на краткосрочную прибыль.)

We can't sell ourselves short [Smith (b)]. (Мы не можем подрывать свой авторитет [играть на понижение (коммерч.)].)

Метафоры роста, движения вперед или вверх, здоровья и ценности способствуют позитивному восприятию избирателями экологического движения Америки. Аналогичный эффект производит и метафора дома/строительства, символизирующая изобретение, созидание и укрепление. Ср.:

So what is our future? ...predicting that the Greens would grow dramatically when we concluded and put into practice that our basic building block is state parties, and providing the framework on which to hang it with my original proposal for an Association of State Green Parties, let me at least spark some thinking with my thoughts [Gerritt]. (Какое же у нас будущее? ...предсказывая значительный рост «зеленых», когда мы приходим к выводу, что государственные партии - наш основной строительный блок, и, предоставляя каркас для него в виде моего первоначального предложения об Ассоциации Государственных Партий Зеленых, позвольте мне своими идеями, по крайней мере, навести вас на [разжечь] некоторые размышления.)

A Medea campaign will be the right next step for the Green Party, building from the past and moving into the future [Rensenbrink]. (Кампания Мидии [имя

– прим. Н. К.] будет правильным следующим шагом Партии Зеленых, строющих на базе прошлого и движущихся в будущее.)

Труд – это деятельностная концептуализация мира. Создавая вещи, человек стремится усовершенствовать мир, приблизить его к своим потребностям и желаниям. Соответственно, метафора *строительства* участвует в создании и реализации планов, осуществляя их упорядочивание и проекцию в сознании деятеля, ускоряя их реализацию. Рассмотрим некоторые примеры:

Greens will have to fight the "debating society" mentality in 2002 and probably for several election cycles to come, but it's something that can be done. Our job is not to reinvent the wheel; instead we should build a new wheel so that it turns the way it was intended all along [Startin]. (Зеленые будут сражаться с моделью мышления «дискуссионного клуба» в 2002 году и, вероятно, на протяжении нескольких предстоящих циклов выборов, но это решаемо. Наша задача - не заново изобрести колесо; вместо этого мы должны построить новое колесо так, чтобы оно вращалось в том направлении, которое планировалось изначально.)

This is ... the first Green campaign with the resources to actually deepen the infrastructure of the party in a way that both wins elections and builds real support for the green agenda [Gerritt]. (Это первая кампания Зеленых, которая способна реально углубить инфраструктуру партии таким образом, чтобы и победить на выборах и выстроить новую опору для программы Партии Зеленых.)

Традиционно строительство символизирует создание политических структур, развитие общества и страны в целом. Глубинный смысл фрейма «строительство» как воплощения домашней метафоры – надежда на лучшее будущее, благородный порыв, целеустремленность и уверенность в своих силах. Для американского национального сознания именно эти уста-

новки являются наиболее важными, а значит вышеназванные позитивно окрашенные метафоры *роста, развития, здоровья, движения, силы и строительства* незаменимы при реализации задач сплочения круга единомышленников и последователей.

Прагматический потенциал употребления рассмотренных метафор в условиях борьбы за власть – завоевание уважения и доверия избирателя, подсознательное внушение последнему, что СВОИ – серьезные, надежные, сильные, честные и практичные политические деятели партии – стоят на защите его национальных и личных интересов.

3.1.2. МЫ – СТРАНА

Отождествление МЫ – АМЕРИКА является распространенным в политическом дискурсе Зеленых США. Патриотичные американцы часто представляют свою страну в виде *homo sapiens*. Америка – это личность со своими мыслями, ощущениями, эмоциями.

Представление США с помощью метафорической модели АМЕРИКА – ЭТО ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ является наиболее распространенным манипулятивным приемом интеграции партии со своими избирателями. Персонафикация служит идеальным средством выражения глубокой привязанности американцев к своей земле и гордости за свою страну.

She unites all tendencies and interests in the Green Party and among all citizens whose love of life, of our land, and our planet is still burning strong in the face of intolerable stress, intimidation, impoverishment, and calculated lies of the Bush administration [Rensenbrink]. (Она интегрирует все тенденции и интересы Партии Зеленых и всех граждан, чья любовь к жизни, к нашей стране, и нашей планете еще кипит в ответ на невыносимый гнет, устрашение, обеднение людей и преднамеренную ложь администрации Буша.)

As the campaign went on America slowly began rediscovering itself, feeling better about itself and being less angry with others. It was no longer obsessed with hidden dangers but began thinking about long concealed possibilities. It could even think of the future and smile [Smith (a)]. (По мере продолжения кампании Америка медленно начала открывать себя заново, лучше ощущать себя и меньше злиться на других. Она более не была одержима скрытыми опасностями, а стала думать о возможностях, долгое время хранившихся в тайне. Она даже смогла думать о будущем и улыбаться.)

Нельзя обойти вниманием концептообразующее понятие улыбки как символа благополучия, возрождения и счастья нации. Улыбка как знак проявления вежливости, внимания к собеседнику и радости за его успех, улыбка как способ поделиться положительными эмоциями и поднять настроение окружающим – неотъемлемая часть американской культуры, что объясняет ее присутствие в метафорическом образе Америки.

Однако для реалистичного отображения окружающей действительности позитивно окрашенные концептуальные метафоры необходимо чередовать с негативными образами, которые держат в постоянном тонусе, вызывают волнение и беспокойство за родную страну, общий порыв исправить ситуацию, оказать помощь и всем народом выйти на верный путь.

The sophisticated corruption of one candidate and the frat boy corruption of the other were deeply eroding voter interest in either... it felt most like those moments when you turn the car around in a driveway, finally admitting you have taken the wrong road. More and more Americans had that feeling [Smith (a)]. (Изоцренная коррупция со стороны одного кандидата и дилетантская [студенческая] коррупция со стороны другого глубоко разъедали интерес избирателя к обоим...ощущение было подобно тому, когда разворачиваешь машину на дороге, соглашаясь наконец, что неправильно выбрал путь. Все больше и больше американцев чувствуют это.)

...our country has been hijacked by radical neo-conservatives and war-profiteering corporations [Fletcher]. (...на нашу страну напали и ограбили радикальные нео-консерваторы и корпорации, обогащающиеся за счет войны.)

Пять лет спустя после публикации статьи «Мечта пленительного счастья» слова В. Новодворской не потеряли своей актуальности: «Америка видит себя настырным прогрессором. Такая она и есть... Свободная. Полная гражданского достоинства. Несущая свободу всем в мире, даже вопреки их воле» [Новодворская 2000]. Не будет преувеличением сказать, что США действительно часто упоминается в средствах массовой информации всего мира как агрессор. В связи с этим можно сделать предположение, что метафора *to hijack* (*захватывать*), часто встречающаяся в американском политическом дискурсе именно в форме страдательного залога, указывает на определенную дистанцию, отделяющую мнение простых людей от решений представителей власти, и на то, как обеспокоены и недовольны бывают первые ситуацией, сложившейся в результате внешней политики США.

When campaign finance reform is hijacked by the big money interests, I know democracy is in danger [Gerritt]. (Когда денежный интерес «захватывает» финансовую реформу кампании, я знаю, что демократия в опасности.)

Метафора *нападения/похищения*, истоки которой видятся в военной и криминальной метафорах, выбрана как средство формирования в сознании избирателя ощущения спонтанности, неправомерности и агрессии, от которых страдает население США. Такой прагматический смысл вкладывают американские экологи в свои слова для делигитимации политических противников в глазах электората и привлечения последнего в группу СВОИХ или объединения на почве общего несогласия с определенными аспектами государственной политики.

Актуализация метафорических моделей СТРАНА – это ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, НАСЕЛЕНИЕ США – это ЖЕРТВЫ позволяет рассмотреть за обилием информации СМИ различных стран образ современных американ-

цев как глубоко патриотичных людей, которые не поддерживают насилие и хотели бы оградить свою страну от любых его проявлений.

3.1.3. МЫ – ПЛАНЕТА

В публикациях американских Зеленых встречаются высказывания, в которых поднимаются проблемы глобального характера, даются оценки создавшегося на сегодняшний день положения на всей планете. Для описания состояния планеты, в целом, и страны, в частности, привлекаются метафорические маркеры времени *dark hour*, *poor time*, концептуальный вектор которых направлен на создание напряженной атмосферы и чувства вины и страха перед ситуацией, в которую себя поставило все человечество:

Medea has not said yes. Yet if we with a great voice all together ask her to run for the nomination in this dark hour of our country and the planet, how can she refuse [Resenbrink]. (Мидиа пока не согласилась. Все же, если мы все вместе в полный голос попросим ее выставить свою кандидатуру [на президентских выборах] в это тяжелое для нашей страны и всей планеты время [в этот темный час], как она сможет отказаться.)

It seems a poor time for the Greens to drop out of the race [Digger]. (Кажется, это плохое время для выхода Зеленых из гонки [за президентскую власть])

Лексемы *кризис* и *хаос* только усугубляют мрачную картину, нагнетая апокалипсические предчувствия реципиента. В совокупности приведенные примеры служат прекрасной иллюстрацией биполярной категории СВОИ – ЧУЖИЕ.

Морбиальная метафора *сумасшедшие* дает исчерпывающую характеристику ЧУЖИМ с точки зрения Зеленых, то есть администрации государства, а спортивная метафора, несмотря на свое стереотипное употребление в данном контексте, выражает уверенность, которую испытывают за вероятного

кандидата в Президенты от Партии Зеленых США, а также большую жизненную силу, выносливость и достойную подготовку СВОЕГО кандидата.

Существует мнение, что поскольку США создавались и развивались на протяжении двухсотлетней истории, руководствуясь идеей прогресса как приоритетным аксиологическим ориентиром, сформировался менталитет американской нации с мессианской направленностью – уверенность в своем особом предназначении в мире [Веселова 1999].

В связи с этим нужно отметить и особенное отношение американцев к глобальным проблемам. О. А. Леонтович уточняет, что многонациональный состав России и США обуславливает высокую степень готовности жителей обеих стран к внутригосударственному межкультурному общению. Однако, как подчеркивает исследователь, вследствие географического положения России на перекрестке культур русские столь же охотно участвуют и в межкультурных контактах, в отличие от американцев, которым свойственна самодостаточность [Леонтович 2003: 93]. Вероятно, поэтому в приведенных примерах планета выступает частью логически восходящей цепи, в которой Америка является главным звеном, «сердцем», центральной точкой системы. Такой подход к первоочередным проблемам мирового сообщества является характерным для картины мира американцев.

Для метафорического сближения экологистов США с населением и интересами всего мира также активно используются метафоры *движения, борьбы и здоровья*.

We all know it is not easy being Green. The Enron's, Walmarts, bombers, and pundits would find it much easier to rule the world if those of us struggling for justice and a safe healthy planet would just go away [Gerritt]. (Нам всем известно, что быть Зеленым непросто. Компаниям Энрон, Уолмарт, террористам и грабителям было бы гораздо проще управлять миром, если бы те из нас, кто сражается за справедливость и за безопасность и здоровье планеты, просто ушли.)

The planet is unable to keep pace and absorb the emissions [Fowler]. (Планета не может двигаться с той же скоростью и поглощать выхлопные газы.)

The study examined the "ecological footprint" of the planet's entire population [Fowler]. (В статье был рассмотрен «экологический след» всего населения планеты.)

Репрезентация американскими «зелеными» ситуации на планете проводится с помощью слов *footprint, keep pace, run, race, chaos, fight, battle*, которые представляют такие модели метафорической экспансии как СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА – это ДВИЖЕНИЕ / СОРЕВНОВАНИЕ, ВЗАИМООТНОШЕНИЯ В МИРЕ – это ВОЙНА. Дискурс борьбы прагматически агрессивен и динамичен [Проскуряков 1999], что предопределяет значимость военной и спортивной метафоры в сфере политического манипулирования. Представление мира как арены для спортивного состязания или территории военных действий полностью отвечает целям непримиримой борьбы, консолидации СВОИХ, дискредитации конкурентов и столкновения мнений в политическом дискурсе.

Прагматическое значение рассматриваемых метафор обнаруживает сильное напряжение, агрессию, насилие, концентрацию усилий, игру по установленным правилам и без них – жесткие условия борьбы, к которой готова Партия Зеленых США в «самый тяжелый час» хаоса.

Значительный интерес представляет и обозначение сил противника в дискурсе американских Зеленых. ЧУЖИЕ для участников экологического движения – это, прежде всего, политики из враждебных партий, промышленники, готовые ради наживы пойти на любые преступления, и корыстные СМИ.

3.2. Метафорическое представление СВОИХ в российском экологическом дискурсе

Консолидация МЫ в политическом дискурсе осуществляется посредством тактик соответствия адресату и тактики самовозвеличивания, другими словами создания положительного автоимиджа.

В нашей стране, как отмечает О. С. Иссерс, право на риторическую стратегию на протяжении 70 лет было узурпировано одной партией, поэтому подобного рода исследования если и проводились, то "для служебного пользования". Тексты, озвучиваемые с политической трибуны, по определению не должны были обнаруживать образ автора (это был голос партии, и ответом ему был глас народа) [Иссерс 1996: 71]. Политический имидж как таковой стал предметом всеобщего внимания, когда перед аудиторией возникли самостоятельные политические деятели с яркой индивидуальностью и стилем общения: М. Горбачев, А. Собчак, В. Жириновский, Б. Ельцин и др. Существует мнение, что экспансия TV показала политическую жизнь как театральную, где политические выступления – это небольшие спектакли, рассчитанные на определенное воздействие на публику [Иссерс 1996: 71].

Учитывая не совсем традиционный для политических партий состав партии Зеленых России и не отягощенный громкой популярностью облик, есть основания полагать, что не все метафорические модели, типичные для политического дискурса в целом задействованы в дискурсе экологического движения. Задача данного параграфа – проследить, с помощью каких метафорических моделей российские Зеленые привлекают избирателя на СВОЮ сторону.

Презентация МЫ-групп в экологическом дискурсе России обнаруживает три лагеря СВОИХ: МЫ – ПАРТИЯ, МЫ – РОССИЯ и МЫ – НАСЕЛЕНИЕ ПЛАНЕТЫ.

3.2.1. МЫ - ПАРТИЯ

В отличие от своих зарубежных коллег Зеленым России не свойственно использование приемов эффективной саморекламы и героизации СВОЕЙ партии. Вероятно, причиной данной скромности является национальная гордость, веками воспитанная в русском сознании через концепт стойкого смирения, скромности и выдержки при любых обстоятельствах. Возможно, по этой причине гораздо чаще метафоры саморепрезентации экологов несут в себе негативный прагматический заряд.

Любопытно, что даже в ракурсе саморепрезентации в российском политическом дискурсе Зеленые акцентируют метафоры *кризиса, преграды, государственного рассогласования, противоправной деятельности, сопротивления* и обостренного чувства собственного достоинства. Ср.:

В экологическом ведомстве – *беда*. Оно одновременно выступает *лакомым куском и костью в горле для компрадоров* [Президент Путин против кандидата экономических наук Путина].

Только благодаря тому, что российские правительственные структуры *не столь продвинуты в области экологии, чтобы разумно поддерживать «карманные» экологические организации*, им еще не удалось приручить лидеров таких организаций (*типичный случай – через подкармливание*) [Борозин 2001].

Экологи, *в большинстве своем люди активные и умеющие за себя постоять* [Президент Путин против кандидата экономических наук Путина], иногда предпочитают *смолчать... из чисто гигиенических соображений* [Борозин 2001]. Однако могут и открыто заявлять о том, что они не будут *распевать указы Президента на мотив российского гимна. Он уже должен был убедиться в том, что холуи надежны, что опереться можно только на то, что способно сопротивляться* [Борозин 2001].

Использование моделей метафорического переноса ЗЕЛЕННЫЕ - ХОЛУИ, ЗЕЛЕННЫЕ - КОСТЬ В ГОРЛЕ, а также представление активистов сво-

его движения как *ушлых, приручаемых и брезгливых* создают впечатление об общей агрессивности партии, в рядах которой не наблюдается слаженной, тактически рациональной и практически результативной деятельности. Ср.:

Съезд «Зеленых» – это *грань раскола* между Министерством природных ресурсов и остальной частью экологического сообщества страны и «*черная метка*» МПР в канун реформ. В другой интерпретации данный съезд – это *необыкновенный концерт и немного цирка*. Отмечают, что на фоне *белых воротничков*, в атмосфере *величественного покоя царственного президиума, вельможного председательствующего* и самого *всемогущего «природоохранного» босса*, *экологический экстаз почтенной части публики* не нарушало даже отсутствие самих экологов. *Мудрые песткари* российской «природоохраны», истинные Зеленые остаются «*избиваемыми младенцами*» [Зеленый мир], «*белыми воронами*» в *черной стае*, вынужденными *оборонять* власть и бизнес от главной для них *опасности – экологии* [Кричевский С.].

Получается, что внутри СВОИХ в экологическом дискурсе России складывается оппозиционная группа ЧУЖИХ – чиновников в сфере экологии и природных ресурсов, для ироничной номинации которых часто привлекаются **монархическая** и **театральная** метафоры (в том числе лексемы цирка и кино), свойственные национальному сознанию русских. Они подчеркивают неестественный, наигранный характер происходящего, когда любое слово, любой жест предписаны «сценарием», навязываемым сверху. На этом фоне достойными финальными аккордами в презентации экологического движения как «театра абсурда» выступают **зооморфные** метафоры сфер-источников «птицы», «рыбы», «защищающие власть имущих от экологии».

Следует отметить позитивные сдвиги в области экологической политики государства, которые стали заметны в 2004 году. Разрозненное Зеленое движение России объединила радость по факту ратификации Россией Киотского протокола, – внутри российского экологического движения назрела потребность создания новой Партии Зеленых Российской Федерации, «пар-

тии разумного хозяйствования, защитницы жизни и народных культур» [<http://www.eco-pravda.km.ru/raz/prlpz.htm>].

... пусть со скрежетом зубным, с недовольной миной, но Кремль должен согласиться с тем, что экологическому движению нужно политическое представительство. Кремль должен понять, что такое представительство вечно оппозиционных зеленых необходимо как выпуск пара из кипящего котла (иначе может быть взрыв) [Яблоков А.].

3.2.2. МЫ – СТРАНА

Специфической метафорической моделью, характерной для российских Зеленых является представление родной страны как всемирной **свалки**, помойки, «грязного человека», затесавшегося в приличное общество. Показательно сравнение следующих примеров:

Ресурсный путь для нашей экономики – путь в пропасть. При сохранении этой ориентации мы останемся страной скважин и катастроф [Данилов-Данильян 2001].

В ближайшее время начнется новая история страны – история России как мировой ядерной помойки [Иванов 2001].

Метафорическая модель РОССИЯ – ЭТО СВАЛКА превращается в доминантную в сознании отечественных экологов. Подобная метафорическая экспансия отражает представления о катастрофическом состоянии страны и призвана пробудить гражданскую активность. Сильная негативная коннотация метафор направлена на формирование в сознании нации убеждения, что хуже быть не может и пора задуматься о путях развития страны и преодоления равнодушия к ее судьбе.

Яркие детериоративные метафорические образы доминируют при описании российскими Зелеными родной страны: В стране бурлит-чадит «большая» политика, отчаянно крутится между бандитами, губернатора-

ми и налоговиками «средний» российский бизнес, интеллигенция либо готовится к отъезду, либо ищет, к кому прислониться, прочие заняты добыванием хлеба насущного. ... Эпидемия идиотизма охватила все общество, моральная и интеллектуальная деградация общества и его верхов почти «за-критична» [Борозин 2001].

Вложение средств в воспроизводство запасов столь ничтожно, в пору говорить о нашем минерально-сырьевом изживенчестве и даже паразитизме [Президент Путин против кандидата экономических наук Путина].

Морбиальная, криминальная метафоры и метафора **свалки** широко распространены в политическом дискурсе экологического движения России и позволяют активу партии максимально «сгустить краски» при создании образа родной страны. Подобные высказывания нехарактерны для британской или американской политической коммуникации.

Русскому народу приписывают укрепившееся державное сознание, которое можно назвать «условным патриотизмом» - персональной гордостью за успехи страны на мировой арене и резкое осуждение ее за любой шаг в неверном направлении. Поэтому существует опасность, что мощный эмоциональный заряд таких высказываний может пробудить знакомые национальному сознанию чувства обреченности и безысходности, что приведет к отчуждению и противостоянию «зеленой» политике. Более эффективными для склада национального характера русских представляются способы латентного воздействия на сознание соотечественников, предоставляющие определенную альтернативу.

С этой точки зрения показательны метафоры, в основе которых лежит образ **дороги**, пути, по которому следует двигаться:

Страна стоит перед выбором – идти прямой дорогой в будущее или оставаться в радиоактивном тупике, в который мы постоянно превращаем нашу страну [Иванов 2001].

По словам Евгении Золотаревой, если бы не публикации в прессе, судьба Ягринского моста "зависала" бы еще неизвестно сколько. В общем, стало

ясно, что о любых проблемах не надо МОЛЧАТЬ! Надо говорить - и они сдвинутся с мертвой точки [Михайлов А.].

Аналогичные выводы можно было бы сделать и в отношении других стран. Если не забывать, что комбинация разных источников энергии (волны, ветер, Солнце) может дать желаемый эффект, и что - дорогу осилит идущий [Аккумулятор Новостей, 14.10.04].

Также, в качестве манипулятивного приема, нацеленного на сплочение СВОИХ и побуждение к совместным успехам, в российской политической коммуникации используются метафоры **спорта** и **здоровья**. Ср.:

...предложено создать всемирный базовый фонд питьевой воды – здесь Россия уже является лидером, а не сырьевым придатком. В этом наше глобальное донорство. ...Эту программу нужно реализовывать, ибо через 3-4 года Россия может остаться аутсайдером цивилизованного мира [Планета дышит легкими России].

Россия ратифицировала Киотский протокол, тем самым, вдохнув в него жизнь [Ситнина В.].

Россия может реально сделать рывок, расставить баланс экономических сил. Но для этого надо работать [Планета дышит легкими России].

Подобные метафоры позволяют подчеркнуть хорошие шансы России на светлое будущее, которое реально достижимо, но на определенных условиях. Прием манипуляции, основанный на кардинальном ограничении выбора и свободы русского человека, имеет за собой многовековую историю торжества идеологии над здравым смыслом. Данный манипулятивный прием сохраняет свою актуальность по отношению к национальному характеру русских и в наши дни, что укрепляет позиции политической метафоры как средства мобилизации воли русского человека и побуждения его к деятельности, направленной на защиту экологии и благополучие страны.

3.2.3. МЫ – ПЛАНЕТА

Консолидация МЫ с населением всей планеты акцентирует гуманистические принципы, лежащие в основе всемирного политического движения борцов за сохранение окружающей среды. Экологи предпочитают интернационализм, они ощущают ответственность за всю вселенную и нередко говорят от имени человечества в целом.

Однако Зеленые России редко прибегают к метафорическому расширению круга СВОИХ до масштабов всего мира. Душевная боль отечественных экологов сконцентрирована внутри страны, в изъянах ее демократии, в безжалостном отношении к природе, в бюрократии, укоренившейся в государственных структурах, несправедливости в отношении человека и т. п.

Все же прекрасным примером обращения к глобальному охвату заботы экологов России может служить «Экологический манифест» ученого Н. Реймерса: *Тысячелетиями мы боролась с нею, покоряли ее, нещадно уничтожали. Мы пели гимны тем, кто лишил нас естества Матери-Натуры, родившей человечество, Матери, что до сих пор терпеливо кормит неразумного сына, дает жизнь новым поколениям людей...* [Реймерс 2002].

Примеры обнаруживают развитие метафор *войны, родства и артефактов* в дискурсе российского экологического движения. В политической коммуникации русских, как наглядно показал А. П. Чудинов, метафора **родства** передавалась из поколения в поколение со времен российской империи. Популярны в те дни образы царя – *батюшки*, России – *матери*, славян – *братьев* уступили место ведущим концептуальным метафорам времен Л. И. Брежнева – *семья братских народов, отеческая забота* партии и пр.; в советскую эпоху воссоздавались отношения в идеальной семье, в перестроечную – в семье, скрепленной узами привычки, расчета или безысходности [Чудинов 2001: 78]. Сегодня экологи России говорят о природе, как о любящей и всепрощающей матери, и о неразумном человечестве - ее сыне.

Другим ярким признаком отечественных политических текстов по наблюдениям ряда исследователей (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, А. Б. Ряпова, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов) является **военная** метафора, причем отмечается, что активизация подобных образов происходит в наиболее сложные для России периоды. Образы войны постоянно используются и в публикациях российских Зеленых. Ср.:

В конце пути мы преклонили колено перед истуканом техники, не заметив, что уже не прежняя, а измененная нами природа довлеет над нами. Брошенный нами бумеранг возвращается. Мы сами занесли меч над собственной головой... Умереть под горой технических побрякушек – удел лишь жадных глупцов [Реймерс 2002].

И еще проблема борьбы с мусором должна сплачивать человечество, а не разобщать его. Если мир окончательно превратится в глобальную свалку, если нам нечем будет дышать, богатые станут не менее незащищенными, чем бедные [Новопрудский С.].

Метафоры родства и войны как средства концептуализации закрепились в русском национальном сознании, а потому обладают сильным прагматическим потенциалом и активно используются для создания метафорических моделей, реализующих задачи интеграции с избирателем в группу СВОИХ.

Вектор метафорического отчуждения в политическом дискурсе российской партии Зеленых направлен на две группы, тесно связанные между собой: ОНИ – ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ и ОНИ – ОЛИГАРХИ.

3. 3. Метафорическое представление СВОИХ в английском экологическом дискурсе

Как отмечает О. С. Иссерс, в странах с демократической ориентацией анализ политической риторики имеет многолетнюю традицию и процесс построения имиджа (image building) является предметом специальных научных исследований [Иссерс 1996: 72]. Их результаты впоследствии ложатся в основу рекомендаций, апробируемых в период предвыборных кампаний, пар-

ламентских дебатов и т. д. [Wilson 1990: 128]. В политическом дискурсе партии Зеленых Англии прослеживается целенаправленное и профессиональное использование PR-технологий с целью добиться максимального воздействия на сознание избирателя.

Интересно отметить, что из трех рассматриваемых стран именно в английском политическом дискурсе экологического движения актуализирована лексическая единица *spin doctor*, отмеченная в словарях ярлыком «американизм, полит.» ("спин - доктор", политтехнолог, эксперт по связям с общественностью (специалист по контактам с прессой, препарирующий информацию в духе, выгодном предоставляемой им политической структуре, и обеспечивающий ее подачу в средствах массовой информации под нужным углом зрения). Показательно и то, как подробно объясняется данная реалия западного политического дискурса русскому читателю.

Высокий уровень владения PR-технологиями приводит к повышенной метафоричности политического дискурса английских Зеленых. Героификация, легитимация и другие приемы позитивной саморепрезентации широко распространены в дискурсе данного движения. К СВОИМ английское защитники природы и прав человека относят свою ПАРТИЮ, свою СТРАНУ и население всей ПЛАНЕТЫ.

3. 3. 1. МЫ - ПАРТИЯ

Представители английской партии Зеленых в своих выступлениях, статьях и призывах склоняются к использованию ярких образов, символизирующих *прогрессивность*, умение отстаивать свою *позицию* и брать *инициативу* в свои руки. Не удивительно, что для создания имиджа динамичной, сильной и перспективной политической силы английские экологи часто обращаются к универсальным для политического интердискурса средствам: **милитарной** и спортивной метафоре. Например:

We are continuing our fight for an outright ban on live animal exports and strict controls on all animal transport [Euro-MP to address London Christmas

Without Cruelty fair]. (Мы продолжаем сражаться за полный запрет экспорта живых животных и строгий контроль любых перевозок животных.)

Greens are a significant political force in Brussels... [Euro-MP to address London Christmas Without Cruelty fair]. (Зеленые - важная политическая сила в Брюсселе.)

This week's Green Party conference will throw down a heavy gauntlet to the big parties over climate change challenge [Conference to issue climate]. (Конференция Партии Зеленых на этой неделе бросит уверенный вызов букв. - [тяжелую перчатку] крупным партиям по проблеме изменения климата.)

Рыцарская метафора, отнесем ее к разновидностям военной метафоры, в английском политическом дискурсе распространена и позволяет обратиться к реалиям истории нации, сближая тем самым отправителя сообщения с его английской аудиторией, и иллюстрировать делигитимирующие оппонента концепты *решительности, вызова, чести и достоинства*.

Спортивная метафора особенно характерна для английского политического дискурса. Очевидно и лингвокультурологическое обоснование данной закономерности. Что может быть эффективнее обращения к спортивной тематике для населения страны, где воспитание детей осуществляется в рамках «спортивной этики» и правил «честной игры»? Страны, ставшей прародительницей большинства видов спорта? Страны, узнаваемой всем миром по своим футбольным болельщикам? Ср.:

The Green Party can show local authorities the way forward on a whole host of issues because we tend to be ahead of the game [Greens kick off election campaign]. (Партия Зеленых может показать местным органам власти путь вперед к решению целого ряда проблем, поскольку нам свойственно быть впереди игры.)

The challenge facing her successor Stavros Dimas is to champion the environment and the goals of sustainable development at the European Commission

[Environment Commissioner praises Green MEP]. (Задача, которая стоит перед ее последователем Ставросом Димасом- бороться [стать чемпионом] за экологию и цели устойчивого развития в Европейской Комиссии.)

In the recent ... elections the Green Party came second in Lewisham Deptford, well ahead of the Conservatives and Liberal Democrats. Only the Greens can beat Labour in Lewisham Deptford... [Johnson to challenge Labour for Lewisham seat]. (В недавних... выборах Партия Зеленых пришла второй в Левисхэм Дэтфорде, намного опередив членов консервативной партии и либерал-демократов. Только «зеленые» могут победить [побить] Лейбористов в Левисхэм Дэтфорде..)

Лексемы *путь вперед, впереди игры, прийти вторым, чемпион и победить*, привлекаемые в качестве источников метафорической экспрессии, обладают сильным прагматическим потенциалом. Мелиоративная коннотация, создаваемая с помощью игры колоритных метафор, внушает чувство спокойствия, уверенности и триумфа. Сильный дух притягателен. Следовать за победителями легко и приятно. А в руках профессионалов по связям с общественностью спортивная метафора становится незаменимой для привлечения избирателей на сторону СВОИХ.

Другим популярным интернациональным средством амальгамирования в экологическом дискурсе является метафора **строительства**, часто применяемая Зелеными Англии. Рассмотрим следующие примеры:

The Green Party is the 1st political party to challenge the existing political and economic theology of globalisation and instead call for its replacement with an emphasis on local production and the rebuilding of local economies [Woodin, Lukas]. (Партия Зеленых – первая политическая партия, которая бросает вызов существующей политической и экономической теологии глобализации и, вместо этого, призывает к их замене, делая акцент на местном производстве и перестройке местной экономики.)

The last two years have seen the party build strong council groups...- taking the Green vote in local elections from 5% in 2002 to 10% in 2004 [Greens save Mike's seat]. (За последние два года партия построила сильные федеральные группы... - что повысило число голосов за Зеленых в местных выборах с 5% в 2002 году до 10% в 2004 году.)

We now need to roll up our sleeves and work to build on the Kyoto protocol to ensure that the industrial revolution of the 20th century will be followed by a clean energy revolution of equal magnitude for the 21st century [Osborn]. (Теперь нам нужно закатать рукава перед работой и строить на базе Киотского протокола, чтобы гарантировать, что за индустриальной революцией 20-го века последует той же величины революция чистой энергии в 21-м веке.)

Отсутствие разнообразия содержания метафорической модели ЗЕЛЕНЫЕ - СТРОИТЕЛИ светлого будущего, свидетельствует о том, что метафора строительства уже утвердилась в национальном сознании и стала настолько конвенциональна, что сейчас концепты *фундаментальности*, *последовательности* и *прогресса*, составляющие прагматической смысл данной метафоры, актуализируются в сознании адресата автоматически.

Кроме универсальных метафор, ставших автоматическими установками в сознании интернационального сообщества, Зеленые Англии с целью героизации СВОИХ привлекают и аутентичные метафоры, более сложные по своей структуре. Например:

But we're aiming a bit higher. And we're bored watching naked emperors prancing by... [Leadbeater, Levett]. (Но мы целимся немного выше. И нам скучно смотреть, как голые императоры проходят мимо с надменным видом...)

Монархическая метафора, встречающаяся в нетитулованном контексте, создает комический эффект. Заметим, в рамках нашего исследования монархическая метафора не была зафиксированная только в экологическом

дискурсе одной из трех рассматриваемых стран, а именно – США, что вполне объяснимо с точки зрения лингвокультурологии. Исторический опыт, культурные стереотипы и установки менталитета выражаются в метафорах, с помощью которых человек воспринимает и концептуализирует мир. Отправитель политического сообщения преследует определенную манипулятивную цель, для достижения которой необходимо обращение к базовым концептам в сознании получателя и создание ситуации комфорта, уверенности в своих силах и возможностях. Например:

With new devolved assemblies and a proportional voting system, the party's a trajectory has so far been rocketing – the Greens challenge now is not to achieve power, but to achieve things with it [Tempest]. (Благодаря новым избранным законодательным органам и пропорциональной системе голосования, траектория движения партии взлетает, как ракета.)

Комплексная метафора *rocketing* привлекает сразу две сферы-источника метафорической экспансии, заключая в себе как метафору сверхскоростного движения вперед, так и метафору ультрасовременного механизма. Композитная структура данной метафоры позволяет манипулятору достичь двойного эффекта, поскольку за счет сильного воздействия на подсознание, не оставляет в сознании реципиента места сомнению в успехе, правильном направлении движения и корректности принципов Партии Зеленых Англии.

Следует отметить, что в английском экологическом дискурсе сложно переоценить роль иронии как тактики привлечения избирателя на СВОЮ сторону. Загадочный и непостижимый английский юмор при близком рассмотрении оказывается категоричным миром иронии, которая не без оснований считается национальной чертой англичан. Если иностранцу не чужд иронический взгляд на вещи, окружающих людей и на себя, ему будет легко найти общий язык с англичанами и войти в круг СВОИХ. Ср.:

This was the start of Shell's move from a company that people were embarrassed to admit working for at parties to one widely praised even by hard-nosed

campaigners like Friends of the Earth [McConnell]. (Это было начало движения «Шел» от компании, о работе в которой было стыдно признаться, к компании, получающей широкое признание даже со стороны твердолобых [букв. – твердоносых] активистов таких как, организация «Друзья земли».)

A steady trickle of people are leaving Labour and joining the Green Party. Tony Blair's continual movement to the right could turn that trickle into a torrent [Gato (a)]. (Неизменно струйка людей покидает Лейбористов и присоединяется к Партии Зеленых. Продолжение движения Тони Блэра вправо способно обрратить эту струйку в стремительный поток.)

Своеобразными штрихами к автопортрету Зеленых выступают эпитеты, ставшие стереотипными в высказываниях оппонентов партии, а также прецедентные имена, несущие в себе определенную долю юмора. Например:

Doubtless there will be socialists and Greens who will, in their ever-such-wet-blanket manner, borrow the words of Homer Simpson and say, "This is starting to look like some kind of scam..." [Gato (b)]. (Нет сомнений в том, что там будут социалисты и «зеленые», которые в своем вечном амплуа «мокрого одеяла», процитируют Гомера Симпсона: «Это начинает походить на какую-то аферу...».)

С очевидным удовольствием защитники природы приводят слова журналистов о своем привычном амплуа «мокрого одеяла». В качестве типичного для партии высказывания привлекаются слова любимого англичанами американского национального мультипликационного героя Гомера Симпсона. Обращение к прецедентным текстам и именам сближает с адресатом на уровне социо-культурных коннотаций и симпатий, задевая глубинные структуры подсознания, и, как следствие, является эффективной коммуникативной тактикой.

Употребление концептуальных метафор как уникального средства создания эффекта иронии более характерно для описания групп ЧУЖИХ, о чем говорилось ранее. В отношении метафорического моделирования имиджа

партии Зеленых Англии следует отметить распространенное использование метафор *спорта, войны и строительства*.

3. 3. 2. МЫ - СТРАНА

Образ собственной страны - центральная составляющая концепта *свои*. Географическая обособленность Великобритании способствовала формированию таких черт национального менталитета англичан как изоляционизм, щепетильность, неприкосновенность личного пространства, самодостаточность, чувство национального превосходства.

Еще в 1497 году венецианский посол писал из Лондона: «Англичане большие почитатели самих себя и своих обычаев. Они убеждены, что в мире нет страны, подобной Англии. Их высшая похвала для иностранца - сказать, что он похож на англичанина, и посетовать, что он не англичанин» [цит. по: Овчинников 1979]. Создается впечатление, что эти слова в полной мере можно отнести и к современным английским экологистам. Рассмотрим несколько типичных для экологического дискурса метафорических образов:

The deputy Prime Minister has claimed that Britain has "shrugged off the title of the dirty man of Europe" and been in the forefront of promoting environmental issues around the world [Prescott defends green credentials]. (Заместитель премьер-министра заявил, что Великобритания «стряхнула с плеч титул грязного человека Европы» и находится на передовой линии, повышая значение вопросов экологии во всем мире.)

Britain can play the key role in leading renewable energy technology [GP policy]. (Великобритания может играть ключевую роль в продвижении технологии использования возобновляемых источников энергии.)

Britain has been at the forefront of climate change negotiations held under the auspices of the US... [Open politics]. (Великобритания находится на передовой линии переговоров об изменении климата, которые проводятся под покровительством США...)

В политическом дискурсе английского экологического движения, обращенном к позиции Великобритании на мировой политической арене, создается образ сильной, прогрессивной страны, которой по силу играть главные роли и находиться в авангарде решения глобальных проблем современности.

В то же время английские Зеленые самокритично пытаются закрепить в общественном сознании принципы чести и морали. С помощью метафор они воздействуют на другую установку британского менталитета – соблюдение правил “честной игры”, для чего обращаются к метафоре **природы**: *холодному камню*, в который может превратиться сердце нации, или *бурному водовороту*, символизирующему масштаб разногласий внутри правительства страны в отношении важнейших проблем мирового сообщества. Ср.:

The British maelstrom of controversy over GM foods has not been mirrored here [Ghazi]. (Водоворот британской полемики вокруг генетически модифицированных продуктов не отразился здесь зеркально.)

Infidelity may rock your world and leave you stone cold, but not in the same way as NATO bomber does when it bombs the heating plant on your council estate and kills your child in the process. The latter is precisely what NATO under Clinton and Blair did in Yugoslavia. But apparently it wasn't the sort of sin that needs to be brought to our attention on the front pages of the newspapers. Sometimes it seems an inverse morality is at work in our society [Fitz-Gibbon]. (Супружеская неверность может потрясти ваш мир и оставить опустошенными [холодными, как лед], но это несравнимо с тем, когда бомбардировщик НАТО взрывает отопительную установку в вашем микрорайоне и при взрыве убивает вашего ребенка. Таковы были действия НАТО в Югославии во время правления Клинтона и Блэра. Но, очевидно, это не тот грех, на который следует обращать внимание на первых полосах газет. Иногда, кажется, перевернутая мораль работает в нашем обществе.)

Следует заметить, что экологистам Англии и США свойственно обращение к метафорам субсферы «природа» для концептуализации политиче-

ских реалий с точки зрения явлений глобальных масштабов. Природные метафоры (метафоры стихии) близки и понятны всем, а поэтому обладают сильным прагматическим потенциалом, который может быть использован, как в контексте амальгамирования группы СВОИХ, так и с целью реификации оппонента.

Не менее востребованы в английском экологическом дискурсе и метафоры субсферы «человек».

If only the British public would exercise its moral muscles as much over death and destruction as it does over extramarital liaisons, the world would be a much safer place [Fitz-Gibbon]. (Если бы только британская общественность напрягала свои моральные мускулы в отношении смерти и разрушения также сильно, как в отношении внебрачных любовных связей, мир был бы гораздо безопаснее.)

Медицинская метафора как отдельный фрейм **морбиальной** метафоры является особо актуальной в контексте консолидации с группой МЫ - НАСЕЛЕНИЕ ПЛАНЕТЫ, о чем пойдет речь ниже, но не игнорируется и в реализации категориальной модели МЫ - СТРАНА. В политическом дискурсе экологов обнаруживаются признаки нарушения душевного равновесия нации, что требует соответствующего лечения. Ср.:

A second Chartist movement is needed to remedy the democratic deficit at the heart of the British parliamentary system [Second Chartist movement]. (Чтобы излечить сердце системы британского парламента от недостатка демократии требуется второе движение чартистов.)

Под ударом политической метафоры Зеленых оказывается не только мораль нации, но и внешняя политика страны:

...and not the least of the recent crimes of the US is that it has gone too far to destroy the UN's power to perform this function [of preserving the world peace].... We have been accomplices in this latter crime and now must do our best to repair the harm we have done [Beaumont]. (..то, что США слишком далеко

зашли, чтобы разрушить способность ООН выполнять эту функцию (сохранения мира на земле), является не последним по значимости из их недавних преступлений... Мы выступили их сообщниками в этом последнем преступлении и сейчас должны сделать все возможное, чтобы возместить (отремонтировать) нанесенный нами ущерб.)

Криминальная метафора в отношении участия Великобритании в военных конфликтах США широко распространена в политическом дискурсе страны. Обладая сильным прагматическим потенциалом, она является эффективным средством воспитания внутренних убеждений человека, в данном случае с целью обращения к совести нации и состраданию.

Таким образом, к доминантным метафорам, позволяющим сплотить круг СВОИХ по национальному признаку, относятся метафоры *природы*, *болезней* и *криминальная* метафора.

3. 3. 3. МЫ – ПЛАНЕТА

Выделение населения всей планеты в группу СВОИХ является традиционным и широко практикуется в политическом дискурсе партии Зеленых Англии, что позволяет решать задачи прагматического плана в пределах мирового контекста.

Прежде всего, данная модель подразумевает интеграцию глобального сообщества, частью которого является каждый индивидуум. Объединение индивидуальных усилий ведет к накоплению мощной силы и энергии для решения глобальных проблем. Для передачи реципиенту данной прагматической установки активно используется метафора **спорта**. Ср.:

That is what the world needs, not a sterile emphasis on competitiveness which means winners and losers; sustainability is when we all win and that has to be a better option [Lambert]. (Вот, что нужно миру, а не бесплодный акцент на состязательность, что подразумевает победителей и проигравших; устойчивое развитие - это, когда мы все побеждаем, и это должно быть лучший вариант.)

...our world is being transformed at an exponential rate. It is a process driven by unfettered industrial exploitation, growing technological control, soaring population growth and now climate change, the effects of which open up an apocalyptic scenario for the human race [Meacher]. (... наш мир очень быстро меняется до неузнаваемости. В результате этого процесса, возглавляемого неограниченной индустриальной эксплуатацией, возрастающим технологическим контролем, стремительно растущим населением, а теперь и изменением климата, открывается апокалипсический сценарий для рода человеческого.)

Мнение экспертов по экологической ситуации на планете важно для людей, задумывающихся о своем будущем и о будущем своих детей. В данном случае, метафора спорта используется для создания отрицательной коннотации, концептуальный вектор ее направлен на создание представления о том, что МЫ движемся с большой скоростью, но в неверном направлении, и, если это движение не остановить МЫ по инерции столкнемся с ситуацией апокалипсиса. Чувство страха, необходимости изменить ход вещей, мотивация к активной деятельности заложены в прагматический потенциал приведенных спортивных метафор.

Очевидно, что граница между спортивной и военной метафорой не всегда может быть четко обозначена в тексте. Чередование этих метафор позволяет добиться вариантности оформления подобных концептуальных схем. Например:

...the EU must make the fight against AIDS in the developing world a central plank of its poverty reduction and development policies or share the blame for creating a generation of orphans, reduced life expectancy and the further collapse of some of the poorest local economies on the planet [Drop in new AIDS cases as EU marks World AIDS]. (... ЕС должно превратить борьбу со СПИДом в развивающемся мире в центральный пункт политики сокращения бедности

и развития, или разделить вину за создание поколения сирот, снижения предполагаемой продолжительности жизни и продолжение развала некоторых беднейших местных хозяйств на планете.)

We need a green industrial revolution for the 21st century. We cannot let the world of tomorrow pay for the price of pollution today [Halligan]. (Нам необходима «зеленая» индустриальная революция в 21-ом веке. Мы не можем позволить завтрашнему миру расплачиваться за сегодняшнее загрязнение.)

Концепты *борьбы* и *революции* являются традиционными для английского политического дискурса, привнося в него оттенки определенной агрессии и максимализма.

Кроме того, категориальная модель МЫ – ПЛАНЕТА, используемая в качестве коммуникативного приема, направленного на сплочение большой силы, с присущей ей однозначностью навязывает реципиенту представление о себе как о части большого единого целого, не позволяет забыть, что планета – это наш общий дом и требует соответствующего к себе отношения.

Культ частной жизни и возвеличение домашнего очага – две оси координат национальной психологии англичан. Именно "домоцентризм" часто дает ключ к пониманию своеобразных черт их характера. Концепты *дома* и *строительства* – центральные для национального сознания англичан, что легко проследить на примерах политической метафоры. Ср.:

There can be no hope of building a truly global culture of peace while more than a billion people live on less than a dollar a day... (Caroline Lucas) [Media Invitation]. (Нельзя надеяться на построение настоящей культуры мира, когда более триллиона людей живут менее, чем на один доллар в день.)

All efforts should be made to bring the most burning problems of our planet back into focus... We hope to build on the recently established dialogue between Green and other MEPs and anti-war members of US Congress [Lord Beaumont of Whitley]. (Необходимо приложить все усилия, чтобы вернуть самые злобо-

дневные проблемы нашей планеты в центр внимания... Мы надеемся продолжить развитие [строить на базе] недавно установленного диалога между Зелеными и другими членами Конгресса США, настроенными против войны.)

Естественно, что интегрирующая категориальная модель МЫ – ВЕСЬ МИР, ВСЕЛЕННАЯ открывает широкий спектр возможностей для презентации насущных для НАШЕЙ планеты проблем. Как отмечалось ранее, глобальные проблемы принято сравнивать с **болезнями**, от которых страдает живой организм планеты. Ср.:

Whereas human value judgments normally focus on human needs, value ultimately lies in the well-being of the whole eco-system [GP manifesto for a Sustainable Society]. (В то время как оценочные суждения человека обычно сосредоточены на его потребностях, ценность в конечном счете заключается в здоровье всей эко-системы.)

“Our impact is already too large for the planet to sustain. It’s growing larger, and the earth has lost its ability to regenerate.» (Wilson) [Sale]. (Наше воздействие на планету уже слишком велико, чтобы ему противостоять. Оно увеличивается, а земля потеряла свою способность к восстановлению.)

Концепт здоровье играет решающую роль в антропологической картине мира: любая аллегория к физическому состоянию объекта привлекает к себе максимум внимания и подсознательно заставляет прислушаться к себе и задуматься над излагаемыми фактами. Морбиальная метафора в дискурсе английских Зеленых очень продуктивна и четко структурирована. Ср.:

Most of the remedies we have come up with have been Band-aids for gaping wounds (of the planet) [Sale]. (Большинство лекарств, которые мы изобрели – это всего лишь лейкопластыри для зияющих ран планеты.)

Our sick society and stupid economics are dragging the planet to the edge of apocalypse. Earth’s survival depends on a completely new way of thinking [Sale]. (Наше больное общество и бестолковая экономика доводят планету до гра-

ни апокалипсиса. Выживание Земли зависит от совершенно нового мышления.)

Концептуальный вектор морбиальной метафоры навязывает чувство страха, желание помочь больному излечиться и восстановить силы. Подобные чувства можно вызвать с помощью метафор субсферы «природа» и распространенной в английской политической коммуникации лексемы *апокалипсис*. Ср.:

Is there a way we can prevent environmental injuries from happening? We don't realize it, any more than fish realize they are swimming in water, but we are immersed in a culture, a way of seeing and living, that has erected a protective psychological shield that enables our society to go on doing what it does even though it knows apocalypse is pending [Sale]. (Существует ли способ предотвратить экологические травмы? Мы это осознаем не лучше, чем рыба осознает, что она плавает в воде, но мы погружены в культуру, способ восприятия и существования, который устанавливает защитный психологический экран, позволяющий обществу заниматься тем, чем оно занимается, не взирая на то, что оно знает о нависающей угрозе апокалипсиса.)

Metaphorically, the global climate is similar to a cliff edge, next to which a drunk is staggering. One step in the wrong direction and over he goes... Given that we cannot stop the occurrence of random steps toward the precipice, what we need to do is arrange for our drunkard to be a safe distance from the cliff edge [Steel]. (Выражаясь метафорически, глобальный климат можно сравнить с обрывом отвесной скалы, рядом с которым, шатаясь, идет пьяный человек. Один шаг не в ту сторону и он сорвется... Учитывая, что мы не можем предотвратить случайные шаги в сторону обрыва, что нам необходимо сделать для нашего пьяницы, так это обеспечить для него безопасную дистанцию от пропасти.)

The world is certainly ripe for change [Fitz-Gibbon]. (Мир созрел для перемен.)

Из приведенных примеров следует, что, не забывая о ключевом мотивационном факторе в процессе манипуляции мышлением адресата, а именно о фиксации метафорических образов на идее победы и спасения, Зеленые Англии не лишают читателя возможности посмотреть на удручающую экологическую ситуацию в мире критическим взглядом эколога, но делают это крайне аккуратно. Концептуальный вектор создаваемого представления о конце света и морбиальная метафора навязывает чувство страха, заботу, желание помочь больному излечиться и восстановить силы.

В рассмотренных примерах акцентируется использование спортивной, морбиальной метафоры и распространенность метафор субсферы «природа» в дискурсе английской партии Зеленых. Для концептуализации экологической картины мира в политическом дискурсе английская концептуальная метафора ориентирована на ценности рыночной экономики. Например, Британское Содружество (Commonwealth – букв. «общее богатство») имеет отличный от Содружества Независимых Государств или Соединенных Штатов Америки (United States) денотативный дескриптор. Эти наблюдения согласуются с программным тезисом теории концептуальной метафоры о том, что метафора «имеет национальные корни» [Чудинов 2001: 10], соотносится с ценностями данной культуры [Лакофф 1990: 404] и является действенным прагматическим инструментом концептуализации и категоризации действительности.

Выводы по третьей главе

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Во всех трех рассматриваемых вариантах экологического дискурса (Англии, США и Россия) представления о СВОИХ оказываются максимально близки. Все названные экологические движения сходятся в представлениях о том, что они выступают от имени трех МЫ: соответственно СВОИ для экологистов – это, во-первых, сами партии/движения Зеленых, во-вторых, – это родная страна, интересы граждан которой представляют экологисты, а в-третьих – это весь мир, все честные граждане планеты, от имени которых выступают экологисты. При всей общности указанных представлений у экологистов различных стран обнаруживаются и некоторые отличия. В частности, менее других ассоциирует себя со всем населением планеты российское экологическое движение, которое постоянно подчеркивает особое неблагополучие России по сравнению с экономически и экологически более благополучными западными странами.

2. Проведенное когнитивно-дискурсивное исследование метафорического моделирования в экологическом дискурсе США, России и Англии показало, что к универсальным и частотным метафорическим моделям для трех указанных стран относятся метафоры организма и дороги. Морбиальная, милитарная и спортивная метафоры также активно используются для создания особой картины мира в представлении адресата экологического движения. Менее распространены, но достаточно регулярны в экологическом дискурсе США, России и Англии метафоры стихии и животного мира.

Театральная метафора наиболее актуализирована в российской и американской политической речи, посвященной проблемам экологии сегодня, а метафора болезни занимает лидирующие позиции в экологическом дискурсе России и Англии. Концепты *дом* и *строительство* чаще используются в англоязычном дискурсе, а концептуальная метафора механизма более свойственная именно англичанам.

3. Специфическими чертами российского экологического дискурса являются: «раскол» группы СВОИХ на два противостоящих лагеря – рядовые экологи и чиновники от экологии, сосредоточенность на политических реалиях внутри страны, табуированность сексуальной метафоры и широкая распространенность метафоры свалки.

4. Характерной чертой английского экологического дискурса является постоянное обращение к историческим реалиям страны, ее традициям, частое использование прецедентных феноменов, а также абсолютная не востребованность метафор родства. Англоязычные культуры сходятся на метафорическом представлении мира сквозь призму педагогических и экономических понятий, что в целом нехарактерно для дискурса Зеленых России.

5. Особенностью американского экологического дискурса является выделение СМИ в отдельную группу оппонентов; отсутствие монархической метафоры, распространенность метафоры кино (в составе театральной) и вытеснение морбиальной метафоры с позиций лидера по частоте использования на пятую позицию в процентном соотношении.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерес к политической метафоре продиктован временем. Когнитивно-дискурсивные исследования позволяют проследить процессы социального развития, выявить универсальные и индивидуальные черты национального мировоззрения в рамках политического интердискурса и овладеть приемами речевого воздействия для последующей их реализации и правильного декодирования.

Одним из распространенных манипулятивных приемов является разделение людей на СВОИХ и ЧУЖИХ. В современной политической лингвистике оппозиция СВОИ – ЧУЖИЕ считается центральной социально значимой категорией и универсальным принципом концептуализации реальности (П. Бурдьё, Р. Водак, О. С. Иссерс, М. Л. Макаров, Н. А. Санцевич, Ю. С. Степанов, А. А. Филинский, Т. В. Цивьян, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, К. Шмит и др.). Сопоставительный анализ метафорического словоупотребления в экологическом дискурсе США, России и Англии позволяет отчетливо выделить группы СВОИХ и ЧУЖИХ для партий Зеленых этих стран. К числу универсальных категориальных моделей представления СВОИХ относятся МЫ – ПАРТИЯ, МЫ – СТРАНА и МЫ – ВСЕЛЕННАЯ. В качестве ЧУЖИХ регулярно представляются ОНИ – ПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ и ОНИ – КОРПОРАТИВНЫЕ КАПИТАЛИСТЫ (США, Англия) или ОЛИГАРХИ (РФ).

Характерной чертой экологического дискурса Англии является выделение США в категорию ЧУЖИЕ, что подтверждает мнение о постоянном присутствии «оценивающего взгляда» в отношениях между американцами и англичанами. Проведенное исследование подтверждает, что единство языка не является показателем идентичности менталитетов родственных народов. Например, несмотря на характерные и для английской и для американской культуры черты индивидуализма, конкуренции, законопослушности, равенства, патриотизма и свободолюбия, смысл в эти понятия вкладывается со-

вершенно разный. Также своеобразным водоразделом между этими нациями является отношение к природе, а, значит, и к человеку. Открытость и эмоциональность американца разбиваются о камень рационального соблюдения личного пространства англичанина. Отсюда и критическое непонимание между двумя англо-говорящими странами.

Особенностью экологического дискурса США является представление СМИ как ЧУЖИХ, тех, кто наносит вред экологическому движению. Многие акции «террористов и бунтарей» от движения Зеленых, получают негативную оценку в печатных и электронных СМИ, что наносит существенный вред репутации экологической партии США. Особый статус СМИ как «четвертой власти» в демократическом государстве еще больше усиливается в США из-за большого значения «ситуации скандала» в американской политической культуре. В то же время надо отметить, что американские журналисты значительно активнее своих российских и английских коллег говорят о неоднозначности действий экологистов, о том, что «экологический экстремизм» способен нанести вред экономике и обороноспособности страны.

Дихотомия культуры и антиномизм национального менталитета русских находят свое отражение в современном отечественном экологическом дискурсе. Для Зеленых России характерно своеобразное раздвоение движения на МЫ – подлинные ЭКОЛОГИСТЫ и ОНИ – ЧИНОВНИКИ от экологии. Затянувшийся конфликт между экологическими инициативными группами и Зелеными, приближенными к власти, формирует в массовом сознании представление о Зеленых, как о разъедаемом противоречиями движении, которому нельзя доверять.

Проведенное когнитивно-дискурсивное исследование метафорического моделирования в экологическом дискурсе США, России и Англии показало, что к универсальным и частотным метафорическим моделям для трех указанных стран относятся метафоры *организма, дороги, болезни, войны и спорта*. Менее распространены, но достаточно регулярны в экологическом дискурсе США, России и Англии метафоры *стихии и животного мира*. Те-

атральная метафора наиболее актуализирована в российской и американской политической речи, посвященной экологии, а метафора *болезни* лидирует в экологическом дискурсе России и Англии. *Доместическая* метафора характерна для англоязычного дискурса в целом, причем американцы предпочитают метафору фрейма «строительство», а англичане чаще обращаются к фрейму «дом», что подтверждает представления о домоцентризме англичан и агентивности американцев как основных чертах национальных менталитетов соответственно. Концептуальная метафора *механизма* более характерна для англичан. Видимо недаром о фантазии и изобретательности этой нации ходят легенды.

Количественное соотношение (ось У) между проанализированными метафорическими моделями представлено на следующем графике:

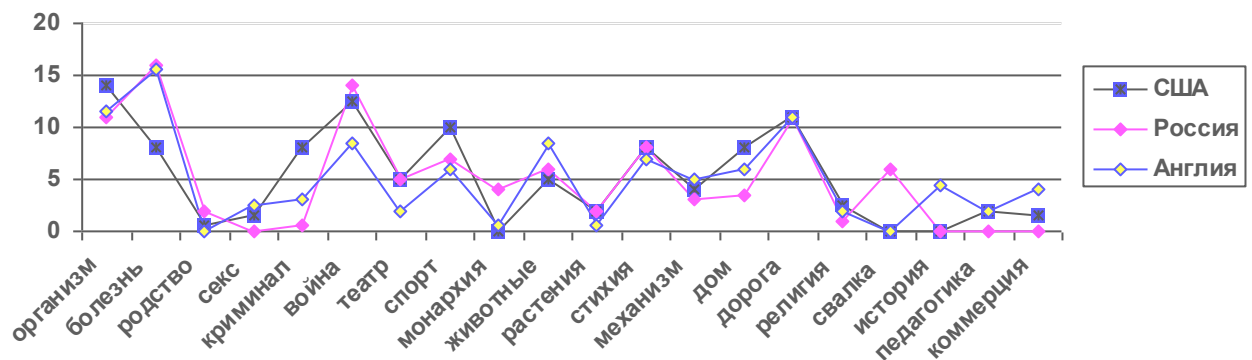


График 1. Концептуальные метафоры в дискурсе экологических движений США, России и Англии.

Исследование позволило обнаружить существенные различия между российской и англоязычной экологической метафорой. Особенностью российского экологического дискурса является сосредоточенность на внутренней политике, а также табуированность сексуальной метафоры и широкая распространенность метафорического представления родной страны как свалки. Для названных англоязычных культур в равной степени характерно метафорическое представление мира сквозь призму педагогических и экономических понятий, что несвойственно российской экологической лингвокультуре.

Специфика метафорического моделирования в экологической коммуникации обусловлена не только языковой средой, но и особенностями национального менталитета и политической культуры рассматриваемых стран: метафоры английских Зеленых существенно отличаются от метафор американских борцов за сохранение природы. Специфическими чертами английского экологического дискурса является постоянное обращение к историческим фактам, национальным традициям, частое использование прецедентных имен и ситуаций, а также индифферентность к метафоре родства, что демонстрирует стереотипы мышления этого народа.

Особенностью американского экологического дискурса является распространенность метафоры кино (в составе театральной): культ киноиндустрии в США оказывает непосредственное влияние на содержание концептосферы представителей американской культуры. Кроме того, в экологическом дискурсе США отмечается меньшая частотность морбиальной метафоры, что указывает на общую тенденцию позитивного восприятия окружающего мира и неутомимый оптимизм этой нации. Монархическая метафора совершенно отсутствует в экологическом дискурсе США, что имеет свое историческое объяснение.

Таким образом, поскольку политическая сфера является важной составляющей национальной культуры, то сопоставление систем метафорического моделирования в экологическом секторе политического дискурса открывает богатые возможности для изучения языковой картины мира и национальных менталитетов динамично развивающихся сообществ.

Последовательное сопоставление метафорической концептуализации политической действительности позволяет выявить доминантные модели метафорической категоризации, ключевые для определенной культуры слова и концепты, найти мировоззренческие точки соприкосновения разных народов и их специфические характеристики, что способствует повышению эффективности межкультурного общения и развитию толерантности в обществе.

В настоящей диссертации рассмотрены далеко не все вопросы, представляющие интерес для специалистов в области политической лингвистики. В связи с этим считаем необходимым определить перспективы дальнейшего исследования когнитивной метафоры в политическом дискурсе США, России и Англии, к числу которых мы относим следующие:

- сопоставление закономерностей метафорического моделирования и выявление особенностей концептуализации реальности в дискурсе ведущих политических партий указанных стран, в которых могут быть обнаружены приоритетные концептуальные метафоры, отражающие специфику национальных менталитетов и политической культуры, в целом, и политических приоритетов и побуждений, в частности;

- детальное изучение, описание, классификация и сопоставление ведущих метафорических моделей, функционирующих в политическом дискурсе США, России и Англии для репрезентации различных политических взглядов;

- сопоставление закономерностей метафорического моделирования реальности в политическом дискурсе на различных этапах развития общества, что позволит рассмотреть отдельные политические события и действующих в них лиц в контексте определенных исторических эпох и проследить динамику развития концептуальной метафоры;

- значительную перспективу имеют работы, ориентированные на сопоставительное изучение политического дискурса разных стран, поскольку такие исследования способны выявить лингвокультурные особенности национальных картин мира, сравнить специфику восприятия и метафорической репрезентации политических реалий носителями разных языков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абульханова К. А. Российская проблема свободы, одиночества и смирения // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. - № 5. – С. 5 – 14.
2. Алексеева Л. М. Метафоры, которые мы выбираем (опыт описания индивидуальной концептосферы) // С любовью к языку. Сборник научных трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. – Москва-Воронеж, 2002.
3. Алексеева Л. М. Метафоры революции как средство категоризации в политической лингвистике // Современная политическая лингвистика: Мат-лы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2003. - С. 9 – 11.
4. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. – 1992. – № 4.
5. Алтунян А. Г. От Булгарина до Жириновского: Идеино-стилистический анализ политических текстов. – М.: РГГУ, 1999. – 159 с.
6. Алферова Ю. В. Метафорическое моделирование конкуренции в российском и британо-американском экономическом дискурсе // Лингвистика XXI века: мат-лы фед. науч. конф. – Екатеринбург, 2004. – С. 16 – 18.
7. Аминова А. А. Чужой мир в русском тексте (взгляд билингва) // Мат-лы II междунар. конгресса исследователей русского языка / Когнитивные аспекты изучения русского языка [<file:///~rlc2004/files/sec/96.doc>].
8. Арутюнова Н. Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. – Сер. Лит и яз. – 1978. – № 4.
9. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. - 2-е изд., испр. - М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XV, 896 с.
10. Арутюнова Н.Я. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: Наука, 1988.
11. Багичева Н. В. Россия – мать или мачеха? (Метафорическое моделирование образа Родины) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического сообщества. – Екатеринбург: УрГПУ 2000. – Т. 5.

12. Базылев В.Н. Нехаризматическая популярность: Леонид Кучма // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – Т. 13. – С. 5 – 11.
13. Базылев В.Н. Автопортреты политиков: от психопоэтики к психополитике // Политический дискурс в России – 3: Материалы рабочего совещания. – М., 1999.
14. Баженова Е. А., Лапчева С. А. Оппозиция *свой - чужой* в политическом дискурсе // Современная политическая лингвистика: Мат-лы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2003. – С. 16 – 19.
15. Бакумова Е. В. Взаимопонимание в политическом дискурсе и метафора // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: Коллективная монография / под ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 130 – 136.
16. Бакумова Е. В. Ролевая структура политического дискурса // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2002.
17. Бакумова Е. В. Социальные роли российских политиков // Вопросы филологии и лингводидактики. – Волгоград, 2002.
18. Балашова Л. В. Когнитивный тип метафоры в диахронии (на материале перцептивной лексики русского языка) // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 4. – С. 81-84.
19. Балашова Л. В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI–XX веков. – Саратов, 1998.
20. Балашова Л. В. Метафорическое поле игры в истории русского языка // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении. – Волгоград, 2003.
21. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Постулаты когнитивной семантики // Известия АН СССР. – Серия «Литература и язык». – 1997. – Т. 56. – №1.
22. Баранов А. Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новаторство. – М., 1991.

23. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991.
24. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход). – М., 1989.
25. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 5. – М.: Русское слово, 1996. – 731 с.
26. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
27. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М., 1995.
28. Белозерова Н. Н. Три типа метафоризации // Актуальные проблемы лингвистики. – Екатеринбург, 2002. – № 15.
29. Бессарабова Н. Д. Из метафорического фонда (предисловие к словарю) // Журналистика и культура русской речи. – М.: МГУ, 1997. – Вып. 4. – С. 12.
30. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987. – С. 13 – 20.
31. Британские подростки курят марихуану с 15 лет // <http://mednovosti.ru/news/2004/11/29/cannabis/30.11.2004>
32. Будаев Э. В. О системности и среде в ракурсе теории когнитивной метафоры // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического сообщества. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – Т. 14. – 216 с.
33. Булыгина Е. Ю. Лексическое воплощение концепта "деньги" в современной публицистике // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. – Новосибирск, 1999.
34. Бурдьё П. Начала. – М., 1994. – 250 с.
35. Васильева Е. В. Концептуальная оппозиция ИНДИВИД – ГРУППА в языковой картине мира // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 24 с.
36. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / Отв. Ред. М. В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика». – Серия «Концептуальные исследования». – Вып. 4. – 206 с.
37. Вежбицка А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры. – М., 1990.

38. Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4.
39. Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001а.
40. Вежбицкая А. Сравнение культур через посредство лексики и прагматики. – М., 2001б.
41. Вершинина Т. С. Метафора в политическом дискурсе: традиции и новаторство // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург: УрГПУ, 2001. – Т. 6.
42. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе // Дисс... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.
43. Веселова В. В. Менталитет американского общества и гуманистическая парадигма образования и воспитания // Педагогика. – 1999. – № 8.
44. Виноградов С. И. Нормативный и культурно-прагматический аспекты культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. – М., 1996.
45. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. – Волгоград: Перемена, 1997. – 139 с.
46. Волкова И. Слово Путина: что показал психолингвистический анализ устных выступлений и. о. президента России // Эксперт. – 2000. – № 6. – С. 53–57.
47. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурологический концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 236 с.
48. В России создается партия зеленых // ПРАВДА.Ру – 06.03.2004 http://www.pravda.ru/politics/2004/1/5/398/16234_.html
49. Гайкова О. В. Предвыборный дискурс как жанр политической коммуникации (на материале англ.яз.) // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 19 с.

50. Галеева Н. Л. Речевые и переводческие характеристики текстов американских официальных заявлений // Современная политическая лингвистика: Мат-лы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2003. – С. 38-39.
51. Герасимов Г. Америкайф // Новое время. – 2000. – № 50.
52. Губин Д. Вперед свистящие // Огонек. – 2003. – 23 января. – С. 21.
53. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТГДК «Гнозис», 2003. – 288 с.
54. Гузикова В. В. Лингвокультурологическая специфика фразеологических единиц английского языка (На материале прозы С. Моэма, ее переводов на русский язык) // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004.
55. Дамье В. ЗЕЛЕНое ДВИЖЕНИЕ (ЗЕЛЕНые) // <http://www.new-anarchy.narod.ru/ecology.html>
56. Даулетова В. А. «Я идеальное» в русской и английской автобиографической прозе политических деятелей // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – Т. 14. – 216 С.
57. Дашковский П. К. К вопросу о соотношении категорий "менталитет" и "ментальность": историко-философский аспект // <http://irbis.asu/mmc/melnik/6.ru.shtml>
58. Дейк Т. А. ван. Принципы критического анализа дискурса / Пер. с англ. // Перевод и лингвистика текста. – М.: ВЦП, 1994. – С. 169 – 217.
59. Дейнан Э. Метафоры: справочник по английскому языку. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ», 2003. – 251 с.
60. Декленко Е. В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2004.
61. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. XXIII.
62. Додолев Е., Леско М. Дети сифилиса, об основах американского благочестия // Огонек. – 2003. - 23 января. - С.17.

63. Дука А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т.1. – № 1 (www.hq.soc.pu.ru/publications/jssa/1998/1/a9.html).
64. Дымарский М. Я. Текст - дискурс - художественный текст // Текст как объект многоаспектного исследования. – СПб.- Ставрополь, 1998.
65. Ерасов Б. С. Социальная культурология. – М.: “Аспект-Пресс”, 1997.
66. Ермакова О. П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 2000.
67. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
68. Значков Б. Гражданские представители флоры и фауны // <http://www.p213.boom.ru/money-str-greenpeace.htm>
69. Иванова Ю. М. Стратегия речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 16 с.
70. Ирхин Ю. В. Политические культуры обществ Запада – России – Востока: кросскультурный анализ // Авторские программы учебных курсов по политологии. / Под общ. ред. проф. Ирхина Ю. В. – М.: МАКС Пресс, 2001. – С. 110 – 146.
71. Иссерс О. С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации // Вестник Омского университета. – 1997. – Вып. 2. – С. 51 – 54.
72. Иссерс О. С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу? // Вестник Омского университета. – 1996. – Вып. 1. – С. 71 – 74.
73. Какорина Е. В. Новизна и стандарт в языке современной газеты // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. – М., 1996.
74. Какорина Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 1996.
75. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987. – 261 с.
76. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. - М., 1989.

77. Карасик В. И. Лингвистика текста и анализ дискурса. – Архангельск-Волгоград: Перемена, 1994. – 36с.
78. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под ред. И. А. Стернина. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001. – С. 75 – 79.
79. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000.
80. Кармин А. С., Новикова Е. С. Культурология. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.
81. Каслова А.А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) // Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.
82. Каслова А. А. Российские президентские выборы в зеркале американской прессы // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур: Коллективная монография / Под ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой. – Воронеж, 2004. – Ч. 1. – С. 136–146.
83. Керимов Р. Д. Аспекты когнитивного исследования образных метафор в современной немецкой политической речи // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2003. – Т. 11. – С. 61–68.
84. Клушина Н. И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // <http://www.expertizy.narod.ru/magazine/002.htm>: Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)
85. Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода // http://www.dialog-21.ru/archive.asp?y=2002&vol=6077&parent_menu_id=711
86. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М., 2000.
87. Кобозева И. М. Прагматический подход к идентификации метафоры в политическом дискурсе СМИ // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001.
88. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры // Вестник Московского университета. – Серия 9. – Филология. – 2000 – № 6.

89. Козлова Т. О. Интегративные маркеры – вербальная форма разрешения конфликта «свой - чужой» в пределах этносоциальной общности // Языки и транснациональные проблемы: Материалы I междунар. науч. конф. – Москва – Тамбов, 2004. – Т. 1.
90. Колотнина Е. В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе // Дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001.
91. Конецкая В. П. Социология коммуникации. – М., 1997.
92. Коновалова Н. И. Этносоциоллингвистика. Хрестоматия. – Екатеринбург, 2004.
93. Кордонский С. Фундаментальный лексикон: язык и политический спектр в России // Век XX и мир. – М., 1994. – № 1/2. – С. 72–91.
94. Костенко Н. В. Ценности и символы в массовой коммуникации. – Киев: Наук. думка, 1993. – 129 с.
95. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс – медиа. – СПб., 1999. – 320 с.
96. Кочкин М. Ю. Национально-культурная специфика реакции на политический скандал в Российской и Американской культурах // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. – Воронеж, 2002.
97. Кочкин М. Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 17 с.
98. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.
99. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
100. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
101. Крючкова Т. Б. Общественно-политическая лексика и терминология: основные свойства и тенденции развития // Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1991.

102. Кубрякова Е. С. Новые единицы номинации в перекраивании картины мира как транснациональные проблемы // Языки и транснациональные проблемы: Мат-лы I междунар. науч. конф. / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. / Москва–Тамбов, 2004а. – Т. 1. – С. 9.
103. Кубрякова Е. С. О разных подходах к изучению СМИ // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. – М., 2001.
104. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – М., 2004б. – № 1. – С. 6–18.
105. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике // Известия АН. – Сер. литературы и языка. – 1999. – Т. 58. – № 5-6.
106. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. Академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004с. – 560 с.
107. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции языка. – Екатеринбург; Омск, 1999.
108. Кузьмина Н. А. Концепты художественного мышления: к постановке проблемы // Проблемы деривации: Семантика. Поэтика. – Пермь, 1991.
109. Кравченко И. И. Политическая метафора: вечность и современность // Вопр. философии. – 1999. – №1.
110. Культура и этнос. Учебное пособие для самостоятельной работы студентов / Сост. Л. В. Щеглова, Н. Б. Шипулина, Н. Р. Суродина. – Волгоград: Перемена, 2002.
111. Культурология: теория и история культуры. – М.: Знание, 1998.
112. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М., 1987.
113. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – М., 1990.

114. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. – Вильнюс, 1995. – 232с.
115. Лассан Э. Парадигмы текстов и дискурсные формации как объекты дискурсного анализа // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества - Екатеринбург, 2004. – Т.12. – С. 60-89.
116. Леонтович О. А. Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию. – Волгоград, 2003. – 398 с.
117. Лосский Н. О. Характер русского народа. – М., 1991.
118. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
119. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 206 с.
120. Маслова В. А. Лингвокультурология.- М.: Изд. центр "Академия", 2001.
121. Михальская А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике. – М.: Изд. центр «Академия», 1996. – 192 с.
122. Муране С. Н. Лексика военной сферы в постсоветском политическом дискурсе // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. – СПб., 2001.
123. Муране С. Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. - Екатеринбург, 2002. – Т. 8. – С. 134–143.
124. Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности / АН СССР. Ин-т языкозн.– М., 1988. – С. 154–165.
125. Новодворская В. Мечта пленительного счастья // Новое время. – 2000. – № 50.
126. Овчинников В. Корни дуба // Новое время. – 1979. – № 4–6.
127. Очерк американского коммуникативного поведения / Под ред. Стернина И. А., Стерниной М. А. – Воронеж, 2001. – 206 с.

128. Очерк пятый. Внешний мир. «Чужие - свои» // http://www.examen.ru/db/Examine/catdoc_id/C9DD95975D85FDACC3256B49003BB6D8/rootid/9327995FB7A6D40FC3256A02002CE0D5/defacto.html
129. Открытое письмо членам Российской экологической партии "Зеленые" и движения "Кедр" // <http://nuclearno.ru/text.asp?7718> , 13.02.2004.
130. Ощепкова В. В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М./Спб.: ГЛОССА/КАРО, 2004. - 336 с.
131. Панин В. В. Политическая корректность как культурно-поведенческая и языковая категория // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2004.
132. Паршин П. Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики // www/elections.ru/biblio/parshin/htm – Архив. – 1999. – 23 марта.
133. Пашкалова Н. Движение экологов - путь в бездну // Известия. – 2003. – 27 февраля.
134. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопр. языкознания. – 1990. – № 3.
135. Петров В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопр. языкознания. – 1988. – № 2.
136. Пименова М. В., Кондратьева О.Н. Введение в концептуальные исследования: Учебное пособие / Серия «Концептуальные исследования». – Кемерово, 2005. – Вып. 5. – 150 с.
137. Всероссийская дискуссия "Зеленое движение и гражданское общество" // <http://www.ecopolicy.ru/forums/green/?f=1&p=181&act=mes> .
138. Покровская Е. В. Роль метафоры в политическом тексте // Функциональные исследования. – М., 1997. – Вып. 4. – С. 145–148.
139. Попова Е. А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса (на материале газетных интервью) // Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1995. – 21 с.

140. Попова М., Стернин И. «Мы» и «Они» // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада: Т. 1. – Воронеж, 2000.
141. Прайс К. Англия и англичане с американской точки зрения, 1912.
142. [Пресс-релиз Партии Зеленых Российской Федерации // http://www.eco-pravda.km.ru/raz/prlpz.htm](http://www.eco-pravda.km.ru/raz/prlpz.htm) .
143. Проскуряков М. Р. Дискурс борьбы (очерк языка выборов) // Вестник Московского Университета. – Сер. 9. – Филология. – 1999. – № 1.
144. Пьецух В. Дневник читателя // Октябрь. – 1999. – № 11. - С. 105–131.
145. Ривз Р. Британцы и американцы. Любовь или ненависть? // *Observer* <http://old.vesti.ru/prensa/2000/01/27/americans/>.
146. Россия и Британия в поисках достойного правления. Учебное пособие / Под ред. И. Кирьянова, Н.Оуэна, Дж. Сникера. – Пермь: ПГУ, 2000.
147. Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – 294 с.
148. Ряпосова А. Б. Агрессивный прагматический потенциал криминальных метафор, функционирующих в агитационно-политическом дискурсе периода федеральных выборов (1998 – 2000гг.) // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2000. – Т. 7.
149. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе “Российские федеральные выборы (1999 – 2000 гг.)” // Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 201 с.
150. Санцевич Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции) // Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 245 с.
151. «Свое» и «чужое»: Межкультурные коммуникации в полипарадигматическом аспекте. Коллектив. моногр. / Под ред. Л. А. Шкатовой. – Челябинск, 2003. – 185 с.

152. Селиванова Е. А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: Монографическое учебное пособие. – К. – ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.
153. Серебренникова А. Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» – «чуждости» (лингвокультурологический аспект) // Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Томск, 2005.
154. Сергеева Н. М. Репрезентация концепта *разум* в политических текстах начала XIX века // Современная политическая лингвистика: Мат-лы междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2003. – С. 142–144.
155. Сергеев В. М. Когнитивные методы в социальных исследованиях // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В. М. Сергеева, П. Б. Паршина; Общ. ред. В. В. Петрова. – М., 1987.
156. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М., 1999.
157. Сирота Н. М. Политология. Электронный учебник // <http://energy-mgn.nm.ru/polit/123.htm>, 2000.
158. Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб., 2000. – 201 с.
159. Скребцова Т. Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса // *Respectus Philologicus*. – Vilniaus universiteto, 2002. – № 1(6).
160. Скребцова Т. Г. Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста // *Respectus philologicus*. – Vilniaus universiteto, 2003. – № 4.
161. Скребцова Т. Г. Три источника и три составные части политической метафоры // <http://www.ksu.ru/cogsci04/science/cogsci04/223.doc> ю
162. Сноуман Д. Лобызающиеся кухни - сравнительная интерпретация британской и американской культур. 1977.
163. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. – СПб.: Алетейя, 2000. – 316 с.

164. Сорокин Ю. А. Человек из будущего, которого у него нет: Григорий Явлинский // Политический дискурс в России – 3: Мат-лы рабоч. совещания. – М., 1999.
165. Степаненко А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе // Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2001.
166. Стернин И. А. О некоторых особенностях русского общения // Культура общения и ее формирование. – Вып. 1. – Воронеж, 1994. – С. 27.
167. США: «зеленые» сожгли в Калифорнии центр по продаже автомобилей Hummer // <http://www.utro.ru/news/2003/08/23/225614.shtml> .
168. США: Экономика, политика и идеология. – 1997. – №2.
169. Телия В. Н. Метафора и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. – М., 1990.
170. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – М., 1988.
171. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
172. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000.
173. Тимофеева А. М. Сопоставительное исследование лингвоцветовых картин мира (на материале идиолектов Н. Заболоцкого и Р. Фроста) // Автореф. дис..... на соискание степени кандидата филолог. наук. – Екатеринбург, 2003. - 19 с.
174. Феденева Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века // Дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998.
175. Феденева Ю. Б. Политическая метафора: эволюция и прагматика // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2000. – Т. 4.

176. Федосеев А. А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе // Дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2003.
177. Фенько А. Наша цель – оптимизм // Коммерсантъ-Власть. – 2000. – 18 января.
178. Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999 – 2000 гг. // Дис. ... канд. фил. наук. - Тверь, 2002. – 164 с.
179. Фомичев С. Букчин М. «Реконструкция общества» // <http://avtonom.org/lib/theory/boukchin/reconstruction.html>
180. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. – М., 1997.
181. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000). – Екатеринбург, 2000.
182. Чернявская В. Е. Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. – М., 2004. – № 1. – С. 106–112.
183. Чернякова (Сорокина) М. В. Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург: УрГПУ, 2004. – Т. 13. – С. 86–96.
184. Чудакова Н. М. Концептуальная субсфера «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.) // Дис. ... канд. фил. наук. – Екатеринбург, 2004. – 242 с.
185. Чудакова Н. М. Особенности метафорических противопоставлений в дискурсе средств массовой информации // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. - Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 96–102.

186. Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. – М., 2004. – № 1. – С. 91–106.
187. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации // Екатеринбург, 2003. – 248 с.
188. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора). - Екатеринбург, 2003. – 194 с.
189. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001. - 238 с.
190. Шапошников В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. – М., 1998.
191. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – Москва; Волгоград, 2000. – 368 с.
192. Шмелева Т. В. Морбуальная оптика // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. – Т. 7.
193. Экологическое движение // <http://www.new-anarchy.narod.ru/ecology.html>
194. Эпштейн М. Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6.
195. Яблоков А. Россия перешла Рубикон // <http://pda.inauka.ru/ecology/article41042> , 2004.
196. Язык и личность / ред. Д. Н. Шмелев. – М., 1989. – С. 6.
197. Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton, 1963.
198. Atkinson M. Our Master's Voices: the Language and the Bodylanguage of Politics. – New York: Routledge, 1984. – 203 p.
199. A typical Briton: uptight but witty // The Guardian. – 2004. – November, 16. (<http://www.guardian.co.uk/international/story/0,3604,1352261,00.html>)
200. Barrett P. The Presidential Race and Green Strategy in 2004 // http://www.gp.org/articles/barrett_07_18_04.html , 2004. – July, 18.

201. Bergsdorf W. Politik und Sprache. – Munchen, Wien: Olzog, 1978. – 186 s.
202. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: University Press, 1987. – 114 p.
203. Chilton P. A. Politeness, Politics and Diplomacy // Discourse and Society. – 1990. – Vol. 1. – № 2.– Pp. 201–224.
204. Commager H. S. The American Mind: The interpretation of American Thought and Character Since the 1880's. – New Haven and London: Yale University Press, 1950.
205. Dalrymple T. The nation is quite drunken enough // The Telegraph. – 2005. – January, 04.
206. Dalton D. Citizen Politics. – Chatham, 1996.
207. Dijk T. A. van. Parliamentary debates. – Amsterdam, 1999. – 32 p. / www.let.uva.nl/~teun.
208. Dijk T. A. van. Discourse, power and access // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. – London. 1996. – Pp. 84-104.
209. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. – Urbana: University of Illinois Press, 1964. – 164 p.
210. Fairclough N. Language and Power. – London: Longman, 1989. – 259 p.
211. Faucounnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural languages. – Cambridge, 1994.
212. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. – London and New York: Routledge, 1991. – 254 p.
213. Friends of the Earth // <http://www.foe.co.uk/learning/index.html> .
214. Gee J. P. Social Linguistics and Literacies: Ideologies and Discourses. – London: Tailor and Francis, 1996. – 218 p.
215. G/GPUSA // <http://www.greenparty.org/>
216. Graber D. Verbal Behavior and Politics. – Urbana: Univ. of Illinois Press, 1976. – 361p.
217. Green groups in Britain // http://www.keele.ac.uk/depts/spire/Staff/Pages/Doherty/Green_Groups_in_Britain.

[htm](#) .

218. Green Party UK //

<http://www.europeangreens.org/peopleandparties/members/gpew.html> .

219. Greens/Green Party USA //

http://en.wikipedia.org/wiki/Greens/Green_Party_USA .

220. Holly W. Credibility and Political Language // Language, Power and Ideology. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1989. – Pp. 115–135.

221. Janis I. L. The Problem of Validating Content Analysis // Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics. – New York: George W. Stewart, publisher, 1949. – Pp. 55–82.

222. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago, 1980.

223. Lakoff G. Metaphor and war: The metaphor system used to justify War in the Gulf // D. Yallet (ed.). Engulfed in War: Just War and the Persian Gulf. – Honolulu, 1991.

224. Lakoff G. Metaphor, Morality, and Politics, Or, Why Conservatives Have Left Liberals In the Dust // What Conservatives Know That Liberals Don't. – Chicago Press, 1996.

225. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // http://rowlf.cc.wvu.edu:8080/semiotic/lkof_met.html .

226. Manski B. [Green Letter to Ralph Nader](http://www.newtopiamagazine.net/greenlettertonader.html) // <http://www.newtopiamagazine.net/greenlettertonader.html> , 2000. - March, 23.

227. Potter J., Wetherell M. Discourse: Noun, verb or social practice? // Philosophical Psychology. – 1990. – Vol. 3. – Issue 2-3. – Pp. 205-219.

228. Richmond Y. From Nyet to Da: Understanding the Russians. – Yarmouth, Main: Intercultural Press, 1997. – P. 33.

229. Rourke C. M. American Humor. – Tallahassee: Florida State University Press, 1986.

230. Shiffrin D. Approaches to Discourse. – Oxford; Cambridge, MA, 1994.

231. Smith J. The American·British British·American Dictionary for English Speaking People // <http://www.peak.org/~jeremy/dictionary/>.

232. Storti C. The art of crossing cultures. – Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1990. – 121 p.
233. Ten Key Values of the Green Party // <http://www.gp.org/> .
234. The Civic Culture Revisited: An Analytical Study / Ed. by G.Almond, S.Verba. – London, 1989.
235. The Green Party // www.greenparty.org.uk .
236. Wall D. Darker shades of green // <http://www.redpepper.org.uk/cularch/xdkgreen.html> .
237. Wilson, J. Politically speaking: The pragmatic analysis of political language. – 13 asil Blackwell, 1990.
238. Wodak R., Seldak M. ‘We demand that foreigners adapt to our life-style’: political discourse on immigration laws in Austria and the United Kingdom // Combating Racial Discrimination. – Oxford, 2000.

Словари и энциклопедии

1. Баранов А. Н., Добровольский Д.О., Михайлова М.Н., Паршин П.Б., Романова О.И. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. – М., 2001.
2. Баранов А. Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
3. Баранов А.Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: «Помовский и партнеры». – 1994. – 351 с.
4. Бурак А. Л., Тюленева С. В., Вихрова Е. Н. Cultural guide to Russia // под рук. С. Г. Тер-Минасовой. - М.: АСТ, АСТРЕЛЬ, 2002. – 128 с.
5. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ Лингвострановедческий словарь . Сост. Адриан Р. У. Рум. – М.: Изд. “Русский язык”, 1999.
6. Кабакчи В. В. The Dictionary of Russia. Англо-английский словарь русской культурной терминологии. – Спб.: Изд. «Союз», 2002.
7. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996.

8. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 2001.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
10. США Лингвострановедческий словарь / Сост. Томахин Г. Д. – М.: Изд. “Русский язык”, 1999.
11. Wikipedia // http://en.wikipedia.org/wiki/Greens/Green_Party_USA .
12. Wilde Oscar. The Canterville Ghost (1887) // <http://gaslight.mtroyal.ab.ca/gaslight/cantervi.htm> .
13. The Macmillian Dictionary of Quotations. – Chartwell books, Inc., Edison, NJ, 2000.

Список источников языкового материала

1. ABC World News Tonight. – 2000. – October, 23.
2. A Foreboding Thaw // New York Times. – 2004. – November, 27.
3. Aronowitz S. Greens at the Crosswords // www.thenation.com/issue.mhtml?I=20020902 .
4. Big Oil Pushes the White House for a War with Iraq // www.greenpeace.org/features/details?item_id=114595 , 27.12.2003.
5. Blair spin "spirals to new depths" say Greens // <http://www.2reenparty.org.uk/index/php?oldnav> .
6. Braga A. Green Party delegation heads for Genoa // www.greenparty.org.uk/news/2001/07/genoa1.html, 18.07.2001.
7. Bush's evangelizing about food chills European hearts // Guardian. – 2003. – June, 02. [www.guardian.co.uk/globalisation/story/0,7369,968396,00.html] .
8. Calamary S. In California it's not easy being Green // www.media_alliance.org/mediafile/20-2/greens.html.
9. Climate change moves up political agenda // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 12.09.2004.
10. Conference to issue climate // [Green Mail Subscription] green-

mail@lists.greenparty.org.uk , 19.10.2004.

11. Conflict on globalisation // The Guardian. – 2000. – December, 08.

[<http://guardian.co.uk/print/0,3858,4102804-1007025,00.html>].

12. Constitution: yes and no // [Green Mail Subscription] green-mail@lists.greenparty.org.uk , 24.10.2004.

mail@lists.greenparty.org.uk , 24.10.2004.

13. Coward R. Green with fear // The Ecologist. – 2003. – July/August. – P. 15.

14. Crow B. RMT General Secretary Speech to GP Conference in Lancaster //

www.greenparty.org.uk/speeches/2002/09/bobcrow.html.

15. Darling urged to ditch J47m Hastings Link Road // [Green Mail Subscription]

greenmail@lists.greenparty.org.uk , 11.11.2004.

16. Devaney J., Fitz-Gibbon S. A brief Green Critique of the globalisation

white paper – 2000 // [mir-](http://mirror.greenparty.org.uk/reports/2000/globalisation/globalisationwpcritique_p.htm)

[ror.greenparty.org.uk/reports/2000/globalisation/globalisationwpcritque_p.htm](http://mirror.greenparty.org.uk/reports/2000/globalisation/globalisationwpcritique_p.htm) .

17. Doyle A. Kerry Wins Fans Abroad with Global Warming Plan // Reuters,

27.10.2004.

18. Drop in new AIDS cases as EU marks World AIDS // [Green Mail Subscrip-

tion] greenmail@lists.greenparty.org.uk, 29.08.2004.

19. Dugger R. Greens And Democrats //

<http://thenation.com/doc.mhtml?i=20021202&c=18s=dugger> .

20. Eckel M. Kyoto Protocol Clears Key Hurdle in Russia // Europe-AP,

22.10.2004.

21. Environment Commissioner praises Green MEP // [Green Mail Subscription]

greenmail@lists.greenparty.org.uk, 26.11.2004.

22. Equity the price of survival // [Green Mail Subscription] [green-](mailto:green-mail@lists.greenparty.org.uk)

mail@lists.greenparty.org.uk, 23.10.2004.

23. EU Environment Ministers uphold GM ban // [Green Mail Subscription]

greenmail@lists.greenparty.org.uk, 30.11.2004.

24. Euro-MP joins protest over EU's corporate links // [Green Mail Subscription]

greenmail@lists.greenparty.org.uk, 23.11.2004.

25. Euro-MPs call for review of EU Arms Sales Policy // [Green Mail Subscrip-

tion] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 17.11.2004.

26. Euro-MP throws down gauntlet at media awards ceremony // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 24.11.2004.

27. Euro-MP to address London Christmaas Without Cruelty fayre // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 02.12.2004.

28. Extreme weather //

http://www.greenpeace.org/international_en/features/details?item_id=583710&print=1 , 17.09.2004.

29. Fallujah attack undermines Remembrance Day - MEP // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 11.11.2004.

30. Fitz-Gibbon S. Back to the stone age // The Morning Star. – 2003. – Jan., 1.

31. Fitz-Gibbon S. Dangerous liaisons //

www.greenparty.org.uk/index.php?nav=articles&n=9 .

32. Fitz-Gibbon S. War fever isn't high, let's whip up hysteria //

www.greenparty.org.uk/index.php?nav=articles&n=43 , 01.09.2002.

33. Fletcher Ed. Green Party Activist Goes after Matsui // Sacramento Bee. – 2003. – November, 12.

34. Fox M. Global Warming Effects Faster Than Feared – Experts // Reuters, 21.10.2004.

35. Friedman T. // New York Times. – 2000. – November, 10.

36. From Cynthia Mckinney // <http://prorev.com/greenpages2.htm> .

37. Gato M. S. Blair's Tory ideology //

<http://www.greenparty.org.uk/index.php?oldnav=groupednews&b=0> .

38. Gato M. S. Oh, what a lovely war! //

www.greenparty.org.uk/index.php?nav=articles&n=40 , 03.04.2003.

39. Ghazi P. Green living in the USA // Guardian. – 2001. – February, 13.

40. Glick T. A Green Party “Safe States” Strategy //

www.zmag.org/sustainers/content/2003-07/01glick.cfm.

41. Glick T. Greens need to work with others to stop Bushites // Green Pages. – 2003. – Vol. 6, No. 4. – January, 1.

42. Global warming shift gets cold shoulder // Op/Ed - USATODAY.com., 21.10.2004.
43. Glover J. Interview: Michael Meacher // The Guardian. – 2002. – June, 12.
44. Greg Gerritt speaks to the Maine Greens // <http://prorev.com/greenpages2.htm>.
45. Green Euro-MP pledges direct action to stop airport expansion // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 15.11.2004.
46. Green Party announces conference highlights // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 14.10.2004.
47. Green Party horrified at prospect of nuclear attack // www.greenparty.org.uk/news/2001/09/nuclearattack.html , 16.09.2001.
48. Green Party manifesto for a Sustainable Society // www.greenparty.org.uk/policy/mfss/pbasis.html .
49. Green Party News Circulator for 11.10.03-11.17.03 // The Associated Press State & Local Wire. – 2003. – November, 14.
50. Green Party offered more diverse slate of candidates in 2002 // Green Pages. – 2003. – Vol. 6, No .4. – January, 01.
51. Green Party policy. Climate change // policy.greenparty.org.uk/mfss/climchg.html .
52. Green Peer blast Bush for seeking to destroy UN peace role // mirror.greenparty.org.uk/index.php?nav=groupednews&b=12&r=userdate=2003/05&l=12 , 14.05.2003.
53. Green principal speaker condemns Government failure to meet emissions reduction target // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 08.12.2004.
54. Green seek meeting at No.10 // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 20.09.2004.
55. Greens criticize Belmarsh deportation claims // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 06.10.2004
56. Greens endorse Airports Pledge// [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 06.10.2004

mail@lists.greenparty.org.uk , 24.10.2004.

57. Green Party horrified at prospect of nuclear attack // www.greenparty.org.uk/new_s/2001/09/nuclearattack.html, 16.09.2000.

58. Green Party platform 2000 // <http://www.greenparty.org.uk/policy/index.html>.

59. Greens save Mike's seat // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 22.10.2004.

60. Greens slam demonisation of animal welfare protestors // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 08.09.2004.

61. Green summit begins // <http://www.e-politix.com/bos/epxnews/00000020AoBE.htm> , 26.08.2002.

62. Greens kick off election campaign // http://news.bbc.uk/1/hi/uk_politics/2947137.stmp .

63. Guerriero J. Pennsylvania: Soggs played mild spoiler in race // Erie Times-News. – 2003. – November, 06.

64. Halligan L. Counting the cost of global warming // The Telegraph. – 2004. – October, 17.

65. Happy Birthday, Mr. Putin: How about a present for the Planet? // http://www.greenpeace.org/international_en/news/details?item_id=325549&print=1 , 07.10.2003.

66. Hart P. The greens by National Media // www.media-alliance.org/mediafile/20-2/greens.html .

67. Hawkins W. "Red Ken" and the Greens in London // <http://www.greens.org/s-r/25/25-12.html> .

68. Houston K. Greens infiltrate boardrooms to urge corporate surrender // Investor's Business Daily. – 2001. – April, 02.

69. http://www.votegreen.org.uk/2001/manifesto/gpm04securing_globally.htm .

70. Jacks K. Vote Green // <http://www.greenparty.org.uk> .

71. Janofsky M. Nader, nominated by Green Party, attacks politics as usual // New York Times. – 2000. – June, 26.

72. Jenny J. Grinding into gridlock - but too gutless to admit it // www.greenparty.org.uk/index.php, 18.12.2002.
73. Johnson to challenge Labour for Lewisham seat // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 29.08.2004.
74. Joyce T. Pennsylvania: Party Roots Grow Green // York Daily Record. – 2003. - November, 12.
75. Kaplinsky J. Slick arguments // <http://www.spiked-online.com/articles/00000006DB4E.htm>, 21.10.2002.
76. Kennedy J. M. The California Coast's Friend in Deeds // Los Angeles Times Magazine. – 2004. – August, 22. – P.16.
77. Lambert J. A social Europe // www.greenparty.org.uk/index.php?nav=speeches&n=16 , 04.04.2001.
78. Larson D. Iowa officials say they will learn from losses // Green Pages. – 2003. – Vol. 6, No.4. – January, 01.
79. Leadbeater Ch., Levett R. Will the New Economy be green? // The Guardian. – 2000. – August, 16.
80. Leading UK Green heads for Iraq // www.greenparty.org.uk/index.php?nav=news&n=324 , 18.01.2003.
81. Leftcoast L. Who Are the Real Globalists? // www.democraticunderground.com/article/02/02/p/12_globalists.html , 12.12.2002.
82. LibDem 'environmental charlatans' - new report // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 21.09.2004.
83. LibDems score 25% on climate challenge // [Green Mail Subscription] greenmail@lists.greenparty.org.uk , 21.09.2004.
84. Lies, damned Lies - and Blair Eco-speeches // mirror.greenparty.org.uk/index.php?nav=groupednews&r=userdate%3D2002/09 , 02.07.2002.
85. Livingstone denies he's a "tool in big business" // www.greenparty.org.uk/index.php?oldnav , 10.02.2003.

86. Lomborg B. The truth about environment // Economist. – 2001. – August, 2.
87. Lord Beaumont of Whitley. Reconstructing International order // www.greenparty.org.uk/index.php?nav=speeches&n=32.
88. Lovell J. Chief British Scientist Says Act Now on Carbon Dioxide // Reuters. – 2004. – November, 14.
89. Lucas C. GM study misleading // www.greenparty.org.uk/?oldnav=gpmain, 17.01.2003.
90. Lucas C.. The Greens - an antidote to voter apathy & Westminster's appeasement of globalisation // www.greenparty.org.uk/news/2001/06/globalisation.html, 04.06.2001.
91. Malkan D . Police ignore civil rights // Green Pages. – 2003. – Vol. 6, No.4. – January, 01.
92. Mandes K. Observed Impacts Of Global Climate Change // <http://www.pewclimate.org/>, 09.11. 2004.
93. McCaig P. Editorial // <http://greenevents.fsnet.co-uk/editorial.html> .
94. McConnell S. Pouring oil on troubled waters // The Guardian. – 2000. – August, 20.
95. Meacher M. The planet's polluters should be put in the dock. // The Guardian. – 2003. - October, 25.
96. Media Invitation// [Green Mail Subscription] green-mail@lists.greenparty.org.uk , 11.10.2004.
97. Mehren E. A party of 1 in Main // Los Angeles Times. – 2003. – June, 04.
98. Milbrank D. // The Washington Post. – 2000. – September, 15.
99. Ministers "must do more" on green policy // www.e-politix.com/bos/epxnews/00_0000209FE0.htm .
100. Montone K.R. Pennsylvania: Green Banner Prevails; Port Clinton Voters Spur A County 1st// Pottsville Republican and Evening Herald. – 2003. – Nov., 12.
101. Myerson D. Greens win elections in conservative states // Green Pages. – 2003 . – Vol. 6, No. 4. – January, 01.
102. Myers S. L. Putin Ratifies Kyoto Protocol on Emissions // New York Times.

– 2004. – November, 06.

103. Myers S. L. Russia's Lower House Approves Kyoto Treaty on Emissions // New York Times. – 2004. – October, 23.

104. Nader remains unrepentant // Daily News. – 2000. – November, 8.

105. Nichols J. Enron? Nader Is Glad You Asked // www.thenation.com/doc.mhtml?I=20020225&c=2&s=nichols , 07.02.2002.

106. No New Runways" Bill // [Green Mail Subscription] green-mail@lists.greenparty.org.uk , 21.10.2004.

107. Open politics // http://newss.bbc.co.uk/hi/english/static/in_depth/ukpolitics/2001/openpolitics.html.

108. Osborn A. Kyoto treaty to be binding after Russian ratification// Independent. – 2004. – October, 23.

109. Palast G. Re-Lynching Cynthia Mckinney // <http://www.gregpalast.com/detail.cmf?artid=232&row=0> .

110. Pollon Z. Politics, Gas Fuel Battle Over New Mexico Forest // Reuters. – 28.10.2004.

111. Prescott defends green credentials // <http://www.e-politix.com/bos/epxnews/000000209F82.htm> .

112. Resenbrink J. Time for Medea // <http://prorev.com/greenpages2.htm>.

113. Revkin A. C. NASA Expert Criticizes Bush on Global Warming Policy // New York Times. – 2004. – October, 26.

114. RIOS A. Greens at the Crosswords // www.thenation.com/issue.mhtml?I=20020902 .

115. Rocky Mountain Politics // New York Times. – 2004. – October, 25.

116. Rohter L., Revkin A. C. Cheers, and Concern, for New Climate Pact // New York Times. – 2004. – December, 13.

117. Rowell A. Debate, what debate? // Ecologist. – 2003. – July/August.

118. Russian Government gives green light to climate change treaty // http://www.greenpeace.org/international_en/press/release?item_id=600805&print=1 , 30.09.2004.

119. Sain K. Segal wins with student help // Green Pages. – 2003. – Vol. 6, No. 4. – January, 01.
120. Santa sees red over rubbish // <http://www.greenparty.org.uk/index.php?oldnav=groupednews&b> .
121. Sale K. Illusion of progress // Ecology. – 2003. – July/August. – P.32.
122. Sample H. A. Profile Of Green Party California Candidate // Sacramento Bee. – 2003. – August, 21.
123. Second Chartist movement // [Green Mail Subscription] green-mail@lists.greenparty.org.uk , 21.10.2004.
124. Shrewsbury M. Voter apathy // www.greenparty.org.uk/index.php?oldnav, 18.06.03.
125. Silfry H. L. Ralph Redux? // www.thenation.com/issue.mhtml?=&=20031124 , 06.11.2003.
126. Singer S. F. Kyoto is unfair to U.S. // Op/Ed - USATODAY.com, 21.10.2004.
127. Smith S. Greening the Golden Triangle // <http://prorev.com/greenpages2.htm>.
128. Smith S. How Nader won // <http://prorev.com/greenpages2.htm> .
129. Smith S. Losing It // <http://prorev.com/greenpages2.htm> .
130. Smith S. Why I'm Voting For Nader // <http://prorev.com/greenpages2.htm> .
131. Snyder A.D. Letters to the editor // Green Pages. – 2003. – Vol. 6, No. 4. – January, 01.
132. Startin W. L. Confessional // <http://prorev.com/greenpages2.htm> .
133. Steel D. Global warming is good for you // The Guardian. – 2000. – December, 05.
134. Stone-Lee O. Are others on the rise? // http://news.bbc.uk/1/hi/uk_politics.html .
135. Study Links Tree Rings to Global Warming // Arizona Daily Star. – 01.11.04.
136. Tempest M. Environmental impact // <http://politics.guardian.co.uk/green/story/0,9061,793225,00.html> , 16.09.2002.

137. The Battle of Seattle // www.atherzine.com/1999/raim120399.html , 03.12.1999.
138. The Building of a Blacker Green Party // The Village Voice. – 2001. – August, 22-28.
139. The Green Party // <http://education.guardian.co.uk/generalelection2001/education/story/0,9860,494742,00.html> , 22.05.2001.
140. The Real Environmental Mandate // New York Times. – 2004. – Nov., 26.
141. The state we're in // The Guardian. – 2003. – October, 23.
142. The Warming War heats up Putin gives Kyoto the green light // http://www.greenpeace.org/international_en/news/details?item_id=601014&print=1 , 30.09.2004.
143. Traynor I., Naji K. Tehran agrees to nuclear freeze // *The Guardian*. – 2004. – November, 08.
144. Tremble, Langley, tremble // Economist. – 2000. – June, 29.
145. Vidal J. Blair accused of failing the environment // *The Guardian* . – 2000. - October, 24. [<http://guardian.co.uk/print/0,3858,4080614-103590,00html>].
146. Warner J. On 1 side of the world, 2,00 capitalists. On the other, 100,000 social activists. Which of them will inherit the earth? // The Independent. – 2003. – January, 24.
147. Wartenberg S. Morning Call // Green Party News Circulator. – 2003. – November, 13.
148. What future for farming in Blair's Brave New Britain? // www.greenparty.org.uk/index.php , 14.03.2002.
149. Why Greens And Democrats Aren't Friends // <http://www.latimes.com/news/printededition/front/la-na-green4jun04235422,1,467844.story?coll=la-headlines-frontpage> .
150. Wildermuth J., Gordon R. California: s.f. campaign notebook // The San Francisco Chronicle. – 2003. – November, 11.
151. Wisconsin: Nader says Florida stolen from democrats // Chattanooga Times

Free Press (Tennessee). – 2003. – November, 10.

152. Woodin M. Keynote speech to Green Party Autumn conference // www.greenparty.org.uk/files/conference/2003/3.%20media%20highlights%201.htm , 15.09.2001.

153. Woodin M., Lukas C. Protecting Britain against globalization // www.greenparty.org.uk/files/reports/2004/PROTECTING%20BRITAIN%20AGAINST%20GLOBALISATION.html , June 2001.

154. Wright M. Ensuring the future // mirror.greenparty.org.uk/index.php?nav=groupednews&r=group%3D6 .

155. Wright M. The economics of war - the politics of peace// www.greenparty.org.uk/index.php?nav=speeches&n=29 , 25.03.2003.

156. Белый М. Цианиды раздора // Русский курьер. – 2004. – 02 сентября.

157. Борозин М. Л. Позиции и состояние ОПОД «Российские движение “зеленых” в 2000 г. // Зеленый мир. – 2001. – № 1-2. – С. 22-23.

158. Войкова Н. Беспредел // Экологическое досье России. – 2004.– № 8. – С. 2.

159. Впечатления// Зеленый мир. – 2004. – № 1-2. – С. 5.

160. Великобритания: учёные рассчитали, что не смогут перейти на водород // News.Battery.Ru - Аккумулятор Новостей. 14.10.2004.

161. Возмитель К. Мнение // Зеленый мир. – 2004. – № 1-2. – С. 9.

162. Госдума, Россия и мутанты - втроем веселее // <http://mednovosti.ru/main/2004/11/16/gmfood/>, 17.11.2004.

163. Депутаты Госдумы превратят Россию в международный ядерный мотельник, думая, что «удобряют» страну «ценным» радиоактивным «навозом» // Зеленый мир. – 2001. – № 1-2. – С.10.

164. Забелин С. Заявление МСоЭС в связи с последними террористическими атаками и последовавшими за ними действиями федеральных властей России // Российский сайт ядерного нераспространения. - 11.10.2004.

165. Заявление Российской экологической партии «Зеленых» // http://www.greenparty.ru/news_a.php 18.06.03

166. Заявление центрального совета РЭП «Зеленые» // www.greenparty.ru/main_ru.php , 09.10.2003.
167. Иванов В. Б. Популизм в ядерной политике // Зеленый мир. – 2001. – № 1-2. – С. 14.
168. Игнатова Е. // Экологическое досье России. – 2004. – № 8. – С. 2.
169. Катин В. Европейская федерация - вариант возможный // http://www.ng.ru/printed/world/2000-05-17/6_e-federation.html .
170. Комментарий // Зеленый мир. – 2004. – № 1-2. – С. 9.
171. Кричевский С. «Кухня» // Зеленый мир. – 2004. – № 1-2. – С. 6.
172. Лубенский А. На Урале ждут своего часа сразу 20 Чернобылей // Утро.ру, 31.10.2004.
173. Минприроды проверит "Юганскнефтегаз" на соблюдение норм разработки // Lenta.ru, 17.10.2004 [<file:///russia/2004/10/16/check/Printed.htm>].
174. Митрофанов С. Перед совершенно новым феноменом оказался XX век // Зеленый мир. – 2001. – № 1-2. – С. 5.
175. Михайлов А. Судьба "атомного" моста // ПРАВДА.Ру, 02.11.2004.
176. Михайлов А. Экология Севера может рухнуть от: распиленных подлодок // ПРАВДА.Ру, 07.10.2004.
177. Мнение (Обращение Усова Е. И., дир. пресс-департамента «Гринпис» России к ГД РФ) // Зеленый мир. – 2001. – № 1-2. – С. 10.
178. Мы можем остаться страной скважин и катастроф // Независимая газета. – 2002. – 15 октября.
179. Мясников В., Иванов В. Москве собираются удалить "ядерные зубы" // Независимая газета. – 2004. – 18 октября.
180. Новгородские экологи: городская дума - ширма для сомнительных инициатив? // <http://regnum.ru/>, 12.11.2004.
181. Новопрудский С. Свалка истории // Известия. – 2003. – 15 октября.
182. Образцов П. На глобальном потеплении можно погреть руки // Гражданин.ру, 06.10.2000.

183. Обращение к Председателю Государственной Думы РФ Г. Н. Селезневу // www.greenparty.ru/main_ru.php , 22.04.2003.
184. Олигархи не хотят, чтобы «зеленые» были в Думе! // www.greenparty.ru/main_ru.php , 14.11.2003.
185. Остановите авантюру // Зеленый мир. – 2001. – № 3-4. – С. 1.
186. Пашкалова Н. Движение экологов - путь в бездну // Известия. – 2003. – 27 февраля.
187. Песков В. Лес богаче царя // Комсомольская правда. - 2004. – 02 апреля.
188. Петров Н. Позиции // Зеленый мир. – 2004. – № 1-2. – С. 4.
189. Планета дышит легкими России // www.greenparty.ru/news.php?num_action=105&total_action=110 .
190. Поздравляем!!! //Зеленый мир. – 2004. – № 1-2, с. 3.
191. Популизм в ядерной политике грозит России экологической катастрофой (интервью с Ивановым В. Б., д. тех. н., I зам. мини. по атомной энергии) // Зеленый мир. – 2001. – № 1-2. - С. 14.
192. Правительство наступило на грабли, поставленные ему МПР // Зеленый мир. – 2001. - № 3-4.
193. Президент Путин против кандидата экономических наук Путина // Зеленый мир. – 2001. – №1-2. – С. 14.
194. Реймерс Н. Ф. Экологический манифест // География в школе. – 2002 . – № 3. – С. 31.
195. Ситнина В. Экологический переворот // Время новостей. – 2004. – N° 212. – 19 ноября.
196. Смирнов Н. Г. Историческая экология: между повседневностью и вечностью, или поиск решений на перекрестке проблем // Известия Уральского Государственного Университета. – 2002. – № 23. – С. 84.
197. Соловьев Е. Не нужен им атом дешевый // Независимая газета. – 2004. – 01 ноября.
198. Фролов Д. // Зеленый мир. – 2001. – № 3-4. – С. 6.

199. Черешнев В.А. Экологическая доктрина России: от замысла к пилотным проектам // Известия Уральского Государственного Университета. – 2002. – № 23. – С. 6.

200. Ядерный могильник под эгидой МАГАТЭ? Спасибо, не надо! // Анти-атом.ру, 20.10.2004.

Приложение 1. Таблицы, диаграммы и схемы

В данном приложении дано графическое представление результатов проведенного исследования.

Материалы сопоставления метафорического представления СВОИХ и ЧУЖИХ в дискурсе экологических партий России, США и Англии в определенной мере отражают Таблица №2 и Таблица № 3.

ЧУЖИЕ		Метафоры, типичные для Зеленых Англии	Метафоры, типичные для Зеленых США	Метафоры, типичные для Зеленых РФ
Сферы-мишени для метафор	Политические лидеры, правительство	<ul style="list-style-type: none"> - театр (фанаты общественных кампаний, актеры, шарлатаны) - ручные животные (пудель Буша) - мир лжи (жалкие, трусливые, циничные, лицемерные и бессердечные) - агрессоры (ведут войну с природой) 	<ul style="list-style-type: none"> - механизм (машины для мобилизации капитала, механизм преступной деятельности) - сумасшедшие, больные (безумцы, маньяки, опасные, демоны) - сексуально озабоченные (сексуальные хищники, анекдоты для ночного телеэфира) - преступный мир (воры и грабители, корпоративная тюрьма) - плохие погодные условия (дождь во время парада, один на холоде) - плохие спортсмены (слабые, не способны подать мяч) 	<ul style="list-style-type: none"> - неполноценные гермафродиты, страдающие раздвоением личности, глупые, близорукие - номенклатурный беспредел (прогнившая система, «тусовка», ширма)
	Промышл. магнаты /олигархи	<ul style="list-style-type: none"> - купцы, - корпоративные бегемоты - преступники - правители мира 	<ul style="list-style-type: none"> - вождедеющие власть, необузданные - хищники - жирные коты - желающие разграбить планету - корпоративные преступники - «костюмы» 	<ul style="list-style-type: none"> - закулисные спонсоры, бандиты - экологические варвары - дирижеры власти, шантажисты, воры
	США	<ul style="list-style-type: none"> - больные (шизофреники) - зло (злодеи, бряцают оружием) - невоспитанные дети (задира с детской площадки) - незаменимая нация (экономическая электростанция мира) 	*	*
	СМИ	*	<ul style="list-style-type: none"> - убийцы, чудовища - дикие животные, лающие волки - порнография - глупые, злые, чванливые 	*

Таблица № 2. Метафорические модели, представляющие ЧУЖИХ в экологическом дискурсе Англии, России и США

СВОИ		Метафоры, типичные для Зеленых Англии	Метафоры, типичные для Зеленых США	Метафоры, типичные для Зеленых России
Сфера-мишень для метафор	Партия Зеленых	<ul style="list-style-type: none"> - лидеры (сила, рыцари, бросают перчатку, ведут честную игру, впереди игры, чемпионы) - строители («зеленых» групп, экологи, светлого будущего) - настойчивые («твердоносые», «мокрое одеяло») - сверхскоростной механизм (взлетает как ракета) 	<ul style="list-style-type: none"> - семья (родственники, помогающие сплотить семью) - ценный товар (выгодная сделка, качественный и дорогой товар, козырь в торгах) - сила (в центре политической борьбы, сражаются за справедливость, свои цели и голоса избирателей, добиваются побед) - защита (на защите американских ценностей и традиций) - строители (опоры для своего движения, нового колеса, поддержки «зеленой» политики, светлого будущего) 	<ul style="list-style-type: none"> - лакомый кусок - помеха (кость в горле, неприручаемые, «избиваемые младенцы», «белые вороны») - брезгливые, чисто-плотные - цирк (почтеннейшая публика, необыкновенный концерт) - монархия (вельможи, величественные, всемогущие, холуи Президента) - умеют за себя постоять
	Родная страна	<ul style="list-style-type: none"> - претендент на главную роль (на передовой линии решения глобальных проблем) - кризис морали (с расслабленными моральными мышцами, в обществе работает «обратная мораль»), - сообщница в преступлениях США 	<ul style="list-style-type: none"> - живой организм (открывает себя, думает, улыбается) - жертвы политических игр (подвергаются нападениям, навязыванию неправильного пути) 	<ul style="list-style-type: none"> - свалка (могильник, помойка) - на перепутье, (реактивный тупик – светлое будущее) - донор - деградация общества (эпидемия идиотизма, очаг иждивенчества и паразитизма) - аутсайдер цивилизованного мира (сырьевой придаток, страна скважин и катастроф)
	Планеты	<ul style="list-style-type: none"> - на пороге апокалипсиса - пытается спасти планету неэффективными лекарствами - нуждается в «зеленой» индустриальной революции - созрело для перемен 	<ul style="list-style-type: none"> - в состоянии войны - в условиях соревнования - склоняется к жестокому хаосу 	<ul style="list-style-type: none"> - неразумные дети (покорители Матери-природы) - глупцы (преклонило колени перед истуканом техники, занесло меч над собственной головой)

Таблица № 3. Метафорические модели, представляющие СВОИХ в экологическом дискурсе Англии, России и США

Общие тенденции использования концептуальных метафор, выражающих национальное восприятие СВОИХ и ЧУЖИХ в экологическом дискурсе США, России и Англии, можно представить в виде следующих диаграмм, где на оси У расположены процентные значения частотности употребления метафорических моделей, названия сфер-источников которых обозначены на рядах по оси Х.

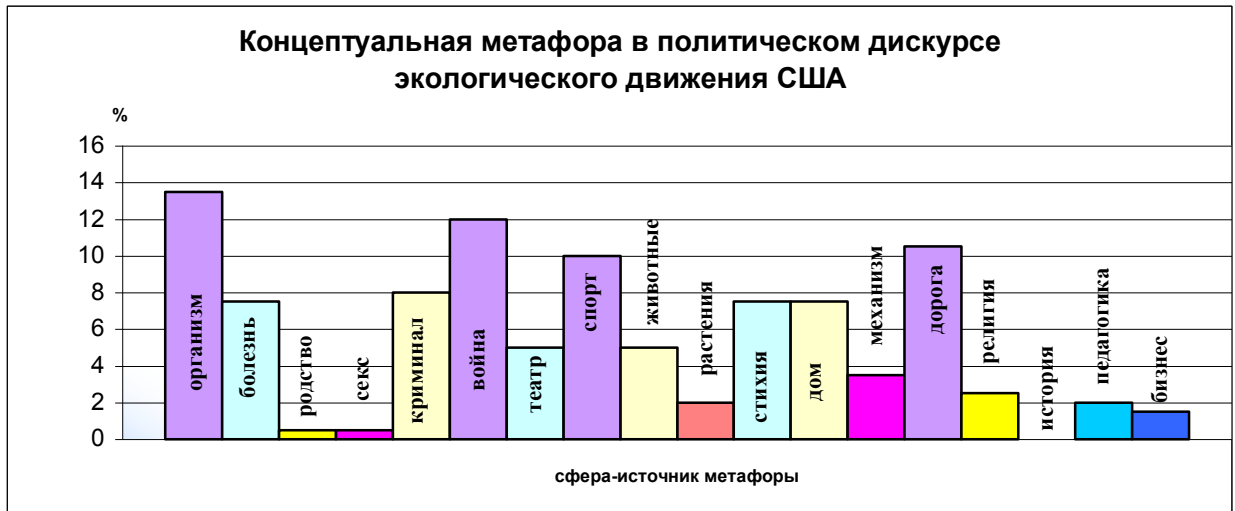


Диаграмма 1: Тенденции метафорического моделирования в экологическом дискурсе США.

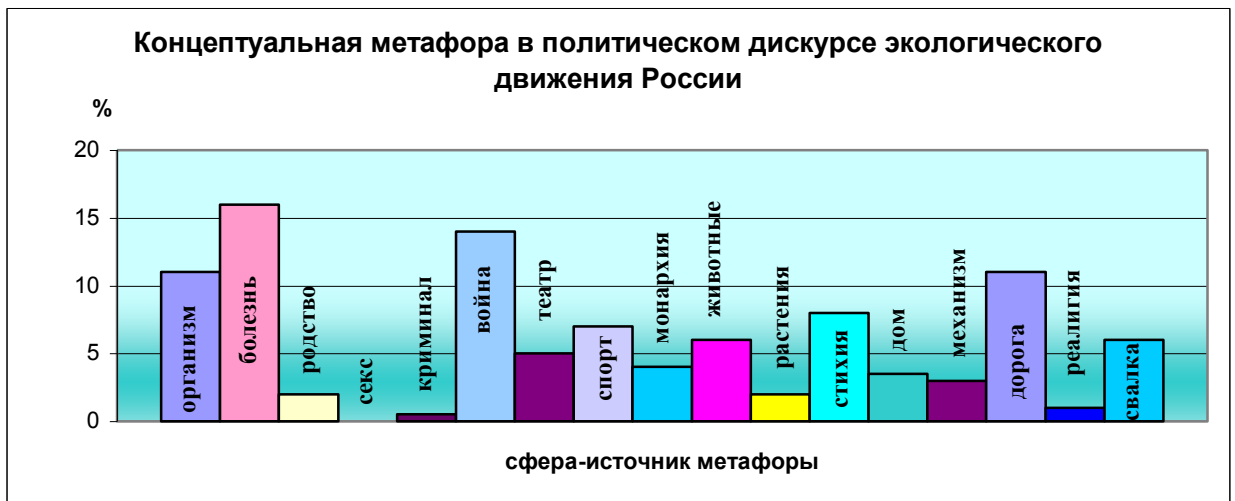


Диаграмма 2: Тенденции метафорического моделирования в экологическом дискурсе России

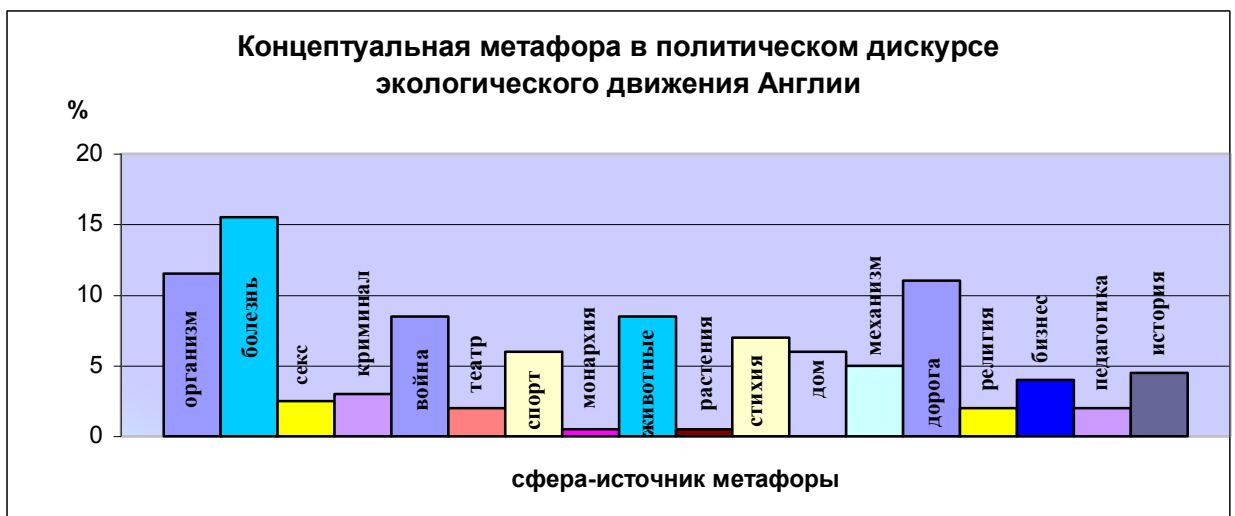


Диаграмма 3: Тенденции метафорического моделирования в экологическом дискурсе Англии

Анализ количественных данных позволяет сделать следующие выводы:

- доминантными для **американского** национального сознания являются метафоры *организма, войны, спорта и дороги*. Из проанализированных метафор содержание этих метафорических моделей составило $\geq 10\%$. Данные сферы-источники метафор являются универсальными для экологического интердискурса. В американском экологическом дискурсе, в единственном из трех рассматриваемых, морбиальная метафора даже не приблизилась к планке 10%, уступив место метафорам более динамичного и соревновательного характера, что, на наш взгляд, отражает агентивность и оптимизм нации.

- *морбиальная, криминальная, театральная, домашняя* метафоры и метафора *стихии*, к сферам источникам которой мы относим природные явления и рельеф местности, занимают второе место по популярности в экологическом дискурсе США, набрав от 5% до 9 % включительно. Интересно отметить, что метафора дома в английском экологическом дискурсе чаще принимает вид аналогий с конструкцией дома и его убранством. В дискурсе Зеленых США преобладает другой фрейм домашней метафоры - *строительство*, что демонстрирует установку американского менталитета на постоянный труд, созидание, совершенствование.

- малораспространенными, в процентном соотношении присутствующие в американском экологическом дискурсе на 0,5 – 4 %, являются метафоры *родства, механизма, религии*, а также *сексуальная, фитоморфная, педагогическая* и *экономическая* метафоры. Несмотря на сильный прагматический потенциал этих метафор в условиях политической борьбы Зеленых с их соперниками, эти метафоры не актуализированы.

В результате когнитивно-дискурсивного исследования экологического дискурса **России**, лидирующими по распространенности оказались метафоры *болезни, войны, организма и дороги*. Метафорические модели с указанными сферами-источниками набрали от 10 до 16 % из общего числа проанализированных метафор. Показательно, что на первый план в экологическом

дискурсе России выходят метафоры *болезни* и *войны*. Эти сферы-источники метафорической экспансии обладают наиболее сильным прагматическим потенциалом, такие метафорические модели вызывают у читателя страх, волнение, напряжение, агрессию, желание помочь одним и наказать других и т.д. Конечно, такие метафорические модели, востребованные временем и обусловленные национальным менталитетом, дают волю пессимизму, жалости, указывая на возможность лечь на амбразуру или сломить врага.

Процент содержания метафор *театра, спорта, животного мира, стихии* и *свалки* составил 5-8%. Основная часть этих метафор очень часто встречается в политическом дискурсе России в целом, однако метафора *свалки* особо акцентируется в дискурсе защитников окружающей среды.

Также в экологическом дискурсе России встречаются *семейная, криминальная, фитоморфная, домашняя, религиозная* метафоры и метафора *механизма*. Содержание этих метафор в проанализированных текстах не превышает 4,5%. Следует отметить «табу» на сексуальную метафору в экологическом дискурсе России. Также экологи не используют потенциал *экономической, исторической* и *педагогической* метафор. Отечественные экологи не берутся кого-либо учить. Об отношении большинства русских к денежным средствам давно известно во всем мире. Свободный рынок начал развиваться в стране гораздо позже, чем на Западе. Очевидно, что до сих пор концептуализировать мир в денежном эквиваленте русским не свойственно.

Доминирующими метафорами в политическом дискурсе Англии являются метафоры *организма, болезни* и *дороги*, процентное содержание которых составляет 11-15% от общего числа 500 проанализированных концептуальных метафор. Данная тенденция метафорической концептуализации реальности отчасти свидетельствует о некоторой интровертности национального сознания, стремлении уберечь личное пространство от вторжений извне, сосредоточенности на своем организме, его состоянии, недугах.

Процентную планку от 5% до 9% включительно занимают метафоры *войны, спорта, животного мира, стихии, дома и механизма*. Здесь следует сделать оговорку на то, что граница между метафорой спорта и войны оказывается зачастую очень неопределенной, например, концепты борьбы, победы, поражения в равной степени могут относиться к субсфере метафорического моделирования «спорт» или «война». Возможно, с этим обстоятельством связано отсутствие этих сфер-источников метафорической экспансии в числе лидеров. Тем не менее, такие метафоры высоко частотны и продуктивны в английском экологическом дискурсе.

Наименее распространенными являются *сексуальная, криминальная, театральная, монархическая, фитоморфная, религиозная, монархическая и историческая* метафоры. Их присутствие в экологическом дискурсе составило 0,5 – 4,5%. Показательно, что криминальная метафора не так часто встречается в дискурсе английских защитников окружающей среды. Для них оказываются вполне достаточными концепты *лжи, обмана, несоответствия, лицемерия, нечестной игры*, чтобы выразить свое недовольство поведением и деятельностью ЧУЖИХ, поскольку эти концепты являются ориентирующими ментальными установками для англичан.

Метафорическая репрезентация категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии показана на схемах 2, 3 и 4.

Равное количество групп, представляющих СВОИХ и ЧУЖИХ в политическом дискурсе экологистов США, отражает сбалансированную позицию Зеленых на политической арене государства. Как отличительную черту американского «зеленого» дискурса следует отметить выделение СМИ в категорию ЧУЖИХ. Такое внимание и настороженность по отношению к средствам массовой информации говорят о большой значимости «четвертой власти» в США и оппозиционности журналистов к партии, посягающей на разрушение стереотипного представления о двухпартийности государственной власти в Соединенных Штатах.

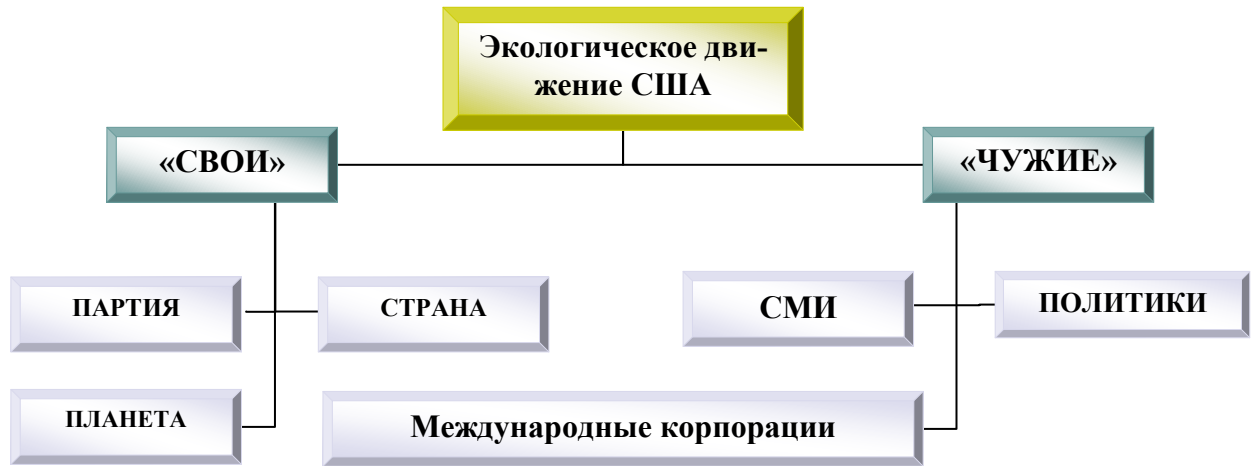


Схема 2. СВОИ и ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США

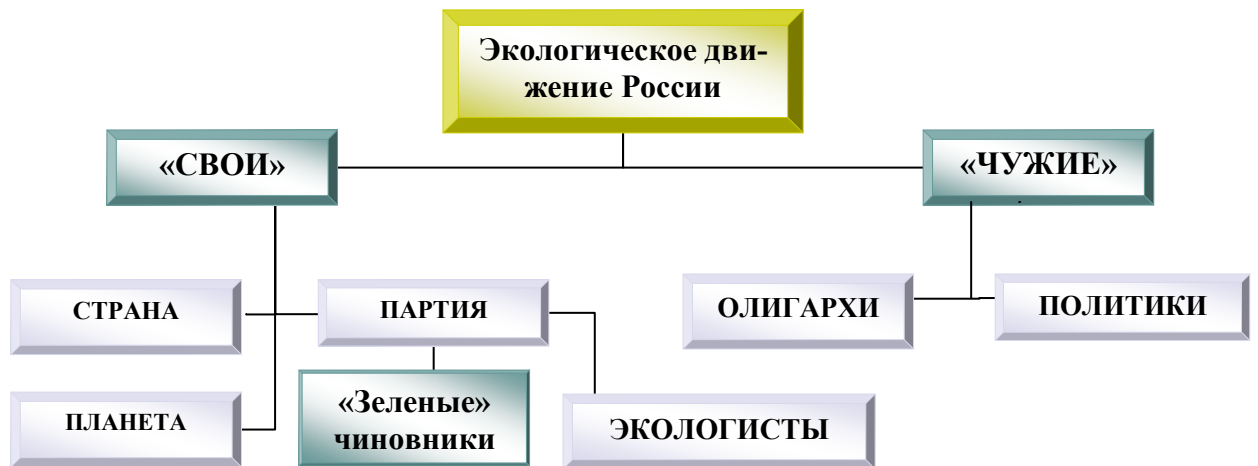


Схема 3. СВОИ и ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе России



Схема 4. СВОИ и ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе Англии

Своеобразной оказалась сама структура оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ в дискурсе Зеленых **России**. К ЧУЖИМ российские экологи относят только две группы: политических деятелей и олигархов, погрязших в коррупции. Поскольку взгляд отечественных экологов направлен исключительно на реалии российской действительности, то вполне закономерно, что мы не находим в стане «врагов» международные корпорации. Третья группа ЧУЖИХ все же обнаруживается, но уже среди СВОИХ. Партия Зеленых распадается на две команды, настроенные оппозиционно друг к другу – экологи и «Зеленые», наделенные государственной властью. Очевидно, двойственность национального характера русских, их особое умение найти ЧУЖИХ среди СВОИХ переносится и на имидж экологического движения, которое имеет две стороны, два лица.

Традиционно к СВОИМ Зеленые **Англии** относят ПАРТИЮ, СТРАНУ, ПЛАНЕТУ, а в категорию ЧУЖИХ наравне с ПОЛИТИКАМИ и МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОРПОРАЦИЯМИ причисляют США.

Видимо, специфическое отношение англичан к своим заокеанским братьям сохраняет свою актуальность на протяжении веков, что подтверждает предположение о принципиальных различиях культуры и менталитетов этих народов, несмотря на единство языка, и свидетельствует о необходимости расширенного изучения универсального и специфического в лингвокультурах этих стран. Результаты таких сопоставительных исследований представляют значительный интерес для когнитивной лингвистики и являются необходимыми для развития межкультурной коммуникации.

Приложение 2. Политическая культура США, России и Англии как фактор, воздействующий на метафорическую систему

Согласно представлениям культурологов, политическая культура – есть совокупность регулятивов и ценностей, определяющих участие людей в политической жизни [Кармин, Новикова 2004: 230]. Политологи рассматривают политическую культуру как совокупность исторически сложившихся, относительно устоявшихся и типичных для какой-либо общности или индивидов ориентаций и моделей поведения в отношении политической системы, а также типичных моделей функционирования институтов, составляющих эту систему [Сирота 2000: <http://energy-mgn.nm.ru/polit/123.htm>].

Несмотря на некоторые расхождения в толковании, представители названных научных направлений разделяют убеждение о том, что политическую культуру общества следует рассматривать как органическую часть более широкой общенациональной культуры. Ее специфика детерминирована особенностями исторического опыта и национального характера народа, комплексом социально-политических и экономических факторов, особенностями геополитического положения страны, природными факторами. В качестве ее составных элементов выступают формировавшиеся в течение многих поколений политические традиции, идеи, концепции, действующие нормы политической практики.

Политическая культура характеризует конкретное общество, что говорит о самобытности политических культур разных стран. Так, для политической культуры **США** характерны деидеологизированные ориентации граждан, низкая политическая активность, уважение к правящей элите, использование легитимных форм политического участия, законопослушность, патриотизм, “партиципаторная”, “гражданская” и демократическая, плюралистическая культура.

Американская либеральная традиция основывается на добровольном, ответственном труде, непрофессиональном, базирующемся на прямом участии, политическом активизме, чувстве гражданской добродетели, дисциплине и долге, новом понимании политики как осознанной непрерывной работы. Граждане США ориентированы на соревновательность в достижении политических целей; придерживаются политического и идеологического плюрализма в рамках двухпартийной политической системы, построенной на основе традиционных ценностей. В США существует критическое отношение к государству и уверенность в том, что надеяться следует только на собственные силы или силы гражданского общества. Политические партии имеют меньшее значение в США, чем в Европе и России, но отмечается активное участие и самоорганизация американцев при решении актуальных политических проблем [Ирхин 2001: 117].

Необходимо также отметить развитость гражданского общества в США, важную роль в котором имеют идеи и ценности либерально-протестантской традиции. Религиозность как таковая является важным компонентом американской культуры в целом и политической культуры в частности. Кандидаты в Президенты апеллируют к религиозным чувствам и представлениям избирателей [см. напр. Галеева 2003: 38].

Показательно, что при этом роль государства сводится к выполнению социально-экономических и иных заказов общества, с акцентированием интересов на коалиции: “верхний” + “средний классы” или “высший средний” + “средний” и частично “нижний классы”; формирование у людей развитого чувства обязанности участия в политической жизни; объединения вокруг национальной идеи в здоровых, демократических формах, акцентирования внимания на конкурентноспособности нации в свете вызовов времени; рождение новых организаций и движений, вызываемых к жизни глубинными потребностями всего общества или его сегментов [Ирхин 2001: 117].

В американской политико-культурной традиции доминируют идеи власти Закона (представления о том, что все равны перед законом, и никто

не стоит над ними), в связи с чем особое место занимают политико-правовые документы, лежащие в основе создания Соединенных Штатов Америки. Благодаря неизменности этих документов основополагающие правовые и политические принципы американского общества и развитая судебная система (суд присяжных заседателей, значительное количество квалифицированных юристов и др.) остаются основой устойчивой политико-правовой традиции развития американского общества.

Другой характерной чертой американской политической культуры являются сильная позиция, формальная независимость и плюрализм “четвертой власти” (власти СМИ, оказывающих мощное воздействие на политическое сознание американцев).

Политическую культуру США отличает включение в процесс принятия решений не только государственных инстанций, но и многочисленных общественно-политических организаций и групп. Следствием элитарно-демократического типа принятия политических решений и мозаичности общественно-политической жизни в США является активизация экологических, различных молодежных, женских, коммуналистских, маргинальных, этнических, религиозных и иных общественно-политических движений, оппозиционных политических клубов, центров изучения общественного мнения и пр.

Политологи считают, что соотнесение российской политической культуры с существующими вариантами типологии сопряжено с серьезными трудностями. Исследователи отмечают нелинейность и запутанность российских реалий, которые не укладываются в общепринятые типологии и классификации, обнаруживают много такого, что не поддается объяснению традиционными методами и средствами [Н.Оуэн, Дж. Сникер, Л.Фадеева и др.].

Основной причиной сложившейся ситуации считается противоречивость, как русского национального характера, так и политической культуры. Одни связывают это с особенностями природно-климатических усло-

вий, способствующих появлению в русском национальном характере "тенденций к неумеренности", а в политическом поведении, с одной стороны, стремления быть независимым вплоть до анархии, с другой - необходимости подчиняться власти (Д. Пибоди). Другие видят истоки противоречивости в таких исторических факторах, как низкий уровень жизни и принудительный характер труда (Г. Дикман). Отечественные политологи говорят о гетерогенности, антиномичности, многослойности национальной политической культуры.

Многослойность проявляется в сочетании нескольких разнородных пластов: сугубо российского (этатизм, коллективизм, мессианство, соборность), советского (идеализм, вождизм, уравнительство), модернистского (индивидуализм, ориентация на рынок и демократию).

Гетерогенность современной российской политической культуры проявляется в существовании множества этно-национальных, региональных, конфессиональных и иных субкультур.

Антиномичность российской политической культуры состоит в сочетании следующих противоположных компонентов: коллективизм - индивидуализм, консерватизм - радикализм, архаизм - футуризм, шовинизм - интернационализм, почвенничество - западничество и т. д.

Большинство ученых обнаруживают в российской истории устойчивые базовые характеристики политического устройства, в основе которого лежали авторитаризм, персонализм, вождизм. Исторические особенности обусловили также появление таких черт национальной политической культуры, как этатизм, вытекающий из доминирующей роли государства по отношению к обществу, патернализм и клиентелизм, "выключенность" широких масс из повседневного политического процесса, правовой нигилизм как "низов", так и "верхов". Особенности российской политической культуры традиционно связывают и с длительным господством коллективных форм жизни, незначительной политической ролью механизмов самоуправления и самоорганизации общества.

На политическую культуру России не оказали существенного влияния те механизмы социальной эволюции, которые на Западе порождали гражданское общество и активистские политические ориентации, - частная собственность, рынок, конкуренция.

Специфика политической культуры России обусловлена евразийским геополитическим положением страны, концентрацией и централизацией власти, скреплявшей в единый организм конгломерат регионов и народов, слабостью механизмов самоуправления и самоорганизации, доминировавшими коллективными формами образа жизни. В формировании политической культуры России участвовали различные этноконфессиональные и социокультурные группы. Каждая из них привносила в нее свой специфический опыт, ценности, традиции, предрассудки и т.д.

На протяжении российской истории, несмотря на перемены социально-экономического и духовного характера, отношение населения к власти определялось, прежде всего, подданныческими политическими ориентациями - готовностью подчиняться ей, ожиданием от нее покровительства и социальных гарантий (например, Россия при царе, при Советской власти). Эти ориентации были закреплены принятием христианства, которое придало власти абсолютную легитимность через ее обожествление, а после Октябрьской революции – культом вождей, конформизмом, абсолютизацией классовых ценностей и отрицанием достижений западной демократии. Тотальный контроль партии-государства обеспечивал воспроизводство подданныческих ориентаций населения. Их устойчивость и массовость препятствовали попыткам реформирования политической системы, которые предпринимали Н. С. Хрущев и М. С. Горбачев.

Со времени петровских реформ история России шла под знаком постоянного противоборства ценностей подданнычески-патриархальных и либеральных. Первые проявились в тяге к «сильной руке», харизматическому лидерству и патронажу со стороны государства, в «соборности». В то же время пробивали себе дорогу предпринимательская инициатива и стремле-

ние максимально ограничить роль государства. Развитие товарно-денежных отношений, частной собственности не подкреплялось массовым распространением соответствующих ценностей. Чувство неудовлетворенности реформами у обделенной части населения перерастало в неприятие перемен.

Особенностью российской политической культуры в течение длительного времени была ее конфронтационность – уверенность индивидов и социальных групп в правоте своих принципов и ориентиров, в неприятии компромиссов как средства обеспечения целостности государства и общества. В советский период конфронтационность усиливалась марксистскими представлениями о насилии как орудии социально-экономического прогресса. Поэтому Россию непрерывно сотрясали бесконечные бунты, восстания и революции.

В настоящее время в российском обществе широко распространены идеологизированность мышления, нетерпимость части населения к носителям иных воззрений. Это препятствует формированию консенсуса главных общественно-политических сил относительно базовых принципов государственного устройства, объединению населения вокруг общезначимых целей и его мобилизации для их достижения.

Для российской политической культуры характерны: радикализм, проявляющийся в предпочтении насильственно-революционных преобразований мерам эволюционного, реформистского типа; уверенность в наличии быстрых и простых решений сложных проблем. Здесь преобладают ценности подданнического типа, отражающие ориентацию большей части населения на авторитарное правление и патронаж государства, неразвитость общегражданских позиций. Эти ценности ограничивают возможности демократического развития, восприятия ценностей либерализма – рынка, частной собственности, конкуренции. Лишь у части городского населения, в среде предпринимателей и интеллигенции произошла переориентация на ценности рынка и демократии. Эти слои населения оказывают наибольшую

социокультурную и политическую поддержку реформированию общества.

Политологи приходят к заключению, что в последние годы в содержании политической культуры российского общества произошли определенные изменения [Сирота 2000: <http://energy-mgn.nm.ru/polit/123.htm>]. Во-первых, формируется отношение к плюрализму как необходимому качеству политического процесса, важной гарантии обеспечения прав и свобод человека, открыто выражаются различные ориентации, сопоставляются позиции политических сил, ведется полемика по наиболее острым вопросам бытия. Во-вторых, набирает силу тенденция к консенсусности общества. Основные политические силы ориентируются на сохранение главных достижений демократии - права избирать, права на предпринимательскую деятельность, права выезда и возвращения и др. Стремление политических элит к консолидации совпадает со стремлением общества к стабильности.

Таким образом, одна из важнейших задач реформирования Российского государства и общества - преобразование политической культуры на основе демократических ценностей. Исследователи подчеркивают, что власть должна обеспечить сосуществование различных идеологий и стилей гражданского поведения, способствовать формированию ориентации интегрального типа, ограничивая влияние политических экстремистов [там же].

Важнейшими историческими факторами формирования политической культуры **Великобритании** исследователи традиционно считают относительную политическую стабильность, постепенность развития, возможность выбирать особый, "британский", путь вследствие островного положения, постепенность и органичность включения новых элементов в старые политические структуры, принцип легитимности (Н.Оуэн, Дж.Сникер, Л.Фадеева и др.).

Убежденность британцев в том, что их страна - колыбель западной демократии, основывается на таких исторических эпизодах, как принятие Великой хартии вольностей (1215), Habeas Corpus Act (1679), Славная ре-

волюция и Билль о правах (1688-1689). В то же время революция и гражданская война XVII века в коллективной памяти британцев сохранились как досадная ошибка, благодаря которой, впрочем, они научились ценить стабильность и поддерживать баланс между принципами свободы и порядка. Отличительная черта британского политического опыта - уверенность граждан в том, что властью будут пользоваться в соответствии с установленными традициями и законами. Это порождает у рядовых граждан уважение к законам. "В Англии закон почти всегда является отростком обычаев и традиций. Те самые нравы и обычаи, из которых сложились законы, создали и тех, кто должен им подчиняться: так что люди воспринимают законы как привычные, разношенные домашние туфли, - пишет Д. Прайс. - Люди убеждены, что законы существуют для общего блага и имеют одинаковую силу для всех" [Прайс 1912].

Традиционный пласт британской политической культуры представляет отношение к демократии как важнейшему достоянию нации и вообще западной цивилизации. Вследствие этого, для данной культуры характерны представления о более активной роли простого народа в принятии политических решений, о его духовной и политической активности. В политической теории эти компоненты входят в понятие партисипаторности.

Представления о социальной ответственности государства в политическом сознании британцев оказались настолько устойчивыми, что выдержали даже бурный натиск "консервативной волны" и "консервативной революции" М. Тэтчер.

В 1963 году Г. Алмонд и С. Верба характеризовали Британию как наиболее сбалансированное и успешное из современных государств в плане стабильности демократии и лояльности граждан [Almond, Verba 1963], но в следующей коллективной монографии под их редакцией Д. Каванах представил анализ "эрозии доверия" британцев к правительству и другим политическим институтам. Новое поколение не склонно, быть может, гордиться своей сис-

темой и политическими институтами, однако наращивает свое политическое участие [The Civic Culture Revisited 1989].

Снижение доверия к политической системе - следствие повышения ожиданий. По мере того как политические институты достигают эффективности, увеличиваются требования граждан, касающиеся "достойного" поведения элиты, ее стандартов и результатов деятельности.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что одним из важнейших различий британской и российской политических культур является усиление когнитивного компонента гражданской культуры в Британии и наличие "когнитивного вакуума" в современной России [Россия и Британия в поисках достойного правления 2000]. Исследователи придерживаются мнения, что последний, как правило, влечет за собой и вакуум политического участия, что означает слабую задействованность населения, как в конвенциональных, так и в неконвенциональных формах. Заполняют вакуум патронажно-клиентелистские связи, заменяющие и "достойное правление", и гражданское общество.